

ТЕКСТ.
КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2016

№ 1(10)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«Текст. Книга. Книгоиздание»

И.А. Айзикова (Томск) – председатель
Т.Л. Воробьева (Томск) – отв. секретарь
С.В. Березкина (Санкт-Петербург)
О.А. Дашевская (Томск)
В.С. Киселев (Томск)
В.В. Мароши (Новосибирск)
Д.А. Олицкая (Томск)
А.В. Подчиненов (Екатеринбург)
Г.Н. Старикова (Томск)
Е.И. Тулякова (Томск)
К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ПРИКЛАДНЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

<i>Киселев В.С.</i> Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н.М. Кугушева (статья вторая).....	5
<i>Буданова И.Б.</i> Найденный текст перевода А.Н. Островского пьесы А. Граццини (Grazzini) «Арцыгоголо» (L'arzigogolo)	27
<i>Волощина С.В., Литвинов А.В.</i> Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов...	40

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Баранова А.В.</i> Первые переводы прозы Томаса Гарди в России	55
<i>Миронова В.Е.</i> Рецепция детективного творчества Артура Конан Дойла в русской литературе: к постановке вопроса	73
<i>Айзикова И.А.</i> Художественная литература в книжной коллекции Г.К. Тюменцева (статья первая)	86

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Жиликова Э.М.</i> А.П. Елагина – автор статьи о книгопродавце Иване Васильевиче Попове	117
<i>Блинова О.И.</i> О «Словаре синонимов сибирского говора»	127
<i>Никонова Н.Е., Стекланникова С.Ю.</i> Русская поэзия в немецких антологиях 2000–2010-х гг.: динамика издательских стратегий и читательских ожиданий	138
Сведения об авторах	155

C O N T E N T S

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Kiselev V.S.</i> The book and journal sources of the anthology <i>Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812</i> by N.M. Kugushev (Article I).....	5
<i>Budanova I.B.</i> A discovered translation of A. Grazzini's play <i>L'Arzigogolo</i> made by A.N. Ostrovsky	27
<i>Voloshina S.V., Litvinov A.V.</i> Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts.....	40

BOOK IN CULTURE

<i>Baranova A.V.</i> The first Russian translations of Thomas Hardy's prose	55
<i>Mironova V.E.</i> Reception of Arthur Conan Doyle's detective novels in Russia: setting the problem	73
<i>Ayzikova I.A.</i> Fiction in the book collection of G.K. Tyumentsev (Article I)	86

BOOK PUBLISHING

<i>Zhilyakova E.M.</i> A.P. Elagina, the author of an article about the bookseller Ivan Vasilievich Popov.....	117
<i>Blinova O.I.</i> On the Dictionary of Synonyms of the Siberian Dialect	127
<i>Nikonova N.Ye., Steklyannikova S.Yu.</i> Russian poetry in the German anthologies of the 2000s–2010s: dynamics of publishing strategies and reader expectations.....	138
Information about the authors	155

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/23062061/10/1

В.С. Киселев

КНИЖНЫЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ» Н.М. КУГУШЕВА (статья вторая)

Статья излагает результаты изучения книжных и журнальных источников, вошедших в состав поэтической антологии Н.М. Кугушева «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (1814). Стихотворения были заимствованы из журналов и брошюр 1812–1814 гг. и сохранили тесную связь с их коммуникативными стратегиями. Статья намечает модели коммуникации «Русского вестника», «Сына отечества», «Вестника Европы», «Друга юношества», «Чтений в Беседе любителей русского слова», «Санкт-Петербургского вестника» и малоформатных книжных изданий военного времени, отразившихся в антологии Н.М. Кугушева и воплотивших стремление к национальной консолидации.

Ключевые слова: история русской литературы, история русской журналистики, литературная коммуникация, Н.М. Кугушев, Отечественная война 1812 года.

1

Эту коммуникативную установку журналистика, основной источник «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», превращала в реальное «хоровое» единство. Поэтические тексты, отобранные Н.М. Кугушевым, были опубликованы в шести журналах: «Русский вестник», «Сын отечества», «Вестник Европы» (26 стихотворений), «Друг юношества» (12 стихотворений), «Чтения в Беседе любителей русского слова» (6), «Санкт-Петербургский вестник» (2). Подавляющая часть пришла на страницы антологии из «Русского вестника» и «Сына отечества» — самых популярных изданий эпохи — соответственно 55 и 48 текстов¹.

¹ Здесь нужно учитывать, что целый ряд стихотворений имел параллельные публикации в нескольких журналах, а также отдельных изданиях.

Составитель заимствовал из журналов 1812 – начала 1814 г. большинство значимых стихотворений, связанных с Отечественной войной и заграничными походами, и память о первоначальных публикациях вполне сохранялась в сознании аудитории.

Более того, она выступила и значимым аргументом для критиков в дискуссии, завязавшейся с подачи П.М. Строева: «С сожалением должны мы сказать, что сие собрание стихотворений, взятых из разных журналов и особых книжек, не может назваться хорошим. Между прекрасными стихотворениями помещены самые посредственные и дурные без всякого разбора. Притом число первых весьма невелико, а последние занимают большую часть сей книги» [1. 1814. Ч. 18, № 38. С. 243]. В ответ М.И. Невзоров переадресовал упреки в низком уровне многих стихов самим журналам, из которых они были заимствованы: «<...> немало стихотворений в книге сей помещено из “Сына отечества”, которого издатель, по моему мнению, равнодушно не вытерпит, когда бы кто сказал, что он в журнал свой помещает самые посредственные и самые дурные стихотворения. <...> Остальная часть стихотворений в сей книге выбрана из «Вестника Европы» и других журналов, которых издатели могут сами за себя отвечать, таковые ли помещаются ими стихотворения, какими называет их г. Критик» [2].

Перенос ответственности за уровень художественных текстов с составителя антологии на редакторов журналов был наследием кружковой коммуникации: большинство журналов эпохи отражали групповые мнения и печатали произведения вполне определенного ряда авторов. От этой традиции в 1812–1813 гг. существенно отступал лишь «Сын отечества» Н.И. Греча, санкт-петербургское еженедельное издание, имевшее публицистически-новостной характер. Художественные произведения здесь занимали периферийное место и не подвергались «кружковому» отбору. Среди поэтов «Сына отечества» мы встретим представителей разных литературных обществ, групп, выразителей далеких друг от друга художественных программ: «беседчиков» и архаистов Г.Р. Державина, А.А. Волкову, Д.И. Хвостова, Н.П. Николева, С.Н. Марина, Д.П. Горчакова, карамзинистов В.Л. Пушкина, П.И. Шаликова, А.П. Бунину, В.А. Жуковского, членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» И.А. Кованько, А.Х. Востокова, Н.Ф. Остолопова, А.Е. Измайлова, А.А. Писарева, М.В. Милонова и многих других

(Ф.Н. Глинку, Ф.Ф. Кокошкина, А.В. Аргамакова, Г.Г. Волкова, Н.И. Ильина, П.А. Корсакова, И. Ламанского). В их стихотворениях вряд ли можно найти общую эстетическую основу. Объединяла их коммуникативная направленность: в контексте журнала они становились элементами пестрой современной хроники, быстрым отзывом на текущие события. Основная часть поэтических текстов «Сына отечества» – стихотворения «на случай», написанные по поводу конкретного военного эпизода.

Это способствовало тематической циклизации. В журнале легко выделяются поэтические блоки, посвященные актуальному событию. Так, в составе первой части, номера которой вышли в свет в октябре – ноябре 1812 г., был помещен целый ряд стихотворений о наполеоновской оккупации и освобождении Москвы – «Солдатская песня» И.А. Кованько (№ 1), «Освобождение Москвы» Д.И. Хвостова (№ 4), «Ода на освобождение Москвы» И. Ламанского (№ 5), «Солдатская песня» Н.И. Ильина (№ 6). В этих и следующих выпусках 1812 г. предметом поэтической рефлексии стали тарутинский маневр и перипетии отступления французов – «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, непрерывными поражениями его армии сопровождаемое» И.А. Кованько (№ 5), «Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни» Н.Н. Язвицкого (№ 6), «Ода на победы над врагами» С.Н. Марина (№ 8), «Чувствования россиянки, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А.А. Волковой (№ 9), «На бегство Наполеона с остатком войск его» Ф.Ф. Кокошкина (№ 9) и др. Хроникальное начало усиливалось оперативной публикацией. Многие стихи «Сына отечества» точно датированы авторами и напечатаны «по свежим следам», как «Солдатская песня» (15 сентября 1812 г.) и «Ода на бегство Наполеона...» (29 октября 1812 г.) И.А. Кованько, «Освобождение Москвы» (28 октября 1812) Д.И. Хвостова, «Стихи, писанные по прочтении известия...» (3 ноября 1812 г.) Н.Н. Язвицкого и пр. Еще одним элементом «репортажного» подхода становились тексты с передовой, вроде «Авангардной песни» Ф.Н. Глинки, сопровождающей подзаголовком «Сочинена во время командования авангардом главной армии графом Михаилом Андреевичем Милорадовичем. В Бунцлау марта 16

1813» и примечанием «Доставлена из главной квартиры российской армии» [1. 1813. Ч. 6, № 26. С. 306].

Подобные поэтические материалы органично встраивались в тематическое целое отдельного номера или части, где обнаруживали связи как с новостным блоком, так и с блоком публицистическим. Это особенно остро чувствовалось в первых выпусках, где раздел новостей с фронта еще не приобрел позднейшего оперативного вида или вообще отсутствовал. Его функции частично выполняла рубрика «Смесь», куда входили отрывки из писем, случаи-анекдоты, выдержки из иностранных газет и книг. Частью пестрой панорамы становились и стихотворения, создававшие лирическую версию того или иного события – смерти П.И. Багратиона («Лирическая песнь при известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона» Н.Ф. Остолопова [1. 1812. Ч. 1, № 2]), успехов П.Х. Витгенштейна («Стихи графу Витгенштейну на одержанные им над французами победы» А.А. Волковой [1. 1812. Ч. 1, № 4]), символических эпизодов Бородинского сражения («Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине в Августе 1812 года» К. З-ского [1812. Ч. 1, № 6])¹.

Здесь иногда возникали и прямые переклички текстов. Так, в «Смеси» № 4 за 1812 г. была опубликована заметка «Кончина Захарова», посвященная героической смерти гвардейского капитана на Бородинском поле. Через несколько месяцев А.П. Бунина отозвалась на этот случай в стихотворении «На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова», помещенном в № 12 за 1813 г. Целую серию подобных откликов вызвала смерть М.И. Кутузова, сообщение о которой было напечатано в «Смеси» № 20 за 1813 г. (с. 37–43). Своеобразным продолжением некролога выступила «Песнь барда на кончину князя Г.К. Смоленского» П.А. Корсакова (с. 44–46), а в других номерах на утрату полководца отозвались А.Е. Измайлов («На кончину генерал-фельдмаршала князя М.Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского». Ч. 5, № 19), М.В. Милонов («Мысли при гробе Князя Кутузова-Смоленского». Ч. 6, № 24), чье стихотворение следовало за сообщением о погребении М.И. Кутузова 13 июня 1813 г. в Казанском соборе (с. 208), Н.Ф. Остолопов («На погребение генерал-фельдмаршала князя Ми-

¹ См. о последнем в кн.: [3].

хаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского», прибавление № 8 от 13 июня 1813 г.).

Хроникальное начало совмещалось в «Сыне отечества» с нацеленностью на идеологическое осмысление событий, выявление их актуального политического значения, причем журнал не стремился воплощать единую жесткую систему взглядов, как «Русский вестник» С.Н. Глинки. Публицистика «Сына отечества», занимавшая центральное место в каждом номере, существенно эволюционировала, отражая изменение общественного сознания. Так, идеологемы народной войны, общенационального сопротивления задавали тон номеров 1812 г. («Глас истины» Э.М. Арндта, «Глас русского», «Послание к русским» А.П. Куницына), в ходе заграничных походов на первое место постепенно вышли образы императора и полководцев, воплощавших в себе национальный дух («Отступление французов» Э. Пфуля (Гилсдорфа), «Воззрение на войну Франции с десятью европейскими державами противу России 1812 года», «Обозрение кампании 1812 года, с 12 июня по 31 декабря» и др.), наконец, ко второй половине 1813 г. вполне сложилась концепция божественного спасения России, ведомой историческим Промыслом («Слово, говоренное при гробе князя Смоленского» и «Рассуждение о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне» архимандрита Филарета)¹. Как орган, имевший целью «опровержение вредных толков насчет хода происшествий» и «сосредоточение патриотических мнений»², «Сын отечества» выступил инструментом формирования общественного мнения, рождавшегося из хора отдельных голосов.

Поэтические тексты журнала служили переходным звеном между публицистикой и эмпирически-новостным материалом, плотно встраиваясь в проблемно-тематическую структуру номеров. Среди них мы не найдем этапных стихотворений, предлагавших новые художественные формы для идеологического осмысления событий, и эта усредненность, оперирование устоявшимися стилевыми, жанровыми, сюжетно-образными средствами помогали интеграции с ярким публицистическим разделом, лирически усиливая его риторику. Так, апелляция к патриотическому духу, призывы к национальному

¹ См. о них подробнее: [4, 5]. Ср. также: [6–9].

² Цит. по кн.: [10].

единению, к народной войне, характерные для публицистики конца 1812 г., находили продолжение в стихах, стилизованных под народные песни («Солдатская песня» И.А. Кованько, «Солдатская песня» Н.И. Ильина, «Песня к русским воинам» некоего «отставного из Фанагорийского гренадерского полку солдата Никанора Остафьева» [1. 1812. Ч. 1, № 3] и др.), в обращении к форме патриотического гимна («К Россиянам. Дифирамб» А.Х. Востокова [1. 1812. Ч. 1, № 4]), в воскрешении сюжетов Смутного времени, связанных польской интервенцией и ополчением («Освобождение Москвы» Д.И. Хвостова). В дальнейшем на первый план выдвинулись «персональные» жанры, либо выражавшие личное патриотическое чувство автора, либо посвященные определенному герою заграничных походов. Первые представлены «Чувствованиями россиянки» и «Стансами» [1. 1812. Ч. 2, № 11] А.А. Волковой, стихами «На бегство Наполеона с остатком войск его» Ф.Ф. Кокошкина [1. 1812. Ч. 2, № 9], «Прощанием с 1812 годом декабря 1812 во всерадостный день рождения Его Императорского Величества» А.Х. Востокова (1812. Ч. 2, № 10), «Моей молитвой» Н.Ф. Остолопова [1. 1813. Ч. 3. № 4], «К жителям Нижнего Новгорода» В.Л. Пушкина [1. 1813. Ч. 4, № 8] и т.п. Ряд «портретных» текстов был не менее широк, превращая «Сына отчества» в своеобразную галерею 1812 г. Помимо центрального героя – М.И. Кутузова, эталонный образ которого создал В.А. Жуковский в послании «Князю Смоленскому» [1. 1813. Ч. 3. № 5]¹, это П.И. Багратион («Лирическая песнь...» Н.Ф. Остолопова, эпитафия Д.И. Хвостова [1. 1813. Ч. 5, № 18], П.Х. Витгенштейн («Стихи графу Витгенштейну» А.А. Волковой, «К портрету графа Витгенштейна» Г.Р. Державина [1. 1812. Ч. 1, № 6], Р.И. Захаров («На смерть капитана... Захарова» А.П. Буниной) и др. Только тема Божественного промысла, спасшего Россию от иноземного нашествия, не нашла в «Сыне отчества» подробной поэтической разработки, хотя ее мотивы, конечно, появлялись в ряде стихотворений от «Моей молитвы» Н.Ф. Остолопова до «Оды на всерадостное известие о покорении Парижа» В.В. Капниста [1. 1814. Ч. 13, № 17].

Таким образом, блок стихотворений, заимствованных Н.М. Кукушевым из санкт-петербургского журнала, сохранял тесную связь с

¹ Напечатано также в «Вестнике Европы» (1812. Ч. 66, № 21/22) и в отдельном издании (см. выше).

хроникой Отечественной войны 1812 г. и актуальной патриотической публицистикой, внося в «Собрание» отзвуки оперативной новостной коммуникации.

2

В отличие от журнала Н.И. Греча «Русский вестник» был изданием авторским и обладавшим достаточно долгой историей. Он издавался С.Н. Глинкой с 1808 г., и к началу Отечественной войны публика хорошо представляла систему взглядов, исповедуемых редактором. Если «Сын отечества» был органом, отражавшим разные стороны общественного мнения, то «Русский вестник» 1812–1814 гг. последовательно продолжал программу патриотического воспитания, обнаружившую особую актуальность в условиях внешней угрозы и национальной консолидации. Стихотворения из этого журнала составляют треть исследуемой антологии, что позволяет сделать вывод не только об особой популярности издания, но и о близости Н.М. Кугушеву идейно-художественных установок С.Н. Глинки. Поэзия «Русского вестника» благодаря своей содержательной цельности выступила своеобразной основой «Собрания».

Идеология журнала уже становилась предметом подробного описания в работах И.И. Замотина, Л.Н. Киселевой, А. Мартина и Е.Б. Мирзоева [11–14], поэтому подчеркнем лишь главные ее моменты, существенно сказавшиеся в поэтическом разделе. Идеалом С.Н. Глинки являлась «семейственная» монархия, призванная преодолеть рознь сословий отечески-сыновними отношениями, самоотверженным исполнением обязанностей каждым гражданином национального сообщества от царя до крестьянина. Служение «общему делу» обретало высшую санкцию в лице Божественного провидения, перед которым все люди и сословия мыслились равными. Подобное гражданско-религиозное единство представляло собой особый национальный мир, специфически русский, имеющий древние истоки, но расколотый Петровскими реформами и нуждающийся в восстановлении. «Русский вестник» рассматривался издателем как одно из орудий национального объединения, как средство воспитания образованного сословия в идеалах православия, социальной филантропии, служения Отечеству – и как орган опровержения разрушительных революционных веяний с их материалистическими

концепциями, требованиями социального равенства, космополитической культурой. Журнальная форма позволяла С.Н. Глинке не разворачивать эти положения в системном виде, а развивать их, оттачиваясь от разнообразного материала — исторического, документального, художественного. Одним из компонентов здесь выступала и поэзия, в первую очередь стихи самого издателя, публиковавшиеся фактически в каждом номере.

Лирические тексты не выделялись в журнале в особый раздел, а прослаивали прозаические статьи, что подчеркивало их содержательные переклички. Более того, стихи часто выполняли функции публицистически-новостных материалов, поскольку прямое обсуждение политических тем, в особенности внешней политики, цензурой не допускалось. В годы Отечественной войны этот запрет отпал, но доступа к свежим новостям с фронта у С.Н. Глинки, в отличие от издателя «Сына отечества», не было, и его основным источником выступали правительственные известия и манифесты. Следует принять во внимание и то, что № 10–12 за 1812 г. из-за оккупации Москвы выходили с опозданием, уже в начале 1813 г., что лишало их новостной актуальности (№ 8–9 вышли в свет в июле 1812 г.). В результате стихи редактора и его корреспондентов превращались в своеобразную идеологическую хронику, будучи сопровождаемы еще и частыми развернутыми примечаниями-микростатьями, усиливающими их публицистическое звучание. Далеко не все они вошли в состав кугушевской антологии, однако 20 текстов С.Н. Глинки, самый большой авторский корпус «Собрания», и 35 стихов других поэтов откликались на ряд важных идеологических событий эпохи, предлагая их осмысление в духе патерналистско-православного монархизма и национализма.

Так, редактор с воодушевлением воспринял официальные знаки изменения внешней политики и в последних весенних номерах 1812 г. приветствовал приготовления к войне с наполеоновской Францией («Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» [15. 1812. Ч. 18, № 4], «Стихи на выступление гвардейских полков из Санкт-Петербурга» [15. 1812. Ч. 18, № 4], «Стихи на отъезд государя императора из Санкт-Петербурга по отпятии путешественного молебствия в Казанском соборе» [15. 1812. Ч. 18, № 5], рассматривая их как призыв к национальной консолидации вокруг царя и веры:

Монарх! одно твое реченье
Есть щит, есть царства ограждение.
Ты рек, властитель наш, отец:
«Сыны! Отечество спасайте,
Россию, веру защищайте!»

Где Бог – властитель всех сердец,
Там жертва жизни есть отрада;
Там смерть за родину – награда;
И там гремит всеобщий глас:
«Монарх! употреби всех нас!»

Следующий блок стихотворений, открывающийся «Стихами по случаю известия о нашествии неприятеля» [15. 1812. Ч. 19, № 7] с их начальной цитатой из императорского манифеста «На зачинающего Бог!», был посвящен сбору ополчения и посещению Александром I Москвы, для С.Н. Глинки подобному заключению священного союза монарха и его народа для обороны Отечества¹. Нетрудно заметить, что поводом стихотворений становились в первую очередь правительственные манифесты, деяния членов августейшей семьи и церковных иерархов, патриотические жесты московского дворянства и купечества². К стихам С.Н. Глинки присоединялись произведения других авторов идеологической хроники начала войны – «Стихи, написанные по прочтении полученного приказа, отданного государем императором действующим армиям 13 июня 1812 года, по слу-

¹ Подробнее об освещении С.Н. Глинкой июльского визита императора в Москву см.: [16].

² «Молитва Богу при воспоминании Полтавской победы [15. 1812. Ч. 19, № 7], «Песнь русских поселян русским воинам», «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву» (оба – [15. 1812. Ч. 19, № 8]), «Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15 1812 года», «Стихи, написанные по прочтении письма преосвященнейшего Платона, при котором препровожден к государю императору образ преподобного Сергия, игумена Радонежского», «Стихи, написанные по прочтении рескрипта... великой княгини Екатерины Павловны, в котором изображено желание ее пожертвовать на службу государя императора некоторое число воинов», «Стихи на манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года» (все – [15. 1812. Ч. 19, № 9]), «К воинам московской силы, вышедшим в поход 14-го августа», «Стихи на пожертвование в пользу нового ополчения, učinенное всеавгустейшего матерью государя императора (оба – [15. 1812. Ч. 20, № 10]).

чаю вероломного разрыва мира» А.А. Волковой [15. 1812. Ч. 19, № 7], анонимные «Стихи на единодушное избрание санкт-петербургским дворянством в начальники новой военной силы генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова» [15. 1812. Ч. 19. № 9], «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. Ламанского [15. 1812. Ч. 20. № 10], с запозданием опубликованные «Стихи по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и в след за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го числ того же ноября» Б.К. Бланка [15. 1813. Ч. 2, № 4] и др.

Собственно военные события освещались в поэзии С.Н. Глинки и его корреспондентов достаточно скупое – это «Стихи на отличие гвардейских казаков при начале военных действий» [15. 1812. Ч. 19, № 8], «Стихи на новую победу российских войск, одержанную под началом графа Витгенштейна» [15. 1812. Ч. 19, № 9], «Стихи генералу Раевскому» [15. 1812. Ч. 20, № 10], а также «Польский на прибытие императорской гвардии в город Вильну» А.А. Писарева [15. 1812. Ч. 19. № 8] и «Стихи на соединение армии под стенами Смоленска 1812 года 22 июля» Ф.Н. Глинки, опубликованные через два года после написания в составе «Писем русского офицера» [15. 1814. Ч. 26, кн. 6]. Широкий отклик вызвали только оккупация и освобождение Москвы и смерть М.И. Кутузова, в чем «Русский вестник» не отличался от других журналов 1812–1813 гг. («На разрушение Москвы» 15. 1813. Ч. 23, № 7] Ф.Ф. Иванова, «Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам» [15. 1813. Ч. 24, № 10] А.А. Никитина, «Стихи на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского» [15. 1813. Ч. 22, № 6] С.Н. Глинки, «Стихи в память князю Кутузову-Смоленскому» [15. 1813. Ч. 23, № 9] И.И. Нечаева и др.).

Символическим итогом лирики 1812 г. стали стихи, посвященные спасшему Россию Божественному провидению («Благодарственная песнь Богу, избавителю России» [15. 1813. Ч. 21, № 1], «Стихи по случаю крестного хода на другой день по освящении Архангельского собора, в день празднества Сретения Господня» [15. 1813. Ч. 21, № 3]. Эти мотивы-идеологемы пронизывали поэзию «Русского вестника» в целом, но заверченный облик они приобрели к началу 1813 г. («Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов

любезного отечества» [15. 1813. Ч. 21, № 2)] П.В. Голенищева-Кутузова, «Молитва Израильского народа во время нашествия Сенахеримова воинства на Иерусалим» [15. 1813. Ч. 22, № 4] Н.М. Шатрова, «Песнь Богу, покровителю России» [15. 1813. Ч. 22, № 5] Г.Г. Волкова и пр.), отразив и во многом предвосхитив официальную концепцию Отечественной войны:

Господь! Ты предводил полками,
Ты гром и молнию метал;
Ты смертоносными путями
Враждебную гордыню гнал!
И днесь будь наш Ты повелитель,
Сердец будь наших учредитель,
Учи нас Твой закон любить;
Храни от зол иноплеменных,
От обольщения ухищренных;
Дай твердость – россами нам быть.

Среди авторов «Русского вестника», вошедших в антологию, заметных имен немного – это в основном круг московских поэтов: брат издателя Ф.Н. Глинка, Н.М. Шатров, Н.П. Николев, Н.М. Кугушев, П.И. Шаликов, Н.Д. Иванчин-Писарев, В.А. Левшин, П.П. Свиньин, Ф.Ф. Иванов, а также петербуржцы П.В. Голенищев-Кутузов, А.А. Писарев, А.А. Волкова. Остальные представляли московскую и провинциальную дилетантскую словесность – А.А. Никитин, Н.И. Ильин, И.И. Нечаев, В.М. Колосов, Д.П. Глебов, А.П. Степанов, С.В. Юшков, Б.К. Бланк, Г.Г. Волков, Н. Овдулин, И. Ламанский. К их числу относились и еще несколько анонимных корреспондентов из Санкт-Петербурга (авторы «Певца на гробах братьев-воинов россиян» [15. 1813. Ч. 24, № 12], «Молитвы русских при опоясании на брань» [15. 1812. Ч. 19, № 7], «Стихов на единодушное избрание санкт-петербургским дворянством... Голенищева-Кутузова»), из села Загорье («Солдатская песня в память князя Кутузова-Смоленского» [15. 1813. Ч. 23, № 8] и села Старорусина («Побег Наполеона Карловича из земли Русской» [15. 1813. Ч. 22, № 5]).

Эклектичные художественные вкусы С.Н. Глинки сказались в разнородности круга сотрудников: убежденные приверженцы А.С. Шишкова, вроде Н.М. Шатрова, здесь соседствовали с верными

последователями Н.М. Карамзина, подобными П.И. Шаликову или Н.М. Кугушеву. Очень пестрым был и спектр стилистик – оссианическая лирика «Певца на гробах братьев-воинов россиян», сатирическая сказка в духе И.И. Дмитриева «Побег Наполеона Карловича из земли Русской», памфлет («Исповедь Наполеона французам» [15. 1813. Ч. 21, № 1] С.Н. Глинки, «Возвращение тирана Наполеона во Францию» [15. 1813. Ч. 21, № 2] Н.П. Николева), подражания псалмам и духовные оды Н.М. Шатрова, С.Н. Глинки, Н.Д. Иванчина-Писарева, Г.Г. Волкова и др., стилизации народных песен Н.И. Ильина, А.А. Никитина, С.Н. Глинки и Ф.Н. Глинки, эксперименты с национальной экзотикой («Шаманство» [15. 1813. Ч. 22, № 5] П.П. Свинына), масонские аллегории («Торжество Веры и Добродетели» [15. 1814. Ч. 26, кн. 4] Н. Овдулина), различные варианты сентиментальных «чувствований» («Чувствования русского в Кремле» [15. 1814. Ч. 1, кн. 2] Д.П. Глебова, «Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» [15. 1812. Ч. 19, № 9] А.П. Степанова) и одической риторики (С.Н. Глинка, П.В. Голенищев-Кутузов, А.А. Писарев и пр.). При всей стилистической разнородности объединяющим художественным началом было в лирике «Русского вестника» преромантическое стремление к характерности, к передаче национального колорита, а на другом полюсе – к нравственно-психологической сфере. Библейские, оссианические, сказочно-песенные мотивы в контексте журнала репрезентировали определенную ипостась русского мира, который раскрывался с иной стороны в патриотических чувствах лирического героя, в его религиозных переживаниях. Любое стихотворение здесь превращалось в моральный урок, в экспрессивное воздействие на аудиторию с воспитательно-пропагандистскими целями. Эта коммуникативная установка достаточно полно передавалась комплексом текстов, вошедших в «Собрание стихотворений» Н.М. Кугушева, и актуализировала в антологии черты идеологической хроники и нравственно-патриотической публицистики.

3

Поэзия других журналов, не так активно откликнувшихся на военные действия, была представлена в «Собрании» в гораздо меньшем объеме. Самый крупный блок из 26 текстов был заимствован из

«Вестника Европы», чьи публикации довольно часто являлись перепечатками¹. Тем не менее они выделялись своим ровным художественным уровнем и, во многом, близостью поэтики. Это обуславливалось ведущей ролью литературного раздела, вполне обозначившейся в годы редактирования В.А. Жуковского (1808–1810), и ориентацией на карамзинскую традицию. Ее усилило активное участие в выпуске журнала В.В. Измайлова, в 1813 г. часто заменявшего тяжело болевшего М.Т. Каченовского, а в 1814 г. полностью взявшего на себя редактирование². Из его стихотворений, обильно публиковавшихся в «Вестнике Европы», в кугушевскую антологию вошли «К московским стихотворцам на день 2-го сентября 1812 года» [19. 1812. Ч. 65, № 18] и «Песнь Отечеству на победы над французами» [19. 1812. Ч. 65, № 19/20]. К кругу карамзинских последователей принадлежали и другие авторы журнала – П.И. Шаликов («Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества июля 15 дня 1812 года» [19. 1812. Ч. 65, № 17], «На поражение французов и Наполеона под Бrienной 20 января 1814 года» [19. 1814. Ч. 74, № 5], Н.Д. Иванчин-Писарев («К портрету генерала графа Витгенштейна» и «К портрету генерала Кульнева» [19. 1812. Ч. 66, № 21/22], «К портрету светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского» и «Акростих» [19. 1812. Ч. 66, № 23/24], «Надпись на поле Бородинском» [19. 1813. Ч. 68, № 5/6. С. 23–25], «Память князю Багратиону» [19. 1813. Ч. 72, № 23/24]), А.П. Бунина («На кончину графа Александра Ивановича Кутайсова, в Бородинском сражении убитого 1812 года августа 26» [19. 1813. Ч. 70, № 13], Ф.Ф. Иванов («К российскому дворянству» [19. 1812. Ч. 64, № 14], «Песнь великому вождю героев» [19. 1813.

¹ «Певец во стане русских воинов» (отд. изд.) и «Князю Смоленскому» («Сын отечества», отд. изд.) В.А. Жуковского, «Освобождение Европы и слава Александра I» Н.М. Карамзина (отд. изд.), «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П.В. Голенищева-Кутузова («Русский вестник», отд. изд.), «Любовь к Отечеству» А.А. Писарева («Русский вестник»), «На поражение французов и Наполеона под Бrienной 20 января 1814 года» П.И. Шаликова («Сын отечества»), «Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» С.В. Юшкова («Русский вестник», отд. изд.), «Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года» И.В. Попова (отд. изд.), «Акростих» Н.Д. Иванчина-Писарева (отд. изд.).

² Подробнее об этом периоде издания см.: [17, 18].

Ч. 68, № 5/6], И.В. Попов, С.В. Юшков и др. Закономерным явлением для журнала стала в этом контексте перепечатка оды самого Н.М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I» [19. 1814. Ч. 75, № 12], а параллелью ей выступили характерные образцы романтического осмысления Отечественной войны В.А. Жуковским («Певец во стане русских воинов» [19. 1812. Ч. 66, № 23/24] и «Вождем победителей» [19. 1812. Ч. 66, № 21/22] (в отдельной публикации – «К князю Смоленскому») и А.Ф. Воейковым («К Отечеству» [19. 1813. Ч. 69, № 11/12], «Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому» [19. 1813. Ч. 69, № 9/10]), трансформировавшие сентиментальную поэтику.

Доминантой военной поэзии «Вестника Европы» выступило лирическое видение. Политические известия и публицистика даже в разгар военных действий занимали в журнале скромное место, будучи главным образом переводами иностранных источников, помещаемых на последних страницах в рубрике «Политическая история» и «Смесь». Стихи также не образовывали прочной хроникальной последовательности, идеологической или новостной, как в «Сыне отечества» и «Русском вестнике», растворяясь в потоке произведений вполне мирной сентиментальной тематики. Их отличительной чертой становилась личностная рефлексия: у В.А. Жуковского, А.Ф. Воейкова или В.В. Измайлова в центре находился образ автора, человека невоенного, переживавшего вместе с читателем трагические события – сбор ополчения, разорение Москвы, смерть М.И. Кутузова, гибель интимно знакомых героев (А.И. Кутайсова, П.И. Багратиона) – и находившего выразительные формы для передачи общего эмоционального опыта. Жанровым воплощением подобного видения становились надпись-эпитафия, песня (самый частый жанр), послание, близкое к оде, но отмеченное гораздо большей интимностью в восприятии адресата (вплоть до камерных «Стихов в день Светлого Христова Воскресения – матери от детей» анонимного автора). Все они сближались установкой на персональную коммуникацию, на общение в рамках дружеского круга, метафорически расширявшегося до масштабов нации.

Совершенно иные модели предполагала лирика «Друга юношества и всяких лет» и «Чтений в Беседе любителей русского слова». Оба журнала были далеки от ориентации на современность, на новостной подход и скорее напоминали альманах, отличаясь закрытой

коммуникативно-повествовательной структурой и очень ограниченным кругом постоянных авторов. Военная тематика для них стала явлением временным и не заняла большого места в репертуаре. Так, Н.М. Кугушев заимствовал из «Друга юношества» 1812–1814 гг. 12 лирических текстов, которыми фактически исчерпывалось обращение журнала к событиям Отечественной войны. Для М.И. Невзорова и его корреспондентов основной целью являлось моральное воспитание юношества, основанное на идеалах сентиментальной педагогики и масонских практиках духовного делания¹. Художественная литература использовалась здесь, по сути, в прикладном плане – как эмоционально-образное продолжение нравоучительных эссе, речей и проповедей. Этот оттенок приобретали в «Друге юношества» и военные тексты, основной мыслью которых являлась покорность Божественному промыслу, обрушившему на Россию многочисленные бедствия, дабы испытать свой народ, но в итоге пославшие победу верным христианам.

Образы национального единения вытеснялись в журнале религиозной экзальтацией, а стихи приобретали черты духовного гимна, как в «Гласе к Богу московских жителей во время нашествия французов» П. Замыслова [21. 1812. Ноябрь], «Стихах в день Богоявления Господня. На войну» А. Кулакова и «Песни на поражение галльского фараона» А. Урываева [21. 1813. Янв.], «Песни на смерть светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского» М. Виноградова [21. 1813. Апр.], «Песни Богу, покровителю России» Г.Г. Волкова [21. 1813. Июль]. Элементы проповеди, библейская образность пронызывали и одические тексты, образцом чего служили стихи самого М.И. Невзорова «Ода на случай войны с французами 1812 года» [21. 1812. Июль] и «Ода на чудесные российские победы» [21. 1814. Апр.], а также П.И. Голенищева-Кутузова («Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца Александра Первого июля 11 дня 1812 года» [21. 1812. Июль], А. Прожина («К друзьям» [21. 1813. Янв.], М. Виноградова («Ода на Новый 1813-й год» [21. 1813. Март] и А. Нестерова («На смерть спасителя Отечества» [21. 1813. Июнь]. Событие или герой здесь раскрывались в максимально обобщенном виде, становясь предметом религиозно-мистической рефлексии как символ власти Промысла

¹ Подробнее см.: [20].

над человеческой судьбой. Из этого контекста выделялось лишь иронически-сентиментальное послание Н.М. Кугушева «Цидулка к соседу при получении известия о совершенном изгнании врагов из России» [21. 1813. Февр.], восходившее к иной, карамзинской традиции.

«Чтения в Беседе любителей русского слова», являясь органом литературного общества, были ориентированы в первую очередь на представление его эстетической программы и творчества его участников. Репрезентация событий Отечественной войны здесь скорее подчинялась общим художественным установкам, чем имела самостоятельное значение, хотя идеологом «Беседы» выступал сам А.С. Шишков, глашатай националистических взглядов. Эта слитность звучания была подчеркнута в кугушевской антологии композиционно: 5 из 6 стихотворений журнала шли сплошным единым рядом и лишь «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года...» Г.Р. Державина [22. 1813. Чтение 10] был вынесен составителем в заглавное положение, он открывал «Собрание». В какой-то мере сохранилось в антологии и функционирование текстов в составе авторских блоков, характерное для «Чтений». Так, державинский блок включал в себя еще «Оду на смерть фельдмаршала Князя Смоленского апреля в 16-й день 1813 года» [22, 1813. Чтение 13], а вторым блоком стали стихи С.А. Ширинского-Шихматова «Песнь россиянина на новый 1813 год» [22. 1813. Чтение 11] и «На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского» [22. 1813. Чтение 13]. Репрезентацией других авторских «гнезд» выступили стихи «К прошлому 1812-му и к наступившему 1813-му годам» [22. 1813. Чтение 11] С.П. Потемкина и «Храм славы истинных героев» П.А. Корсакова [22. 1813. Чтение 12].

При различии авторских стилей все стихи «Чтений» принадлежали к жанру оды и развивали его ораторско-риторические установки, исключая только персональную адресацию. Аудитория, к которой обращались Г.Р. Державин, С.А. Шихматов или С.П. Потемкин, включала в себя весь круг сограждан, чьи патриотические реакции, коллективный дух старался передать поэт. Эта коммуникативная направленность могла отражаться и в заглавии, как в державинском «Гимне», написанном «во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского». Предельная обобщенность, стремление рассматривать события

на вселенском фоне, гипертрофированная эмоциональность и образность, нарочито архаизированный язык и затрудненный синтаксис подчеркивали здесь возвышенный характер описываемых событий или личности героя. Подобная художественно-коммуникативная модель предполагала трудность восприятия и превращала тексты в монументальный памятник эпохе, отделенный от ее сиюминутной динамики и пестрого личностного опыта читателей. В результате «Гимн лироэпический», приобретя статус образцового стихотворения об Отечественной войне, быстро оказался на обочине культурного сознания, как и оды других членов «Беседы», и стал, благодаря «Арзамасу», предметом иронического переосмысления уже через несколько лет¹.

В заключение необходимо упомянуть еще два стихотворения, впервые опубликованные в «Санкт-Петербургском вестнике», журнале Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Его номера выходили в свет с февраля 1812 по май 1813 г. и в последнем были помещены послание К.Н. Батюшкова «К Д.В.Д.» [25. № 10. С. 26–28] и стихи Ф.Ф. Иванова «На разрушение Москвы» (С. 22–25), прочитанные на заседании общества 3 апреля 1813 г. Вскоре оба стихотворения были переопубликованы: первый – в «Сыне отечества» [1. 1813. Ч. 7, № 31], второй – в «Русском вестнике» [15. 1813. Ч. 3. № 7]. Как показывает сопоставление вариантов текста, Н.М. Кугушев напечатал их по версии «Русского вестника» и «Сына отечества», где, в частности, стихи К.Н. Батюшкова получили название «Послание к Д.В.Д.», сохраненное в антологии. Тем самым говорить о «Санкт-Петербургском вестнике» как прямом источнике «Собрания» не приходится, однако опосредованно оригинальная художественная программа журнала в нем отразилась². Тексты Ф.Ф. Иванова и особенно К.Н. Батюшкова предлагали читателю новую версию элегии, аналоги которой трудно найти в антологии. Обостренная личностная рефлексия, романтическая отчужденность, яркий автобиографизм открывали новую страницу в развитии литературы и выступали предвестиями романтической журналистики конца 1810-х – 1820-х гг.

¹ См.: [23, 24].

² См. о ней: [26–28].

В целом же можно констатировать чрезвычайную репрезентативность «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н.М. Кугушева в плане коммуникативном. Публикации, выступившие для составителя источником текста, не только передают общий дух, центральные тенденции книгоиздания и журналистики военного времени, но и отражают спектр важнейших коммуникативных подходов. Они позволяют увидеть, как обостренное внимание к современности, к событиям, на глазах приобретающим историческую значимость, трансформирует культурное общение, выдвигая на первый план оперативность, способность к быстрому, но и, по возможности, полному, универсальному осмыслению материала. Это ярко выраженное хроникальное начало сделало лирику «Сына отечества» и «Русского вестника» наиболее значимым явлением словесности – и становым хребтом антологии. В его контексте коммуникативные установки отдельных изданий, подходы литературного журнала («Вестник Европы»), кружкового вестника («Друг юношества», «Чтения в Беседе», «Санкт-Петербургский вестник») меняли свое звучание, лишаясь смысловой и художественной замкнутости. Рефлексия о современности соединялась со стремлением обратиться к широкой, в пределе – общенациональной аудитории и передавала движение коллективного сознания, формируемого хором отдельных голосов. Круг источников «Собрания», отразивший разнообразие идеологий, эстетических позиций, авторских стилистик, наглядно демонстрирует это трудное обретение единства, за которым стоял идеал национальной консолидации, мощно заявившей о себе потребности в последовательном нациостроительстве.

Литература

1. *Сын Отечества*.
2. *Невзоров М.И.* О новой книге: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света, на 1814 год. Ч. 3, кн. 1–2. Июль, август. С. 167.
3. *Фоменко И.Ю.* Бородинское сражение в русской поэзии. Первые отклики // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: материалы XII Междунар. науч. конф. Можайск, 2008. С. 49–58.
4. *Тартаковский А.Г.* Из истории русской военной публицистики 1812 г. // 1812 год: к 150-летию Отечественной войны: сб. ст. М., 1962. С. 109–114.
5. *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 232–254.
6. *Степанов Н.Л.* «Сын отечества» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 199–210.

7. Михайловская Н.М. Журнал «Сын отечества» периода Отечественной войны и становления декабризма (1812–1818) // Учен. зап. Удмурт. пед. ин-та. 1956. Вып. 9. С. 57–83.
8. Войнич Л.В. Журнал «Сын отечества» в литературной и общественной борьбе 1812–1825 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1986.
9. Федотова Л.В. Образ Наполеона на страницах журнала «Сын Отечества» в период Отечественной войны 1812 г. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 2. С. 137–143.
10. Мордовченко Н.И. Журналистика начала XIX века // История русской литературы: в 10 т. М., 1941. Т. 5, ч. 1. С. 50.
11. Замотин И.И. «Русский вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. М., 1912. Т. 5. С. 130–138.
12. Киселева Л.Н. Система взглядов С.Н. Глинки // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981. (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 513. – Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение). С. 52–72.
13. Martin A.M. The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's Russian Messenger (1808–1812) // Slavic Review. 1998. Vol. 57, № 1. P. 28–49.
14. Мирзоев Е.Б. С.Н. Глинка против наполеоновской Франции: У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М., 2010.
15. Русский вестник.
16. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 286–292.
17. Гиппиус В.В. «Вестник Европы» 1802–1830 годов // Учен. зап. ЛГУ. 1939. № 46. Сер. филол. наук. Вып. 3. С. 212–214.
18. Прохорова И.Е. В.В. Измайлов – издатель и журналист первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
19. Вестник Европы.
20. Кульман Н.К. М.И. Невзоров // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2 (репринтное переизд.: М., 1991. Т. 2). С. 203–225.
21. Друг юношества.
22. Чтения в Беседе любителей русского слова.
23. Фризман Л.Г. 1812 год в русской поэзии. М., 1987. С. 43–44.
24. Альтишуллер М.Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 78–82.
25. Санкт-Петербургский вестник.
26. Орлов В.Н. Русские просветители 1790–1800-х годов. М., 1950. С. 209–488.
27. Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 161–169.
28. Орлов П.А. Поэты-радищевцы // Поэты-радищевцы. Л., 1979. С. 5–52.

THE BOOK AND JOURNAL SOURCES OF THE ANTHOLOGY *COLLECTION OF POEMS RELATING TO THE UNFORGETTABLE 1812* BY N.M. KUGUSHEV (ARTICLE II).

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 5–26. DOI 10.17223/23062061/10/1

Kiselev Vitaliy S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvuliss@mail.ru

Keywords: History of Russian Literature; History of Russian journalism; Literary communication; N.M. Kugushev; Patriotic War of 1812.

The paper aims to analyze the forms of social and cultural communication typical of the early nation-building of the early nineteenth century, and their reflection in the sources of a poetic anthology by N.M. Kugushev dedicated to the Patriotic War of 1812. The Napoleonic Invasion and the Patriotic War of 1812 significantly affected literary communication: new forms appeared and old ones were modernized. N.M. Kugushev's *Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812* (1814), as the poetic picture of the era, reflected the consequences of these socio-cultural changes. The origin of the *Collection* is inextricably connected with the fate of a number of communicative forms, from the journal to the leaflet. The poetic texts N.M. Kugushev selected for the anthology were published in six journals: *Vestnik Evropy* (26 poems), *Drug yunoshstva* (12 poems), *Chteniya v Besede lyubiteley russkogo slova* (6 poems), *Sankt-peterburgskiy vestnik* (2 poems). The vast majority of the poems were originally published in the most popular editions of the time, *Russkiy vestnik* (55 poems) and *Syn otechestva* (48 poems). 27 poems of the anthology were published in 1812–1814 as separate booklets or parts of them. These editions offered original models of socio-cultural communication; model features were the background for the poetic interpretation of the events of the Patriotic War of 1812, and readers of the anthology perceived them.

Publication sources show how the heightened attention to the contemporary events that become historically significant on the spot, transforms cultural communication, highlighting the efficiency, ability to fast and, possibly, comprehensive, universal interpretation of the material. This pronounced topicality made the poetry of *Syn otechestva* and *Russkiy vestnik* the most significant phenomenon of literature, and the carcass of the anthology. In the context of topicality, literary journals (*Vestnik Evropy*), circle editions (*Drug yunoshstva*, *Chteniya v Besede lyubiteley russkogo slova*, *Sankt-Peterburgskiy vestnik*) altered their communicative orientations losing their semantic and artistic isolation. Reflection on modernity was connected with the desire to address a broad, nationwide audience, and expressed the changes in the collective consciousness formed by the totality of individual voices. The range of sources of the *Collection*, reflecting the diversity of ideologies, aesthetic positions and author styles, demonstrates the challenging way to unity supported by the ideal of national integrity, by the urgent need in a consistent nation-building.

References

1. *Syn Otechestva*.
2. Nevzorov, M.I. (1814) O novoy knige: Sobranie stikhotvoreniy, otnosyashchikhsya k nezabvennomu 1812 godu [A new book: A collection of poems relating to the unforgettable 1812]. *Istoricheskiy, statisticheskiy i geograficheskiy zhurnal, ili Sovremennaya istoriya sveta*. Part 3. Books 1-2. Moscow: University Typography. p. 167.

3. Fomenko, I.Yu. (2008) [The Battle of Borodino in Russian poetry. The first responses]. *Borodino i napoleonovskie voyny: Bitvy. Polya srazheniy. Memorialy* [Borodino and the Napoleonic Wars: Battles. Battlefields. Memorials]. Proc. of the Twelfth International Conference. Mzhaysk. pp. 49-58. (In Russian).
4. Tartakovskiy, A.G. (1962) Iz istorii russkoy voennoy publitsistiki 1812 g. [From the history of Russian military journalism in 1812]. In: Fadeev, A.V. (ed.) *1812 god: k 150-letiyu Otechestvennoy voyny* [1812: to the 150th anniversary of the Patriotic War]. Moscow: Znanie. pp. 109-114.
5. Tartakovskiy, A.G. (1967) *Voennaya publitsistika 1812 g.* [Military journalism of 1812]. Moscow: Mysl'. pp. 232-254.
6. Stepanov, N.L. (1950) "Syn otechestva" [Son of the Fatherland]. In: Evgenyev-Maksimov, V., Ampolskiy, I.G., Mordovchenko, N.I. (eds) *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the History of Russian journalism and criticism]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University. pp. 199-210.
7. Mikhaylovskaya, H.M. (1956) Zhurnal "Syn otechestva" perioda Otechestvennoy voyny i stanovleniya dekabrizma (1812–1818) [The magazine "Son of the Fatherland" of the Patriotic War and the formation of the Decembrists (1812–1818)]. *Uchenye zapiski Udmurtskogo pedagogicheskogo instituta*. 9. pp. 57-83.
8. Voynich, L.V. (1986) Zhurnal "Syn otechestva" v literaturnoy i obshchestvennoy bor'be 1812–1825 gg. [The magazine "Son of the Fatherland" in the literary and social struggle of 1812–1825]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kiev.
9. Fedotova, L.V. (2009) Image of Napoleon on "The Son of Fatherland" Magazine pages during the Patriotic War of 1812. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Russian History*. 2. pp. 137-143. (In Russian).
10. Mordovchenko, N.I. (1941) Zhurnalistika nachala XIX veka [Journalism of the early 19th century]. In: Alekseev, M.P. et al. (eds) *Istoriya russkoy literatury: V 10 t.* [History of Russian literature. In 10 vols]. Vol. 5(1). Moscow. p. 50.
11. Zamotin, I.I. (1912) "Russkiy vestnik" Glinki ["Russian Gazette" by Glinka]. In: Dzhivelegov, A.K., Melgunova, S.P. & Pichet, V.I. (eds) *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo. 1812–1912* [Patriotic War and Russian society. 1812–1912]. Vol. 5. Moscow: I.D. Sytin. pp. 130-138.
12. Kiseleva, L.N. (1981) Sistema vzglyadov S.N. Glinki [S.N. Glinka's views]. In: *Problemy literaturnoy tipologii i istoricheskoy preemstvennosti* [Problems of literary typologies and historical continuity]. Tartu. pp. 52-72.
13. Martin, A.M. (1998) The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's Russian Messenger (1808-1812). *Slavic Review*. 57(1). pp. 28-49. DOI: 10.2307/2502051
14. Mirzoev, E.B. (2010) S.N. Glinka protiv napoleonovskoy Frantsii. U istokov konservativno-natsionalisticheskoy ideologii v Rossii [S.N. Glinka against the Napoleonic France. At the root of the conservative-nationalist ideology in Russia]. Moscow: Institute for Business and Politics.
15. *Russkiy vestnik*.
16. Wortman, R. (2002) Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii. T. 1. M., 2002. S. 286-292.
17. Gippius, V.V. (1939) "Vestnik Evropy" 1802–1830 godov [Herald of Europe, 1802–1830]. *Uchen. zap. LGU*. 46(3). pp. 212-214.

18. Prokhorova, I.E. (1995) *V.V. Izmaylov – izdatel' i zhurnalist pervoy trety XIX veka* [V.V. Izmailov – publisher and journalist of the early 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
19. *Vestnik Evropy*.
20. Kulman, N.K. (1991) M.I. Nevzorov [M.I. Nevzorov]. In: Melgunov, S.S. (ed.) *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem* [Freemasonry in its past and present]. Vol. 2. Moscow: IKPA. pp. 203-225.
21. *Drug yunoshestva*.
22. *Chteniya v Besede lyubiteley russkogo slova*.
23. Frizman, L.G. (1987) *1812 god v russkoy poezii* [1812 in Russian poetry]. Moscow: Znanie. pp. 43-44.
24. Altshuller, M.G. (2007) *Beseda lyubiteley russkogo slova. U istokov russkogo slavyanofil'stva* [Lovers of the Russian Word. At the root of Russian Slavophilism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 78-82.
25. *Sankt-Peterburgskiy vestnik*.
26. Orlov, V.N. (1950) *Russkie prosvetiteli 1790-1800-kh godov* [Russian educators 1790–1800-s]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 209-488.
27. Department of History of Journalism. (1950) *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiki i kritiki* [Essays on the history of Russian journalism and criticism]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 161-169.
28. Orlov, P.A. (ed.) (1979) *Poety-radishchevtsy* [Poets of the Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5-52.

И.Б. Буданова

НАЙДЕННЫЙ ТЕКСТ ПЕРЕВОДА А.Н. ОСТРОВСКОГО ПЬЕСЫ А. ГРАЦЦИНИ (GRAZZINI) «АРЦЫГОГОЛО» (L'ARZIGOGOLO)¹

В статье впервые публикуется фрагмент перевода А.Н. Островского пьесы итальянского драматурга А. Граццини «Арцыгоголо», найденный в Отделе рукописей Пушкинского Дома. Устанавливается примерный период обращения драматурга к данному тексту, предлагается научный комментарий к публикуемому тексту.

Ключевые слова: А.Н. Островский, А. Граццини, перевод, русско-итальянские литературные связи.

Название пьесы итальянского драматурга XVI в. Антонфранческо Граццини «Арцыгоголо» встречается в трудах Пушкинского Дома, в предисловии С.Ф. Ольденбурга к первой публикации перевода отрывка драмы «Дэвадасси» («Баядерка»), где сообщается, что «рукопись Островского в 16 страниц в лист, находится в обложке, на которой карандашом написано: «Дэвадасси» (окончено) Арцыгоголо (не окончено)». Эта пометка не отвечает современному состоянию рукописи, которая даёт только часть первой пьесы «Дэвадасси» [1].

Впервые об этом тексте, устанавливая авторство пьесы «L'Arzigogolo», пишет К.Н. Державин в статье «Один из неизвестных переводов А.Н. Островского» [2]. Вслед за Державиным пьесу включают в список итальянских текстов Островского В.И. Маликов и Н.Б. Томашевский, упоминает В.Я. Лакшин [3]. Державин сообщает, что «в архиве ИЛ АН СССР среди материалов Островского хранится рукопись (F, 16 стр.), на обложке которой обозначено карандашом: Дэвадаси (окончено), Арцыгоголо (не окончено). Рукопись, однако, содержит только текст перевода первой части южноиндийской драмы “Дэвадаси” (“Баядерка”). <...> Что же касается “Арцыгоголо”, то ни перевода его, хотя бы не оконченного, ни упоминаний о работе над этим переводом в материалах Островского пока не обнаружено» [2].

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 15-34-01023).

С. 30]. К.Н. Державин лично ознакомился с рукописями Пушкинского Дома, о чём свидетельствуют его черновые записи, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Все вышеупомянутые исследователи обращались¹ к рукописям А.Н. Островского и указывают на то, что фрагментов «Арцыноголо» нет. Этот фрагмент обнаружен нами в Пушкинском Доме, в архиве М.М. Шателен под шифром 23.049/СХІІІ5. Рукопись представляет собой 4 листа, написанных чернилами. На обложке (сделанной сотрудниками ПД) указано: «Островский Александр Николаевич. Отрывок его перевода комедии «Причуды» Грацини. Автограф».

Антонфранческо Грацини (псевдоним *il Lasca*², 1503–1584) – итальянский поэт и драматург XVI в. В 1540 г. вместе с Джованни Маццуоли основал *Accademia degli Umidi* («Академию мокрых»), принимал участие в создании *Accademia Della Crusca* («Академии делла Круска»). Является автором фарса «Монах» (поставлен в 1540) и семи комедий: «Ревность» (1550), «Одержимая» (1560), «Ведьма», «Сибилла», «Ханжа», «Арцыноголо», «Родственные связи» (все изданы в 1582).

Сохранившийся фрагмент рукописи перевода начинается с последней фразы шестнадцатой реплики первого диалога пьесы (Сэра Алессо и Валерио) и заканчивается на первой фразе седьмой реплики первого диалога первого действия второго акта (Камилла и Лесбия). Столь резкое начало и резкое окончание говорят о том, что, скорее всего, перевод был более полным.

Л.Р. Коган в «Летописи жизни и творчества А.Н. Островского» датирует перевод «Арцыноголо» 1874–1875 гг. [4], ссылаясь на предисловие С.Ф. Ольденбурга. Сам Ольденбург не даёт столь точной даты, указывая лишь на то, что перевод «Дэвадасси» выполнен после 1874 г. Это закономерно, ведь книга, содержащая текст пьесы на французском языке, хранящаяся в Библиотеке А.Н. Островского, в 1874 г. издана. Так как рукописи «Дэвадасси» и «Арцыноголо» находились у Островского под одной обложкой, можно предположить,

¹ По листку обращений в архивном деле последними значатся: Н. Томашевский (24.03.77 «для печатания тома»), Т.И. Орнатская (1978 г. «для подготовки тома “Искусство”»).

² *Lasca* – елец; голавль; язь; краснопёрка.

что и работа над ними велась одновременно. Прямых сведений о переводе Грацини нет ни в дневниках, ни в письмах А.Н. Островского. По материалам документов можно предположить о работе Островского над переводом «Арцыгоголо» в период 1875–1876 гг., так как, судя по письмам, активный всплеск интереса Островского к итальянской драматургии прослеживается именно в этот период, а следующие переводы появятся только в 1878 г.

Осенью 1876 г. Островский после работы над пьесами Соловьёва, чтением пьес для конкурсов приступает к написанию оригинальной пьесы «Правда хорошо, а счастье лучше». С одной стороны, пьеса ничем особенным не выделяется: действие также происходит в Замоскворечье, описывается купеческий быт, богатую невесту хотят выдать замуж. С другой стороны, в этой пьесе есть не столь частое действующее лицо в пьесах Островского – нянька Филициата, имена действующих лиц: помимо второстепенных персонажей, Пелагеи и Глеба, все остальные носят греко-римские имена: Амос (купец, лет 40), Мавра (его мать, лет 60), Поликсена (дочь купца), Филициата (нянька), Никандр (приказчик), Платон (молодой человек). Островский часто использовал необычные имена, характеризующие своих носителей, но как правило, подобное именование носило выборочный характер. В этой же пьесе оно значительно расширилось. К ещё одной «нестандартной» характеристике пьесы «Правда хорошо, а счастье лучше» можно отнести финал, разрешающийся практически по канону античной комедии: влюблённая пара может заключить брак, которому препятствовало денежное неравенство (из-за чего молодого человека должны были посадить в долговую яму, а девушку выдать замуж за генерала), разрешившееся волей неожиданно появившегося старого близкого знакомого (точно *deus ex machina*). Подобные «нововведения» могли появиться у Островского как раз после знакомства с пьесой А. Грацини.

Текст отрывка, переведенного А.Н. Островским из «Арцыгоголо» А. Грацини

В публикации настоящего фрагмента отражены все вставки и зачёркивания текста, а также сохранена пунктуация А.Н. Островского, исправлены лишь случаи резкого нарушения ее современных пра-

вил. Орфография дана по новым правилам (не используются: «і» (Валеріо), «ъ» на конце слова и «ѣ», исправлено слитное написание глаголов с отрицательной частицей). Рукопись пронумерована, но порядок цифр не соответствует последовательности диалогов: здесь нумерация листов также дана в соответствии с порядком их расположения.

<Л. 4>

Но ведь рог у меня нет¹.

Алессо

А вот я отучу тебя ловить меня на словах.

Валерио

Господи! Да где же у меня сети, силки, ловушки, чтоб мне ловить? Я думаю, что вы бредите.

Алессо

Ты берегись; я не всегда бываю хладнокровен.

Валерио

Вы подите, погрейтесь у печки, если вам холодно. Зябнуть-то нехорошо, вы сами знаете.

Алессо

Не на живот...

Валерио

Болит живот? Не беспокойтесь, это пройдет скоро, это ветры.

Алессо

Нет уж, не хватает моего терпения с тобой, мошенник, подожди, я накажу тебя...

Валерио

Ах, (ах)², сер Алессо, что [это]³ вы хотите делать? Уж будто нельзя иной раз и пошутить немножко с господами? Я ваш слуга, вы со мной можете сделать всё, что хотите.

¹ Сохранившийся фрагмент рукописи перевода начинается с последней фразы шестнадцатой реплики Валерио из первого диалога пьесы (между Алессо и Валерио), это позволяет предположить, что, скорее всего, перевод был более полным.

² Здесь и далее в квадратных скобках – текст, надписанный А.Н. Островским сверху, в круглые скобки текст заключен автором.

³ В квадратных скобках – текст, надписанный сверху, – здесь и далее.

Алессо

Смотри же, на этот раз ты ушёл от беды; но если ты позволишь себе больше того, что следует, я сшибу тебе голову с плеч кулаком.

Валерио

В другой раз буду осторожнее, я вижу, что с Вами не надобно шутить.

Алессо

Да, и особенно меня в сердцах, я тогда чërта задушy: это очень хорошо знают другие стряпчие в Коммерческом суде: если я начну бесноваться за своего клиента, так криком беру.

Валерио

Беру и деньги деру^x.

Алессо

Я уж и поработал и нажился, – и теперь мало забочусь о процессах и разных делах; да и на что мне, у меня только один сын. Где он, я его не видал и сегодня.

Валерио

Я думаю, гулять ушёл.

Алессо

И отлично думаешь; молод, так и гуляет и ничего

<Л. 4 об.>

знать не хочет, кроме удовольствия. О, боже! Если б я был в таком возрасте, я бы сумел воспользоваться им отлично.

Валерио

А сколько лет вашему сыну?

Алессо

Немного больше двадцати пяти.

Валерио

Если только это правда, что я слышал от одного человека, я его хоть не видал, но он человек достоин [большого] вероятия, – так вам можно опять воротить ваши двадцать пять лет.

Алессо

Как же ты знаешь, что он достоин [большого] доверия, если ты его не видал?

Валерио

Я это знаю, потому что видел руку; у него такие длинные пальцы, что когда он их поднимает кверху, так ничего верней не увидишь.

Алессо

Глупый, разве вера в пальцах. Где, дурак, видал, чтобы помолодел кто-нибудь? Ведь так никто не будет стариться в этом мире (??)

Валерио

Послушайте: как шёл я из Болоньи...

Алессо

Стёр ногу башмаком, не так ли?(^x)

Валерио

Нет. Когда вы меня послали для разыскания этих трёх свидетелей по процессу этого болонского купца, – проходя Альпы, я сошёлся с одним почтенным стариком, строгого вида и с большой бородой. Он говорил, что пришёл из Азии, и рассказывал, что он сподобился входить на гору Кавказ.

Алессо

К чему эти околичности! Мы рассуждаем о том, как помолодеть, а ты приплетаешь Азиню и гору Казу. Что мне до них за дело!

Валерио

Да не слушайте, коли не хотите, чтобы мы пускались в околичности! На вершине этой горы Кавказ есть...

<Л. 1>

Алессо

И гору Казу, и гору Куколи и вот эту соседнюю гору оставь, говорю я тебе: ты мне расскажешь (об этом) [эти истории] после; а теперь я их знать не хочу.

Валерио

Ну, так вот это я вам скажу: там земной рай и есть источник, из которого кто бы ни напился всегда обращается в двадцатипятилетнего юношу.

Алессо

Ох, слышу я это; да бог знает, ещё правда ли это, да потом, если и правда, так чего стоит дойти туда?

Валерио

(Видите ли); этот старик говорит, что когда он пошёл туда, ему было не более двадцати лет; а когда мы его видели, ему было более шестидесяти; вот во сколько времени он сходил туда.

Алессо

Что ж ты хочешь этим сказать? Значит, если б я захотел идти туда, так прежде умру, чем напьюсь из источника.

Валерио

Да не даёте мне кончить. Этот старик, о котором я говорю, принёс для себя и для других бутылочку этой воды, и носит её всегда при себе с великим бережением.

Алессо

Что же он сам не пьёт её, если он старик; и тогда, если это только правда, он вернулся бы молодым?

Валерио

Вот об этом-то я вам и хотел сказать. Он нам говорил, что ещё он во всю дорогу не касался до воды, и не коснётся, пока не придёт в Тоскану, на свою Родину, – (которая) если я не ошибаюсь [как мне помнится], (есть) в Ареццо, или, по крайней мере, когда будет уж близко от неё и притом очень ослабеет от дороги и от лет. Склоняясь на наши просьбы, так как нам очень хотелось видеть действие этой воды, он немного выпил при нас. Это чудо, какую великую силу имеют иногда обыкновенные вещи.

<Л. 1 об.>

Алессо

О, Боже! ~~Если б~~ Будь я с вами тогда, я бы выпросил хоть один глоток, хотя бы это стоило мне тысячу скуди.

Валерио

Как тысячу? Довольно ста. Он говорил, что получил воду с (таким) условием, чтобы не давать её великим мира сего, т.е. папам, императорам, королям, герцогам и кардиналам, а то она потеряет сейчас же свою силу; вот видите, от этого они и не молодеют. И потом ему приказано, чтобы нам, прочим людям, он продавал её не больше, как по сту скуди за глоток; и что если он запросит дороже, так вода у него сейчас же разольётся. И много ещё он рассказывал других таких же удивительных вещей; что там он встречал людей, которые жили на свете многие сотни лет, и как

старость начинала их одолевать, приходили пить из этого источника и возвращались двадцатипятилетними. Говорил ещё потом, что оттуда вышел первый человек – Адам, и что из входящих туда никто не возвращался [кроме его самого]. Почему и как он получил такую милость, – это длинная история; я не хочу вас утомлять разговором; довольно того, что он воротил себе двадцатипятилетний возраст, что почти невозможно; и мы это видели.

Алессо

А куда пошёл потом этот старик?

Валерио

Старик? О, нет! Как только выпил он воды, стал молодым, а не стариком.

Алессо

Да, хорошо; какой он там ни будь, и как его не называй, да куда он пошёл?

Валерио

Я его оставил у городских ворот; он мне сказал, что пробудет во Флоренции восемь, или десять дней, так что, по моему подсчёту, он ещё здесь; а после он пойдёт в свою сторону поить этой водой и молодит своих родных, кого найдёт в живых.

<Л. 2>

Алессо

Так вот <нрзб.>, кабы ты его мне нашёл! Я не пожалею ста скуди и даже больше, чтобы выпить немножко, да и тебе ещё сделаю такой подарок, что ты останешься доволен. И для тебя будет хорошо, если я помолодею хотя б до тридцати шести лет, об двадцати пяти я даже не хлопочу.

Валерио

Так я пойду; и будьте вы уверены, что я найду его и дело обделаю.

Алессо

А я войду в дом и подожду, пока ты вернёшься. (Уходит)

Явление II

Валерио (один)

Валерио

Изображения рождаются вдруг, — часто [сам] думаешь-думаешь над чем-нибудь, никак придумать не можешь, а услышишь словечко, или намёк какой-нибудь от другого и наведёт тебя на мысль. Так сейчас случилось и со мной: одно слово хозяина о том, чтобы старик помолодел, заставило меня придумать эту басню о молодильной воде; чему, кроме нашего простака стряпчего, никто не поверит. Покуда дело идёт на лад, — теперь надо и дальше распорядиться этой выдумкой хорошенько; чтобы выманить у него деньги для моего молодого хозяина, его сына. Я думаю, что это мне удастся; а помолодеет он или нет, это уж его дело. Он что-то проговаривался о любви: должно быть хочет насмешить весь город: он уж мне говорил, не знаю серьёзно ли, что хочет жениться. Если он и до сих пор ещё не оставил этого [не прошла эта] охота, то надо ждать, что я сделаю его молодым; и теперь я очень доволен, что он ухватился за это. Но вот Дарио, его сын и мой любезный хозяин, — для этого я стараюсь с удовольствием. Он об чём-то разговаривает сам с собою [что-то говорит про себя], останусь послушать, чтобы узнать хорошенько, что ему отвечать. (Входит Дарио)

<Л. 2 об.>

Явление III

Дарио и Валерио

Дарио

Ничего нельзя сделать; видно так богу угодно, чтобы всегда наши радости отравлялись каким-нибудь неудовольствием, — которое всегда родится там, где его и не ожидаешь. Вот я, что редко встречается в нашем возрасте, совершенно свободен от тех желаний, которые обыкновенно составляют сюжет комедий: я говорю — комедий, потому что, как мы почти всегда видим, в них отыскивается какой-нибудь пропавший родственник, или вознаграждается страстная любовь: что касается до родственников, то у меня их очень много, и лучше бы хотел растерять и этих, чем находить других; а что до любви, то нет человека свободнее меня, в этом случае, я не из тех, которые проводят ночи у цоколя (у фундамента), чтобы видеть стены своих дам; и не отчаиваюсь, не горю и не леденею в одно и то же время, что бывает с влюблёнными. Таким образом мог бы я жить довольно приятно, если бы не эта новая нужда Марч[ч]елло, который неожиданно просит у меня

пятьдесят скуди, – и как будто он не знает, как у меня мало денег по милости невероятной скупости моего отца. Но я люблю Марчелло, как только можно любить друга, и, сказать по правде, не стал и отговариваться; чтобы он не подумал, что я не желаю одолжить его; и, как путный, обнадежил его, что достану деньги нынче к вечеру. А теперь вот и не знаю, где мне добыть и одно скудо, а не только что пятьдесят. Прика(жу) [зал я] (хорошенько) Валерио, нашему слуге, чтобы он похлопотал достать мне их, или у отца, или где в другом месте, да не знаю, ~~куда он делся~~ [что он сделал]: надежды тут мало. Но не он ли это? Да то он, он подслушивает меня. Валерио, Валерио, что ты здесь делаешь?

<Л. 3>

Валерио

Думаю.

Дарио

О чём?

Валерио

Вот ещё! Кажется, мне есть о чём подумать, как вы задали мне столько работы [такое поручение].

Дарио

Ну, и ты ничего не сделал?

Валерио

Ничего, это вы верно говорите. Разве вы не знаете, каков у вас отец?

Дарио

Очень хорошо знаю. Но как же мне быть; я не могу помочь другу, а я ему обещал и дал слово? Я в отчаянии, средств никаких нет.

Валерио

Неправда: средство есть хорошее.

Дарио

Да, какое?

Валерио

Терпение, которое нужно иметь и вам и вашему другу; это средство во всякой беде помогает [к этому средству надо прибегать во всякой беде].

Дарио

Ты уж очень умён, как я вижу.

Валерио

Ну да, умён; раскусите меня прежде, да потом и судите, умён я, или нет: не пройдёт двух часов, как я вручу вам не [то что] только пятьдесят, а сто скуди, – и выманю их у вашего отца. Но смотрите, я вам вперёд говорю, для этого мне нужно возвратить ему юность и сделать его молодым человеком двадцати пяти лет.

Дарио

Ах! Ты всё [ещё] шутишь надо мной?

Валерио

Я не шучу над своими господами; вот вы сами увидите, что вам я доставлю деньги, а его сделаю молодым, – всё, как обещал.

Дарио

Ну, как же ты не шутишь? Каким образом можно старика сделать молодым? Ты ведь не бог.

Валерио

Да разве вы не знаете, что теперь то и дело новости открываются? Уж коли я ему это обещал, так уж я исполню.

Дарио

Обещал ты ему, только не исполняй; ты лучше подумай, нельзя ли ему прибавить лет, – а не то что убав-

<Л. 3 об>

лять; а что мне обещал насчёт денег, то исполни.

Валерио

Не сомневайтесь, всех уболаговрю, а вас первого. Теперь я пойду хлопотать, доделывать это дело.

Дарио

Иди, и постарайся поскорее увидеться со мной: я пойду поищу Марчелло у дворца Подеста, или на площади; он сказал, что там будет.

Действие II

Явление I

Камилла и Лесбия

Камилла

Ну, Лесбия, мать моя теперь от нас далеко и разговоров наших слышать не может, скажи мне, сделай милость, для чего это она так

часто посылает тебя из дому: и кажется мне, что недаром, а по какому-то важному делу.

Лесбия

А ты всё ещё не отстаёшь называть монну Паперу матерью, хоть и знаешь, что она не мать тебе?

Камилла

Теперь совсем не о том разговор. Хоть она мне и не мать, но она обращается со мною совершенно как с дочерью, и это не новое дело: ты мне ответь на то, что я у тебя спросила.

Лесбия

Ну, Камилла, столько раз ты меня упрашивала и упрашивала сказать тебе об этом, что уж я молчать не могу. Посылает меня Монна Папера так часто из дому ни за чем другим, а только затем, что ищет она тебе мужа.

Камилла

Ой, беда! Что ты говоришь! Да этого быть не может; потому что, если б это было, ты бы не узнала так скоро.

Лесбия

Ты ошибаешься, не за чем другим, а за этим только я и бегаю каждый день. Но что бы ты сказала, если б видела, что у меня здесь, внутри?

Камилла

Я тебе скажу правду, ты точно как сама не своя [5].

Литература

1. *Ольденбург С.Ф.* Перевод южно-индийской народной драмы «Дэвадасси-Баядерка» // *Островский. Новые материалы. Письма. Труды и дни. Статьи. Труды Пушкинского Дома при РАН / под ред. М.Д. Беляева.* М.; Пг. (Л.), 1924. С. 158.
2. *Державин К.Н.* Один из неизвестных переводов А.Н. Островского // *Научный бюллетень Ленинградского государственного университета.* 1946. № 9. С. 30–31.
3. *Лакиши В.Я.* Александр Николаевич Островский. М., 1982.
4. *Коган Р.Л.* Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953. С. 225.
5. *ИРЛИ. Ф. М.М. Шателен.* № 23.049/СХIII5. Л. 1–4 с оборотами.

A DISCOVERED TRANSLATION OF A. GRAZZINI'S PLAY *L'ARZIGOGOLO* MADE BY A.N. OSTROVSKY

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 27–39. DOI 10.17223/23062061/10/2

Budanova Irina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iri-nabudanova@hotmail.com

Keywords: A.N. Ostrovsky; A. Grazzini; translation; Russian-Italian literary relations.

The collection of the Pushkin House papers contains the mentioning of *L'Arzigologo*, a play by the Italian playwright Antonfrancisco Grazzini. In the foreword to the first publication of the *Bayaderka* play fragment, S.F. Oldenburg writes that Ostrovsky's manuscript of 16 pages has a cover with a pencil note: "*Devadessi* (finished) *L'Arzigologo* (not finished)". This remark does not coincide with today's condition of the manuscript which contains just a part of the first play *Devadassi*.

The first person to write about this text, K.N. Derzhavin, notices that the manuscript contains just the text of the first part of the South Indian drama *Devadassi* (*La Bayadere*). Speaking of *L'Arzigologo*, neither a translation, even unfinished, nor any mentions about Ostrovsky's work on it can be found in his documents.

All scholars who studied A.N. Ostrovsky's manuscripts claim there is no evidence of *L'Arzigologo* fragments. This fragment was found in the Pushkin House kept in the archive of Ostrovsky's granddaughter M.M. Chatelain (code 23.049/CXIII5). The manuscript consists of 4 double-sided sheets. The cover the Pushkin House added to the fragment says: "Ostrovsky Aleksandr Nikolaevich. A fragment of his translation *Prichudi* ([Caprices]). Autograph".

L.R. Kogan in *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo* [Chronicles of the life and work of A. Ostrovsky] dates the *L'Arzigologo* translation back to 1874–1875, in accordance with S.F. Oldenburg's foreword. Oldenburg himself did not provide the exact date, just mentioned that the *Devadassi* translation was made after 1874. There is no direct evidence of Grazzini translations in the diaries and letters by Ostrovsky.

In the autumn of 1876, Ostrovsky started writing *V gostyakh horosho, a doma luchshe* ([There Is No Place Like Home]). The play has a character of nanny Feliciata, the type that seldom appears in Ostrovsky's plays and the play is full of Greco-Roman names. Another non-standard trait of that play is its final which resembles ancient comedies. Changes like that could have appeared in Ostrovsky's texts after reading and translating Grazzini's plays.

References

1. Oldenburg, S.F. (1924) *Perevod yuzhno-indiyskoy narodnoy dramy "Devadassi-Bayaderka"* [The translation of a South Indian folk drama "Devadassi-La Bayadere"]. In: Belyaev, M.D. (ed.) *Ostrovskiy. Novye materialy. Pis'ma. Trudy i dni. Stat'i* [Ostrovsky. New materials. Letters. Works and Days. Articles]. Moscow, Leninrad: The Pushkin House, RAS. p. 158.
2. Derzhavin, K.N. (1946) *Odin iz neizvestnykh perevodov A.N. Ostrovskogo* [An unknown translations by A.N. Ostrovsky]. *Nauchnyy byulleten' Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9. pp. 30-31.
3. Lakshin, V.Ya. (1982) *Aleksandr Nikolaevich Ostrovskiy* [Alexander Ostrovsky]. Moscow: Iskusstvo.
4. Kogan, R.L. (1953) *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo* [Chronicles of the life and work of A. Ostrovsky]. Moscow: The State Publishing House of Cultural and Educational Literature.
5. Institute of Russian Literature. The Pushkin House. (n.d.) *Fund M.M. Chatelain*. № 23.049/SXIII5.

С.В. Волошина, А.В. Литвинов

АНАТОМИЯ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ АВТОБИОГРАФИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ: КОМПОЗИЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТОВ¹

Статья является результатом исследования композиции и содержания делопроизводственных автобиографий, написанных в XX в., ранее нигде не публиковавшихся и не становившихся предметом специального изучения. Показывает, что требования, предъявляемые к составлению автобиографии, влияют на композицию, содержание текстов, а также на жанровое сознание человека. Выявляется, что автобиография – это, с одной стороны, документ, в котором отражается жизненный путь автора и эпоха написания, с другой – это своеобразный инструмент контроля человека властью.

Ключевые слова: автобиография, делопроизводственная автобиография, автобиографический текст, автобиографический дискурс, эго-документ, Новейшая история России.

В последнее десятилетие можно отметить бум автобиографических исследований: наблюдается увеличение числа диссертационных работ, написанных на материале автобиографий, дневников, мемуаров и других источников личного происхождения. Активно изучаются эго-тексты в психологии [1–2], литературоведении [3, 4], лингвистике [5, 6], истории [7–9], философии [10]. При этом всё более очевидным становится понимание того, что автобиография – междисциплинарный объект, при исследовании которого требуется объединение усилий разных наук и направлений одной науки. К примеру, Ю.П. Зарецкий отмечает, что в исторической науке «современные исследователи довольно единодушны во мнении, что раскрытие исторического богатства автобиографических текстов возможно только в рамках междисциплинарных исследований, реализующих методы исторической антропологии, микроистории, нарратологии, исторической герменевтики, компаративистики, гендерного анализа» [11. С. 243]. В рамках исследования, посвященного лингвистическому описанию автобиографического дискурса, предполагающему анализ автобиографических текстов в разных дискур-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043)

сивных практиках (диалектном [12], интернет-дискурсе [13] и др.), мы обратились к изучению текстов делопроизводственных автобиографий (термин предложен профессором Ю.П. Зарецким [14]).

Предметом нашего исследования стали делопроизводственные автобиографии, написанные в течение XX в. Их авторы на момент написания текстов в основном жители г. Томска. Делопроизводственные автобиографии содержатся в личных делах (в этой связи они и называются «делопроизводственными»), отложившихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), Центре документации Новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), архивах университетов г. Томска, одного из крупнейших научно-образовательных центров России, а также в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).

К настоящему времени нами собрано около 300 делопроизводственных автобиографий, авторами которых являются 160 человек. В материале встречаются документы, написанные одним и тем же человеком в разные годы. Объем исследуемых текстов варьируется от 1 до 9 страниц (например, самая большая по объему автобиография 1941 г., написанная на 9 страницах [15. Оп. 29. Д. 16]). Исследуемые документы составлены либо на специальных бланках формата А 4 или близкого к нему, либо на листах чистой бумаги различных форматов.

Хронологические рамки исследуемых текстов – конец 1920-х – начало 1930-х гг. – 1990-е гг. Делопроизводственные автобиографии, судя по материалам, которыми мы располагаем, появляются на рубеже 1920–1930-х гг. Документ под заголовком «краткая автобиография лица, заполнявшего анкету» датируется 1929 г. [16], в более массовом порядке делопроизводственные автобиографии появляются с 1932 г., например [15. Оп. 15. Д. 1956. Л. 100–100 об.], [17. Ф-314. Оп. 2. Д. 1030. Л. 2–3]). Последние делопроизводственные автобиографии, оказавшиеся в нашем распоряжении, датируются концом 1990-х гг.

Цель данной работы – выявить изменения композиции и содержания текстов делопроизводственных автобиографий XX в. под воздействием эпохи.

В отличие от большинства изучаемых в настоящее время автобиографических текстов (литературных, художественных автобио-

графий) исследуемый нами материал не подвергался редактуре, нигде не был опубликован и не был изучен в заявленном аспекте.

Делопроизводственные автобиографии, которые оказались в нашем распоряжении, в основном писались при поступлении на учёбу, работу, избрании (переизбрании), назначении на должность и прочих перемещениях по службе.

В течение XX в. автобиографии писались как на обычном листе бумаги, так и на специальных бланках с определёнными указаниями к составлению данного документа.

Изначально эти документы составлялись в произвольной форме, но, на наш взгляд, это относительно условное положение, поскольку схема жизни любого человека детерминирует схему автобиографического текста. Во всех исследуемых документах авторы описывают свою жизнь с момента рождения до времени написания текстов. Так, делопроизводственные автобиографии в основном строятся по следующей схеме: сведения о дате и месте рождения, социальном происхождении (родителях, семье, в которой родился), образовании, деятельности (в том числе профессиональной, общественной, политической), службе в армии, составе семьи, родителях, братьях, сёстрах и жизни в момент написания автобиографии). В конце документа указывается дата его написания и ставится подпись. Информация подаётся в хронологическом порядке.

Некоторые тексты характеризуются большим объемом, в них авторы сообщают подробную информацию о себе, семье и т.п. В них находят отражение даже сведения об эмоциональных переживаниях, информация оценочного, рефлексивного характера: *Родители по духовному завещанию оставили свой дом «в равной доле двум сыновьям Дмитрию и Николаю Никаноровичам». Так как Дмитрий Никанорович тогда проживал в Москве, то мне пришлось по нотариальному договору оставить родительский дом за собой, а половину причитающейся суммы (3500 р.) выплачивать ему, причём мой брат, бывший тогда вполне обеспеченным научным работником, нашёл условие, чтобы я, неоперившийся, одинокий, 24-летний юноша, платил ему еще... проценты. Время с 1908 г. (конец) по 1913 (совпавшее с бурной реакцией в высшей школе) я провёл в усиленных занятиях частными уроками и в 1913 г. расплатился с братом, 1935 г. [15. Оп. 17. Д. 1808].*

Композиция и содержание делопроизводственных автобиографий в XX в. в целом принципиально не менялись: сохранялись основные устойчивые композиционные и тематические составляющие (родился, учился и т.д.), но под воздействием формальных требований, которые стала предъявлять власть к содержанию автобиографий, к ним добавлялись новые пункты, изменениям подвергались отдельные тематические сферы, которые в разное время наполнялись разным содержанием.

Первые автобиографии на бланке с определёнными указаниями появляются в нашем материале с 1940 г. [17. Ф. 80. Оп. 2. Д. 4566. Л. 6–7; 17. Ф. 80. Оп. 2. Д. 3066. Л. 5–6]. В то же время еще до начала 1940-х гг. встречаются делопроизводственные автобиографии, написанные, очевидно, по образцу. Об этом свидетельствует наличие определенных формулировок или сведений о том, чего с автором не было (например: *Лица, которые могут подтвердить мою биографию... или В Красной Армии не служил* [15. Оп. 29. Д. 79. Л. 58–60]) и тематических сфер, в некоторых текстах чётко выделенных отдельными блоками, такими как социальное происхождение – указание на деятельность родителей до революции и после – образование – участие в революционном движении и партийная принадлежность – трудовая деятельность и участие в общественной работе. Так, в нескольких автобиографиях, написанных в конце 1930-х, содержится информация в рамках подобных тематических полей [16; 15. Оп. 29. Д. 79. Л. 58–60; 15. Оп. 17. Д. 2206. Л. 5–6]. Это предположение подтверждается и Ю.П. Зарецким, отмечающим, что «структура автобиографии определялась опросным листом, т.е. индивид рассказывал свою жизнь в соответствии с «государственным стандартом» [14].

Формализованные автобиографии встречаются среди исследуемых текстов, кроме 1940 г., в 1949 г., с 1954 по 1959 г., в 1955, 1958, 1979, 1990 гг. Как видно, бланки с требованиями к составлению появлялись в какой-то период, затем исчезали, снова появлялись. Все они обладают как схожими, так и специфичными, характерными только для того или иного времени указаниями.

Так, во всех 7 выявленных нами типах бланков текст автобиографии предваряется надписью: *Писать разборчиво, аккуратно и только чернилами.*

Сравнив все формализованные автобиографии, мы выделили в требованиях к их написанию определенные тематические блоки, которые имеют разные варианты названий и формулировок, но одно содержание, встречаются на бланках в разном порядке и то появляются, то исчезают в разные годы: *Время и место рождения* → *В какой семье родился, сведения о родителях* → *Образование* → *Трудовая/профессиональная деятельность* → *Вопросы о родственниках, лишенных избирательных прав* → *Вопросы об уголовном преследовании автора автобиографии и его родственников* → *Участие в революционном движении* → *Военная служба и участие в вооруженных конфликтах* → *Партийность, членство в комсомоле* → *Состав семьи* → *Пожелания к составлению автобиографии* → *Подпись* → *Дата*.

Блок вопросов о времени и месте рождения имеется всего на 3 бланках 1954, 1958, 1990 гг.¹, хотя все тексты в исследуемом материале начинаются именно с этой информации.

Требования указать сведения о родительской семье, занятиях и материальном положении родителей встречается в 5 бланках автобиографии (1940, 1949, 1954, 1958, 1990 гг.)².

Сведения об образовании требуется указать в 5 бланках (1940, 1954, 1958, 1979, 1990 гг.)³.

¹ «Год и место рождения», 1954 г.; «Время и место рождения (год и месяц, область или край, район, село по новому административному делению)», 1958 г.; «Время и место рождения (город, область или край, район, село по новому административному делению)», 1990 г.

² «Чем занимались родители и их имущественное положение до революции и после революции», 1940, 1949 гг.; «В какой семье родился», «Чем занимались родители до революции и чем занимаются в настоящее время» либо «Чем занимались родители и их имущественное положение до революции, после революции и в настоящее время», 1954 г.; «Чем занимались родители и их имущественное положение до революции, после революции и в настоящее время», 1958 г.; «Если отец не проживает с семьей и Вас воспитывал отчим, необходимо сообщить фамилию, имя, отчество, год и место рождения, место работы и жительства отца и отчима», 1990 г.

³ «Когда, где и какие учебные заведения окончил. Если не окончил, то указать, с какого курса ушёл и почему. Какую специальность получил в результате учебы», 1940 г.; «Когда, в каких учебных заведениях учился, какое образование получил и специальность», 1954 г.; «Профессия или специальность» и «Какое специальное учебное заведение окончили или сколько классов, курсов прошли,

Вопросы о трудовой, профессиональной деятельности можно называть ключевыми для делопроизводственной автобиографии. Они встречаются во всех выявленных типах бланков. Отдельного упоминания достоин пункт «Причины перехода с одной работы на другую», который особенно интересовал власть. Он встречается в бланках автобиографий за все указанные годы, кроме 1990 г., а в бланке автобиографии 1979 г. дополняется пунктом «Причины перерывов в работе»¹.

Информация о родственниках, лишившихся избирательных прав, для автобиографий XX в. стала также одной из ключевых, поскольку она запрашивается в требованиях всех лет, за исключением 1990 г., когда вопрос стал неактуален в связи с трансформацией политической системы Советского Союза и началом его распада².

Сообщать об уголовном преследовании автора автобиографии и его родственников необходимо было в автобиографиях всех указанных лет, поэтому такое требование также следует считать ключевым³.

когда и где», 1958 г.; «Образование», 1979 г.; «Какое учебное заведение (школу) окончили, когда и где», 1990 г.

¹ Другие формулировки вопросов о трудовой, профессиональной деятельности: «С какого возраста, где и в качестве кого начал работать, перечислить все работы, которые выполнял», «Получал ли награды или взыскания за время работы (от кого, за что и какие)», 1940 г.; «С какого времени начал работать самостоятельно», 1954 г.; «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности», 1958 г.; «Выполняемая работа после окончания школы (должность, организация, возраст)», 1990 г.

² «Кто из родственников лишён или лишился избирательных прав, подвергался репрессиям, за что, когда и где», 1940, 1949, 1955, 1958, 1979 гг., либо «Кто из родственников лишился избирательных прав, подвергался репрессиям, был под судом и следствием (за что, когда и где)», 1954 г.

³ «Был ли под судом или следствием до и после революции, за что и решение суда», 1940, 1949 гг.; «Кто из родственников лишился избирательных прав, подвергался репрессиям, был под судом и следствием (за что, когда и где)», 1954 г.; «Был ли под судом или следствием, за что и решение суда», 1955; «Были ли вы или ваши ближайшие родственники под судом и следствием, когда, где и за что и решение суда», 1958; «Были ли под следствием, за что», 1979; «Были ли вы под судом и следствием. Когда, где и за что. Решение суда», 1990 г.

Блок вопросов об участии в революционном движении, революциях 1917 г. и гражданской войне, репрессиях со стороны царских властей содержится в 2 типах бланков из 7 (1940, 1958 гг.)¹.

Информация о службе в Красной гвардии, Красной (Советской) армии, участии в гражданской и Великой Отечественной войне спрашивается в 5 бланках (1940, 1954, 1958, 1979, 1990 гг.)².

Вопросы о членстве и деятельности в комсомоле содержатся в 2 типах бланков (1958, 1990 гг.)³. Участие в деятельности политических партий (в основном ВКП(б)/КПСС) считалось еще одним из ключевых в жизни человека, по мнению власти, так как эти сведения запрашивают в 6 бланках (1940, 1949, 1954, 1955, 1958, 1990 гг.)⁴.

Сведения о составе семьи требуется указать в 6 типах бланков (1940, 1949, 1954, 1955, 1958, 1979 гг.). Это блок разнообразных во-

¹ «В каких революционных организациях, кружках участвовал и какую выполнял работу. Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции (когда, каким). Какое участие принимал в Февральской и Октябрьской революциях и в гражданской войне», 1940; «Ваше участие в революционном движении и подвергались ли репрессиям, когда и где», 1958 г.

² «...Какое участие принимал в... гражданской войне», «Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств: добровольно или по мобилизации, где, с какого по какое время и в качестве кого», «Был ли в Красной гвардии и Красной армии, кем и сколько времени», 1940 г.; «Служил ли в Советской армии, участвовал ли в боях гражданской или Отечественной войны (где, когда, в качестве кого)», 1954 г.; «Краткие сведения о службе в старой армии и в РККА, в качестве кого и какой имели чин», 1958; «Служил ли в Советской армии, участвовал ли в боях гражданской или Отечественной войны (где, когда, в качестве кого)», 1979; «Если служили в Советской армии (где, когда, воинское звание)», 1990 г.

³ «Состоите ли в ВЛКСМ, где, когда и какой организацией приняты», 1958 г.; «Состоите ли в ВЛКСМ, где, когда и какой организацией приняты (для членов КПСС – те же данные)», 1990 г.

⁴ «Не состоял ли в других партиях (каких, когда, где и какую выполнял работу)», «Не участвовал ли в оппозициях и антипартийных группировках, где, каких, когда», 1940; «Не выбывал ли из ВКП(б) – КПСС и причина», 1940, 1949, 1955, 1958 гг.; «Когда и в какой организации вступал в коммунистическую партию, кто рекомендовал», 1940, 1949, 1955 гг.; «Подвергался ли партвызысканиям, когда и за что», 1949, 1955; «Партийность и партстаж», «Какую выполнял партийную или общественную работу (где, когда, в качестве кого)», 1954 г., «Когда и в какой организации вступал в коммунистическую партию», 1958 г., «Состоите ли в ВЛКСМ, где, когда и какой организацией приняты (для членов КПСС – те же данные)», 1990 г.

просов о членах семьи, их занятиях, социальном происхождении, национальности, месте жительства¹.

Один из заключающих автобиографию блоков: «Укажите лиц, которые могут подтвердить важнейшие моменты, указываемые в автобиографии» содержится в бланках 1940, 1949, 1955 гг.

Кроме перечисленных блоков, имеются и отдельные вопросы, встречающиеся в требованиях только одного какого-либо года. В остальное время эти сведения власть не интересовали. Так, только в бланке 1940 г. содержатся вопросы: «Кто из родственников служил в войсках или учреждениях белых правительств», «Имеются ли родственники за границей, кто именно, когда уехали, где находятся, чем занимаются и какая имеется с ними связь», «Избирался ли на конференции, съезды, кем, когда и на какие», «Состояние здоровья составляющего автобиографию», «Где и на какой работе считает целесообразным свое использование в дальнейшем».

В бланке автобиографии 1955 г. имеется вопрос: «Был ли на оккупированной территории, чем занимался».

В 1958 г. спрашивается «Подданство и национальность» писавшего автобиографию, а также задаётся совершенно курьёзный вопрос «Когда и где вступили в члены профсоюза».

В бланке 1979 г. имеются вопросы: «Были ли за границей, где, когда, чем занимался, где и когда», «Ваша общественная работа», «Отразить рост Вашей деловой и политической квалификации».

«Пожелания» к составлению автобиографии присутствуют в 6 типах бланков².

¹ «Социальное происхождение жены (мужа) и их родителей», «Состав членов семьи и их занятия, работа и учеба», 1940, 1949, 1955 гг.; «Состав семьи и краткие сведения о ближайших родственниках (братья, сёстры, муж – жена, отец и мать мужа – жены)», 1954; «Состав членов семьи и их занятия, работа и учеба. Социальное происхождение», «Национальность жены (мужа) и их родителей», 1958 г.; «Состав семьи и краткие сведения (фамилия, имя и отчество, год рождения, род занятий, где проживает) о ближайших родственниках (жена, дети, мать, братья, сестры, отец и мать жены)», 1979 г.

² «Настоящее указание к составлению автобиографий не является схемой и не исчерпывает всех вопросов, подлежащих включению в автобиографию. Поэтому желательно, чтобы составляющий биографию дополнительно осветил вопросы, не предусмотренные данным указанием, но которые он считает необходимым осветить, как наиболее важные», «Автобиографию необходимо излагать в повествовательном порядке, а не в форме ответов на поставленные во-

Требование поставить «подпись» встречается в трёх образцах бланков 1940, 1958, 1990 гг.¹, но оно выполняется во всех исследуемых автобиографиях (и формализованных, и неформализованных).

Таким образом, судя по частотности встречающихся указаний, предъявляемых к написанию делопроизводственной автобиографии, можно сказать, что они соответствуют естественной траектории жизни человека: в них запрашиваются сведения о рождении, социальном происхождении и родителях (в 5 из 7 образцов бланков), образовании (5 из 7), трудовой деятельности (7), собственной семье (6 из 7), однако присутствуют и требования, которые выясняют лояльность или латентную нелояльность человека к коллективу, учреждению, закону и в целом власти (вопросы о причинах перехода с одной работы на другую (6), родственниках, лишившихся избирательных прав (6), уголовном преследовании автора и его родственников (7), партийности (6).

Следует отметить, в подавляющем большинстве случаев, по данным анализируемых текстов, требования к составлению автобиографий соблюдались, но зачастую формально. Если что-то власть в данное время не интересовало, то люди и не спешили поделиться подробностями из своей личной или семейной жизни.

Так, например, в автобиографии 1943 г. [15. Оп. 19. Д. 1228. Л. 3] автор не сообщает сведения о брате (автобиография писалась не на бланке, а на простом листе бумаги, где не было формальных требований), в то время как в формализованной автобиографии 1955 г., отвечая на п. 8 «Кто из родственников лишился избирательных прав, подвергался репрессиям, был под судом и следствием (за

просы», 1940; «Составляется в произвольной форме собственноручно, без поправок и исправлений, с обязательным освещением в повествовательном порядке следующих вопросов», 1940, 1949, 1954, 1955, 1958; «Желательно, чтобы составляющий биографию дополнительно осветил вопросы, не предусмотренные данным указанием, но которые он считает необходимым осветить, как наиболее важные», 1949, 1955 гг.; «Другие сведения, которые Вы считаете необходимым осветить в автобиографии», 1954, 1979 гг.; «Награждения и др. вопросы, которые считаете необходимым осветить как наиболее важные», 1958 г.

¹ «При подписи указывается занимаемая должность и дата составления», 1940 г.; «Собственноручная подпись, месяц и число составления автобиографии», 1958 г.; «Собственноручная подпись и дата составления автобиографии», 1990 г.

что, когда и где)», он указывает: *В 1937 году арестован брат Иван, причины ареста мне не известны* [15. Оп. 29. Д. 399. Л. 4–4 об.].

В других случаях информация, которую предписывалось обязательно осветить, не всегда находила отражение в текстах. Например, в ответ на пункт «Другие сведения, которые Вы считаете необходимым осветить в автобиографии» автор указывает: *«Других сведений, которые считал бы необходимым осветить в автобиографии, нет»*, 1959 г. [18. Оп. 64. Д. 713. Л. 2–2 об.]. Формально ответ на данный вопрос получен, но, очевидно, что неконкретные указания рассматривались авторами как вопросы, на которые лучше не отвечать.

Интересным представляется и факт сообщения неполной информации, что, на наш взгляд, связано с влиянием внешних факторов. Например, в сведениях о родителях в трёх автобиографиях, написанных в 1946, 1954, 1955 гг., автор отмечает, что отец – инженер, член коммунистической партии, мать – врач, указывает должности обоих родителей, но при этом ни разу не называет их имён. При обращении к другому автобиографическому делопроизводственному документу – анкете, в которой от заполняющего прямо требуется указать фамилию, имя и отчество родителей, автор пишет имя, отчество и фамилию матери, при этом имя и фамилия звучат как еврейские. Поэтому его прямое упоминание в автобиографии в условиях государственной политики антисемитизма, особо распространившейся в конце 40-х и в 50-е гг., было, скорее, нежелательным.

Исследователи автобиографий, написанных иностранными партийными кадрами в 30-х гг., Б. Штудер и Б. Унфрид отмечают, что «мастера сталинской автобиографии – это *«виртуозы незаметности»*. Автобиография становится тем совершеннее, чем более она убирает специфическое, характерное, индивидуальное в личности и приближается к нормативному жизнеописанию, которое могло бы быть создано группой» [19. С. 107]. Можно отметить, что изложение «сухих» фактов из жизни, отсутствие более личной информации в автобиографиях того времени характерно в целом для советского общества, в том числе и для партийных кадров. Репрессивная политика, проводимая государством в конце 30-х гг. и далее, сказывалась на объеме текстов (они становились меньше), качестве информации (она стала более «сухой»), способствовала сокрытию данных, что распространялось впоследствии и в автобиографиях 40–50-х гг. На-

пример, в автобиографии, написанной примерно в 1946–1947 гг., автор указывает, что в семье *суждённых нет* [18. Оп. 66. Д. 143. Л. 2], но уже в автобиографии от 16 марта 1953 г. он пишет: *Отец... Степан Степанович, был осуждён в 1938 г. и сослан с правом переписки. Позднее, в 1943 г. мать получила извещение, что он умер в мае 1942 г.* [15. Оп. 29. Д. 236. Л. 4].

Получается, что с точки зрения содержания автобиографии автор при её написании производит отбор событий, сведений, благодаря чему имеет возможность конструировать свою идентичность, раскрывать только «удобные», нужные факты из своей жизни, формирующие «положительный» имидж. «В автобиографии можно было опустить некоторые щекотливые моменты, например пребывание на территории, занятой Белой армией, в годы Гражданской войны. Если человеку приходилось в жизни сменить много разных занятий, он мог сделать упор на одних и обойти молчанием другие» [20. С. 28].

С другой стороны, отсутствие требований (когда, например, автобиография писалась не на бланке, а на простом листе бумаги) не всегда влияло на их несоблюдение.

По всей видимости, под влиянием разработанных указаний формируется жанровое сознание, поскольку встречаются автобиографии, в которых отсутствуют какие-либо вопросы для обязательного освещения, но авторы, знакомые с ними ранее, продолжают следовать им. Например, в автобиографии 1998 г. автор 1959 года рождения указывает свою национальность, в конце текста отмечает: *Судимостей не имел, гражданских прав не лишился.*

В связи с распадом СССР и коренным изменением политической системы делопроизводственная автобиография перестаёт быть инструментом политического контроля граждан, о чём свидетельствует отсутствие каких-либо требований к её написанию. И к концу XX в., как справедливо отмечает Ю.П. Зарецкий, «...эти документы превратились в рудиментарные канцелярские бумаги» [21], жанр делопроизводственной автобиографии, на наш взгляд, явно деградирует: к примеру, автобиография 1997 г. содержит информацию о дате, месте рождения автора, профессии родителей, времени окончания школы, после чего автор пишет: *Все остальные сведения указал в прилагаемой анкете.*

Таким образом, рассмотрев композицию и содержание делопроизводственных автобиографий XX в., можем отметить, что эти документы личного происхождения создавались по определенным требованиям или формально без них. В 1930-е и еще в 1940-е гг. автобиографии писались в более произвольной форме, они были более откровенными, отражали больше сведений личного характера. Появившиеся требования внесли дополнительные пункты в композицию и тематические сферы в содержание делопроизводственных автобиографий. Эти указания к составлению текстов, по сути, отражали интерес власти к человеку и являлись зачастую вмешательством в его личное пространство, средством контроля. Но этот «интерес» не был взаимным, поэтому человек, следуя требованиям, выполнял их формально и старался быть менее «заметным». Наличие требований не означало их неукоснительное соблюдение, равно как и их отсутствие не всегда влияло на их несоблюдение. Получается, что автобиография – это документ не только о личной жизни человека, но и об эпохе в ее личностном измерении, поскольку в указаниях к составлению этих документов косвенным образом выяснялось отношение человека к власти, их взаимодействие, в том числе в критические моменты существования Советского государства, такие как Гражданская война, Великая Отечественная война.

Литература

1. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2009.
2. Лебедева Л.В., Слободенюк А.Ф. Жизненные события в автобиографическом дискурсе // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2014. № 9. С. 181–188.
3. Лукьянова О.А. Жанр автобиографии в американской литературе первой половины XX века // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А: Гуманит. науки. 2013. № 2. С. 38–41.
4. Марьин Д.В. Автобиографии В.М. Шукшина как объект филологического исследования // Сиб. филол. журн. 2011. № 2. С. 79–84.
5. Полякова О.В. Использование стилистических средств в автобиографическом спортивном дискурсе (на примере автобиографии игрока сборной Германии по футболу Филиппа Лама) // Риторика. Лингвистика. 2015. № 11. С. 289–294.
6. Кованова Е.А. Анализ факторов, обуславливающих характер самопрезентации автора автобиографического дискурса // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 47. С. 81–86.
7. Гусева И.И. Биография и автобиография как жанры исторического исследования // Наука и общество. 2013. № 1 (10). С. 26–30.

8. Литвинов А.В. Письма С.В. Попова как источник по истории повседневной жизни студенчества 30-х гг. XX в. // Документ в меняющемся мире: материалы Первой Всерос. науч.-практ. конф. Томск, 27–28 ноября 2003 г. Томск, 2004. С. 302–305
9. Некрылов С.А. Формулярные списки как источник по истории отечественной профессуры конца XIX - начала XX вв. // Документ в меняющемся мире: материалы 1-й Всерос. Науч.-практ. конф. Томск, 27–28 ноября 2003 г. Томск, 2004. С. 253–256
10. Митина С.И. Основные мотивы создания философской автобиографии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 311. С. 47–50.
11. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое лит. обозрение, 2011.
12. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 2. С. 5–10.
13. Волошина С.В. Автобиографические тексты в интернете: жанровый и дискурсивный аспекты анализа // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 5–13.
14. Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся [Электронный ресурс]. URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 17.02.2016).
15. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 16.
16. ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 41. Д. 2233. Л. 15.
17. ЦДНИ ТО. Ф-314. Оп. 2. Д. 1030. Л. 2-3.
18. Архив ТГУ. Р-815.
19. Штудер Б., Унфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
20. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 375 с.
21. Делопроизводственные автобиографии советских граждан (тексты, практики, исторические контексты) [Электронный ресурс]. URL: <http://visantrop.rsu.ru/announcements.html?id=2635242> (дата обращения: 17.02.2016).

ANATOMY OF A CLERICAL AUTOBIOGRAPHY IN THE CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA: COMPOSITION AND CONTENT OF TEXTS

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 40–54. DOI 10.17223/23062061/10/3

Voloshina Svetlana V., Litvinov Alexander V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

Key words: autobiography; clerical autobiography; autobiographical text; autobiographical discourse; ego-document; contemporary history of Russia.

The aim of the article is to reveal changes in the composition and content of a clerical autobiography in the 20th century.

A clerical autobiography is a document in which authors write about their lives when they apply for a job, enter the university, take part in election (re-election) or in appointment to a position and move in the service or join the party.

The material of the research is 300 autobiographies written from the 1930s to the 1990s contained in the personal history folders (that is why they are called “clerical”) and are deposited in the State Archives of Tomsk Region, the Contemporary History Docu-

mentation Centre of Tomsk Region, the archives of the universities of Tomsk and in the State Archive of the Russian Federation.

In all the analyzed documents, authors describe their lives from the moment of birth till the time of the text writing. Autobiographies are mostly built according to the following scheme: information about the date and place of birth, social background, education, activities (professional, social, political), military service, family members, parents, brothers, sisters and life at the time of writing the autobiography. At the end of the document the date of its writing and signature are situated. The information is given in a chronological order.

However, the composition and the content of the texts changed in the 20th century. It depended on the events in the country and the requirements by the governmental power for autobiography creation.

Throughout the twentieth century people wrote clerical autobiographies on sheets of clean paper or on a special paper with instructions of what information should be in the text. Formal autobiographies on forms were found in the material of 1940, 1949, 1954, 1959, 1955, 1958, 1979, 1990.

In formal autobiographies the authors of the article revealed thematic units which are required in different definitions and in different order, and appear or disappear in different years: the time and place of birth → information about parents and family → education → employment/professional activities → questions about relatives deprived of suffrage → questions about the prosecution of the author of the autobiography and his/her relatives → participation in the revolutionary movement → military service and participation in armed conflicts → partisanship, membership in the Komsomol → family → suggestions for the composing of autobiographies → signature → date.

Requirements to the writing of autobiographies shaped the human genre consciousness, because people reproduce certain constructions (from formal autobiographies) in their autobiographies in the time when requirements did not exist.

Thus, a clerical autobiography is not only a document about the life of its author, but also about the time of the text's writing, and a peculiar instrument of citizen's control by the governmental power.

References

1. Nurkova, V.V. (2009) *Kul'turno-istoricheskiy podkhod k avtobiograficheskoy pamyati* [The cultural-historical approach to the autobiographical memory]. Abstract of Psychology Doc. Diss. Moscow.
2. Lebedeva, L.V. & Slobodenyuk, A.F. (2014) *Zhiznennyye sobytiya v avtobiograficheskom diskurse* [Life events in autobiographical discourse]. *Vestnik TyumGU*. 9. pp. 181-188.
3. Lukyanova, O.A. (2013) *Zhanr avtobiografii v amerikanskoy literature pervoy poloviny XX veka* [The genre of autobiography in American literature of the early 20th century]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A: Gumanitarnyye nauki*. 2. pp. 38-41.
4. Marin, D.V. (2011) *Avtobiografii V.M. Shukshina kak ob"ekt filologicheskogo issledovaniya* [V.M. Shukshin's autobiography of as an object of philological research]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 79-84.
5. Polyakova, O.V. (2015) *Ispolzovanie stilisticheskikh sredstv v avtobiograficheskom sportivnom diskurse (na primere avtobiografii igroka sbornoy Germanii po futbolu Filippa Lama)* [Stylistic means in sports autobiographical discourse (a case

study of the autobiography of Philip Lam, a German National football Team player)]. *Ritortika. Lingvistika*. 11. pp. 289-294.

6. Kovanova, E.A. (2015) Analiz faktorov, obuslavlivayushchikh kharakter samoprezentatsii avtora avtobiograficheskogo diskursa [The analysis of the factors responsible for the character of the author's self-representation in the autobiographical discourse]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 47. pp. 81-86.

7. Guseva, I.I. (2013) Biography and autobiography as genres of historical studies. *Nauka i obshchestvo – Science and Society*. 1(10). pp. 26-30. (In Russian).

8. Litvinov, A.V. (2004) [S.V. Popov's letters as a source on the history of everyday life of the students in 1930-s]. *Dokument v menyayushchemsya mire* [The document is in a changing World]. Proc. of the First All-Russian Research Conference. Tomsk. 27–28 November 2003. Tomsk. pp. 302-305. (In Russian).

9. Nekrylov, S.A. (2004) [Formulary lists as a source on the history of Russian professors in the late 19th – early 20th centuries]. *Dokument v menyayushchemsya mire* [The document is in a changing World]. Proc. of the First All-Russian Research Conference. Tomsk. 27–28 November 2003. Tomsk. pp. 253-256. (In Russian).

10. Mitina, S.I. (2008) The main reasons for the creation of a philosophical autobiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 311. pp. 47-50. (In Russian).

11. Zaretskiy, Yu.P. (2011) *Strategii ponimaniya proshlogo: Teoriya, istoriya, istoriografiya* [Strategies for understanding the past: Theory, History, Historiography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

12. Voloshina, S.V. (2010) Speech genre of autobiographical story (on dialect material). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2(10). pp. 5-10. (In Russian).

13. Voloshina, S.V. (2013) Autobiographical texts on the Internet: Genre and discursive aspects of the analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6(26). pp. 5-13. (In Russian).

14. Higher School of Economics. (n.d.) *Sub"ektivnost' i identichnost': avtobiografii sovetskikh trudyashchikhsya* [Subjectivity and Identity: Autobiographies of Soviet workers]. [Online] Available from: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14>. (Accessed: 17th February 2016).

15. The State Archives of Tomsk Region. Fund R-815. List 29. File 16.

16. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 41. File 2233.

17. The Modern History Documentation Centre of Tomsk region. Fund 314. List 2. File 1030.

18. Tomsk State University Archives. R-815.

19. Studer, B. & Unfrid, B. (2011) *Stalinskie partiynye kadry. Praktika identifikatsii i diskursy v Sovetskom Soyuze 1930-kh gg.* [Stalinist cadres. The practice of identifying and discourses in the Soviet Union of the 1930s]. Moscow: ROSSPEN.

20. Fitzpatrick, S. (2011) *Sryvayte maski!: identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks!: Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia]. Translated from English by L. Pantina. Moscow: ROSSPEN.

21. Zaretskiy, Yu. (2016) *Deloproizvodstvennye avtobiografii sovetskikh grazhdan (teksty, praktiki, istoricheskie konteksty)* [Autobiographies of the Soviet citizens (texts, practices, historical contexts)]. [Online] Available from: <http://visantrop.ruh.ru/announcements.html?id=2635242>. (Accessed: 17th February 2016).

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111

DOI 10.17223/23062061/10/4

А.В. Баранова

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОЗЫ ТОМАСА ГАРДИ В РОССИИ

В статье рассматриваются первые русские переводы прозы Томаса Гарди – произведений малых прозаических жанров, а именно двух рассказов из цикла «Группа благородных дам». Обращается внимание на принцип выбора сочинений для перевода и представление рассказов цикла как отдельных произведений. Сравнительный анализ сюжетных линий, композиции, художественных образов героев в английском и русском текстах показал, что при переводе наибольшему искажению подверглась специфика нарратива английского текста.

Ключевые слова: переводческая рецепция, Томас Гарди, первый период переводческой рецепции, рассказ, средства выражения особенностей повествования.

Творчество английского писателя Томаса Гарди вот уже больше века привлекает внимание литературоведов, филологов, теологов и философов многих стран. Естественно, что наибольшее количество исследований, посвященных анализу произведений автора и его творческой биографии, проводилось и проводится соотечественниками писателя. В Англии «гардиведение» и «индустрия Гарди» относятся к ряду национальных идей: «...идея моделирования образа писателя расширяется <...> до идеи сознательного формирования критиками и исследователями корпуса текстов национальной литературы и в конечном счете до идеи национальной самоидентификации («notions of England and essential Englishness»))» [1. С. 20]. В разное время творческое наследие писателя изучали Лайонель Джонсон (Lionelle Jones), Питер Виддоусон (Peter Widdowson), Майкл Миллгейт (Michael Millgate), Ричард Пёрди (Richard L. Purdy), Клэр Томалин (Clair Tomalin), Седрик Уоттс (Cedric Watts), Десмонд Хокинс (Desmond Hawkins), Роберт Гитингс (Robert Gittings) и др.

В России творчеством Гарди занимались Е.Л. Ланн, А.В. Луначарский, М.В. Урнов, Ю.М. Кондратьев, Н.М. Демурова, Н.А. Се-

ребрякова, Л.Б. Тулина, Н.Ф. Катинене, С.В. Коршунова, А.А. Федоров, В.В. Хорольский, Т.С. Толнеренко и др. (см.: [1. С. 13]). О угасающем интересе к писателю свидетельствуют и современные работы Н.В. Осиповой, Ф.А. Абиловой, Е.В. Шиминой, О.В. Кучеренко и др. Результатом отечественного гардиеведения стали очерки творчества Гарди в целом, классификации его романного творчества, исследования общих вопросов поэтики романов Гарди, их жанровых и стиливых особенностей, проблематики отдельных романов, системы образов в них, их структуры, женских образов в рассказах писателя. С 1990-х гг. в России началось активное изучение его поэзии. Однако до настоящего времени корпус русскоязычных переводов прозы Гарди не был проанализирован с точки зрения сравнительного литературоведения и переводческой рецепции, которая является важной составляющей читательского восприятия иностранного автора и отражает сложное взаимодействие культур, эпох, общественных укладов и, конечно же, литературных процессов. В русле этого актуального подхода уже проведено множество новейших исследований, посвященных переводам английских авторов в России (назовем лишь некоторые: [2–11]). В рамках нашей работы был проведен анализ первых переводов Т. Гарди, которые представляют особый исследовательский интерес как начало и основа длительной истории переводческой рецепции прозы английского писателя в России XIX–XX вв.

Знакомство русского читателя с творчеством последнего викторианского романиста началось в начале 90-х гг. XIX в. К этому времени у себя на родине он уже был известным писателем, создавшим несколько романов и два цикла рассказов и повестей. Тем не менее русских переводчиков и издателей привлек новый, последний на тот момент цикл его рассказов «Группа благородных дам» (*A Group of noble dames*). Долгую историю русской переводческой рецепции прозаического творчества Гарди (о ее периодизации см. в нашей работе: [12]) открыли переводы двух рассказов этого цикла, малоизученного в отечественном литературоведении. Они были напечатаны в журнале «Вестник иностранной литературы» в 1892 г.

В Англии сборник был опубликован годом раньше – в мае 1891 г. По словам Майкла Миллгейта (*Michael Millgate*), Томас Гарди часто организовывал сборники своих рассказов, а позднее и

стихов, не как набор случайно собранных вместе произведений, а как серию произведений, объединенных по какому-либо принципу. В частности, рассказы этого цикла были объединены ситуацией, в которой члены местного клуба любителей истории и древностей, задержанные бурей, вынуждены были коротать время, рассказывая по очереди истории и легенды о знатных дамах, живших в этих местах в XVII–XVIII вв. Сюжеты рассказов были заимствованы Гарди из местных легенд, преданий, в частности из книги Дж. Хатчинса «История и древние традиции графства Дорсет» (Hatchins's History and Antiquities of the County of Dorset) (см.: [13. С. 263–266]). Действие рассказов происходит на территории Уэссекса, Западного Саксонского королевства, основанного саксами в начале VI в. и уже не существовавшего в современной Гарди Англии. Позднее автор оценивал этот цикл как рассказы среднего уровня, определив их в группу «*Romances and Fantasies*» – вторую из четырех в его собственной классификации своих произведений, где лучшие работы отнесены в первую группу «*Novels of Character and Environment*» (Романы характеров и среды) [14, 15]. Исследователи же называют рассказы цикла о дамах экспериментальными, поскольку именно в них апробировались конфликты, характеры, приемы создания героев и выражения авторской позиции, в полной мере раскрытые в романах «характеров и среды» [16].

Цикл состоит из 10 рассказов, каждый из которых озаглавлен именем благородной дамы, главной героини истории. Именно за женскими характерами у Гарди всегда стояли «"глобальные" вопросы бытия и места человека в истории, в мироздании» [17]. Задача решения проблемы «человек и общество», «характеры и среда» определяла и обращение писателя к остросюжетному повествованию, как правило, на тему любви, вступления в брак; к изображению ярких образов (прежде всего, женщин), попадающих в необычные ситуации; чувств и страстей героинь; к использованию поэтики таинственного, связанной с романтизмом. С этим же связана и позиция автора, передающаяся системой повествовательных манер рассказчиков. В продолжение традиций Д. Боккаччо и Д. Чосера каждая история цикла Гарди излагается от лица рассказчика – члена клуба, чье общественное положение, профессия или характерная черта (но не имя) является подзаголовком рассказа, например: старый доктор (old surgeon), деревенский дьякон (rural dean), сентиментальный

джентльмен (sentimental gentleman), полковник (colonel) и пр. Рассказы связаны между собой небольшими послесловиями или вступлениями от лица рассказчика-автора, которые переводят читателя с темы предыдущего рассказа на тему следующего.

Таким образом, истории разных женщин дворянского (благородного) и низкого происхождения рассказываются мужчинами различного возраста, социального положения и достатка. Эти различия отражаются и на манере повествования рассказчиков, и на их выборе сюжетов рассказа: священники рассказывают истории о тайных браках, двоеженстве, незаконнорожденных детях, врач – о странном психическом заболевании на любовной почве, полковник рассказывает случай, произошедший во время гражданской войны. В цикле складывается система рассказчиков, раскрывающая систему авторских взглядов на мир и человека и реализующая эпический потенциал «A Group of noble dames».

Как уже было сказано, в 1892 г. в петербургском журнале «Вестник иностранной литературы»¹ появились переводы двух рассказов из этого цикла. Первый был напечатан в мартовском номере журнала [19. 1892. №3. С. 45–56]. Автор перевода не указан. Это – третий рассказ цикла. Его русское заглавие включало в себя название всего цикла, имя автора, указание языка оригинала и название рассказа: «Типы английских лэди». Соч. Томаса Гарди (с английского). Маркиза Стонхэндж. Рассказ деревенского диакона». Таким образом, переводчик дал понять, что рассказ представляет собой часть цикла, при этом название цикла при переводе было «уточнено»: «A Group of Noble Dames» (Группа благородных дам) было переведено как «Типы английских леди», тем самым подчеркивалась национальность героинь, изображенных в их ментальной и социальной специфике. Заменяв в названии слово «группа» на «типы», переводчик представил женские характеры, описанные в рассказах, как типичные (характерные) для провинциальной Англии XVII–XVIII вв. Хотя, как пишет Ланс Батлер (Lance St John Butler), подобные истории вряд ли могли произойти в те времена более чем когда-либо [14.

¹ Журнал издавался с 1891 по 1916 г. Его редакция ставила себе целью «...давать своим читателям, в художественном по возможности переводе, все выдающееся, что появляется в литературе Запада» и принимала на себя задачу «... стать посредником между западной мыслью и русским читателем» [18].

С. 113]. Показателен и перевод существительного *Dames* как «лэди», это английское слово имеет значение «госпожа», оно является вежливым обозначением женщины (особенно из высших слоёв общества) в англоязычном мире, а также британский аристократический титул, употребляемый с именем. Гарди интересуется в этом цикле рассказов именно благородная женская прослойка Англии, но Англии сельской. Он посвящает свои рассказы представительницам сельского титулованного дворянства, параллельно изображая их и в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», над которым работает как раз в начале 1890-х гг. Решая проблему выбора среды и ее влияния на поведение человека, Гарди обращается к сельским жительницам, которым само место их происхождения дарит естественность, органичность внешней и внутренней жизни, но социальный статус которых оказывает не менее мощное влияние на их поведение и поступки.

Включив в заглавие рассказа название цикла, в самом переводе переводчик убрал все связи, интегрирующие произведение в цикл: нет ни вступительной, ни заключительной частей, в которых фигурируют члены клуба и обозначены связи с предшествующим и последующим рассказами, нивелирован и образ рассказчика, в подлиннике маркирующий своими особенностями манеры повествования, социальным статусом и «привязкой к местности» данный рассказ. Например, оригинальный текст начинается с повествования от первого лица, где сразу отмечается личная связь рассказчика с историей, в русском тексте реплики от первого лица удалены:

Оригинал
I would have you know, then, that a great many years ago there lived in a classical mansion with which I used to be familiar, standing not a hundred miles from the city of Melchester, a lady...

Русский перевод
Много лет тому назад, в старинном замке близ Мельчестера жила молодая графиня...

Дословно
Я бы хотел рассказать вам, что много лет назад, в классическом особняке, который я знал когда-то и который стоит меньше чем в ста милях от Мэлчестера, жила леди....

В русском тексте также отсутствуют ремарки рассказчика, которые не относятся непосредственно к сюжету, а отражают, с одной стороны, его социальное положение и уровень образованности, с другой – представляют отсылку Гарди к Чосеру, основоположнику техники циклового обрамления в английской литературе.

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>She had, in Chaucer's phrase, "all the craft of fine loving" at her fingers' ends</i>	<i>Она до тонкости изучила все уловки кокетства...</i>	<i>Она как свои пять пальцев знала, по выражению Чосера, «все тонкости искусства любви»</i>

В английском тексте повтор одних и тех же прилагательных, частое использование эпитетов отражают своеобразную манеру нарратива рассказчика – высокопарную и вместе с тем ироничную. Устранив индивидуальные особенности образа рассказчика, русский переводчик потерял и необходимость передавать его отношение к происходящему, и особенности его нарративной манеры. Так, например, повторяющиеся эпитеты переводятся не всякий раз, по сравнению с подлинником, а в некоторых случаях вообще опускаются.

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>...lofty and beautiful lady...</i>	_____	<i>...высокомерная (величественная/надменная/горделивая/благородная) и красивая леди...</i>
<i>...robust as she was...</i>	_____	<i>...хотя она была физически сильная</i>
<i>Our beautiful and ingenious Lady Caroline was now in great consternation.</i>	<i>Леди Каролина сильно встревожилась.</i>	<i>Наша красивая и изобретательная леди Каролина была теперь в ужасе.</i>

Пожертвовав некоторыми особенностями нарратива, переводчик, однако, сохранил всю сюжетную линию рассказа и его объем. При этом стиль повествования подлинника, со множеством отступлений и сложных сравнительных оборотов, характеризующих речь деревенского священника, преобразуется в более нейтральный и легкий для восприятия. Сокращения несут трансформационный характер, при котором длинные фразы и сложные грамматические структуры передаются более лаконичными формами:

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>...till at length when they were alone together there was no reserve on the matter. They whispered tender words as</i>	<i>...и мало по малу между молодыми людьми исчезла всякая сдержанность, как это всегда бывает с влюбленными.</i>	<i>...пока наконец, когда они оставались одни, между ними не было никакой сдержанности. Они шептали нежные слова, как</i>

*other lovers do, and
were as devoted a pair
as ever was seen.*

*Not a soul in the paren-
tal mansion guessed...
that... her lover and
herself had found an
opportunity of uniting
themselves till death
should part them.*

...никому не могло придти
в голову, что она обвен-
чана.

делают другие влюблен-
ные, и были самой пре-
данной парой, которую
когда-либо видели.

Ни одна душа в родитель-
ском доме не догадыва-
лась, ...что... ее возлюб-
ленный и она нашли воз-
можность объединиться,
пока смерть не разлучит
их.

Система образов в переводе, как и в подлиннике, представлена тремя персонажами: маркиза Стонхэндж, ее тайный муж, сын псаломщика, служивший помощником управляющего у отца маркизы (он умирает почти в самом начале повествования), и деревенская девушка Милли, беззаветно любящая его. В центре повествования – женские образы, вызывающие главный интерес своими характерами и жизненными историями. Для развития этих образов Гарди использует ряд приемов, с разной степенью точности переданных в переводе. Например, образ Милли минимально «пострадал» при переводческой нейтрализации и сокращениях, так как его суть в подлиннике раскрывается через действия героини, т.е. в сюжете, переданном в переводе, как уже было указано, достаточно полно. Представительница низшего слоя сельских жителей, она не маскирует поведение и характер условностями, раскрывая свой внутренний мир непосредственно поступками: влюбленная в молодого сына псаломщика, она, без особых раздумий и колебаний, соглашается на предложение маркизы солгать всем, сказав, что незадолго до его смерти была обвенчана с ним; потом, проявляя благородство духа, в отличие от благородной по происхождению маркизы, без всяких сомнений, она называет сыном ребенка маркизы и своего возлюбленного, воспитывает мальчика и полностью полагается на его выбор, когда маркиза решила вернуть себе сына. Автор менее всего использует описания внутренних состояний и оценочные характеристики применительно к Милли. Соответственно, полностью сохранив сюжетную линию рассказа и поступки персонажей, переводчик тем самым почти полностью передал суть образа крестьянки Милли, воплощения абсолютной нравственности и «прозрачности» личности.

Напротив, образ молодого человека, построенный исключительно на описаниях и характеристиках, данных рассказчиком, при переводе «потерял» ряд нюансов. С одной стороны, его образ подвергся общей тенденции нейтрализации:

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>...amiable and gentle young villager...</i>	<i>...молодой человек...</i>	<i>...приятный и благодушный молодой сельский житель</i>

С другой стороны, переводчик удаляет те черты персонажа, которые в русском обществе не ассоциируются с образом героя «любовной истории», – прагматичность и хозяйственность:

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>In short, he was the parish-clerk's son, acting as assistant to the land-steward of her father, the Earl of Avon, with the hope of becoming someday a land-steward himself.</i>	<i>Это был сын приходского писаря, служивший помощником управляющего графа Эйвона, отца леди Каролины.</i>	<i>Короче говоря, это был сын приходского писаря, выполнявший работу помощника управляющего ее отца, графа Эйвона, с надеждой однажды самому стать управляющим.</i>

Образ главной героини, леди Каролины, проявляется и через действия, и через характеристики рассказчика, которые даются внутренним мотивам поведения девушки. Точно передав прежде всего сюжетные линии рассказа, переводчик тем самым воплощает образ Каролины на страницах русского журнала в довольно прямой форме, на ее декларативном противопоставлении образу Милли: в отличие от крестьянки, сельская же девушка, но дворянского происхождения, полностью зависит от социальных предрассудков, она расчетлива, безнравственна, что затмевает в ней ее истинную природную основу, данную ей как сельской жительнице от рождения. Различия между оригиналом и переводом наблюдаются в описаниях героини от имени рассказчика, прежде всего, за счет сокращения деталей и описательных подробностей, в связи с чем воплощение характера в действиях героини в переводе явно преобла-

дает над описательными, психологическими приемами ее изображения¹.

Рассказ «Типы английских лэди. Варвара Грэб. Рассказ доктора» (Barbara of the House of Grebe) открывает шестой номер журнала «Вестник иностранной литературы» за 1892 г. [19. 1892. № 6. С. 3–34]. Имя переводчика также не указано. Можно предположить, что оба рассказа были переведены одним лицом, учитывая трехмесячную разницу между публикацией переводов и единообразие заглавия. Но это единообразие могло обеспечиваться редакцией журнала, а временной перерыв между выходом первого и второго переводов можно объяснить издательскими планами журнала.

В английском цикле это второй рассказ, предшествующий рассказу «Маркиза Стонхэндж. Рассказ деревенского диакона». Он более объемный (49 страниц), количество страниц русского и английского текстов, как и в случае с первым переводным рассказом, почти совпадают. Тем не менее из русского текста здесь тоже удалены послесловие, перечисления местных географических названий, а также вновь сглажена индивидуальность рассказчика-доктора.

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>...as described to us sometimes by our worthy president...</i>		<i>...как часто описывает нам наш достойный президент</i>
<i>In my early childhood I knew an old lady whose mother saw the wedding, and she said that</i>	<i>Одна старушка, присутствовавшая при бракосочетании... рассказывала, что...</i>	<i>В раннем детстве я знал одну старую леди, чья мать видела эту свадьбу, и она говорила, что...</i>

¹ Хотя при основной тенденции к нейтральному в плане психологизации повествованию и небольшому сокращению объема произведения именно при раскрытии образа Каролины были добавлены некоторые фразы, отсутствующие в оригинале, появившиеся для создания психологической характеристики образа:

Оригинал	Русский перевод	Дословно
	<i>...пока она дрожащими руками зажигала свечку...</i>	
<i>Lady Caroline came coolly into the hall.</i>	<i>...и когда вечером она вернулась домой спокойная и равнодушная....</i>	<i>Леди Каролина спокойно вошла в холл.</i>

Большая часть текста рассказа переведена почти дословно, таким образом, переводчику удалось полностью передать сюжет рассказа, его композицию, конфликт героев. При таком переводе тем более заметны несколько сокращений. Первое из них относится к описанию (от имени рассказчика) архитектурных элементов и декорирования церковных зданий, которым Гарди, будучи архитектором по профессии, всегда уделял большое внимание в своих произведениях, но в данном случае описание передает, устами рассказчика, авторское саркастическое противопоставление прошлого и настоящего времени, с явным перевесом положительной оценки ушедших эпох, отличавшихся, по мнению рассказчика, настоящей верой, не требовавшей демонстрации богатыми пожертвованиями:

Оригинал

...for such was the lukewarm state of religious in those days, that not an aisle, steeple, porch, east window, Ten-Commandment board, lion-and-unicorn, or brass candlestick, was required anywhere at all in the neighborhood as a votive offering from a distracted soul- the last century contrasting greatly in this respect with the happy times in which we live, when urgent appeals for contributions to such objects pour in by every morning's post, and nearly all churches have been made to look like new pennies.

Русский перевод

...в те времена, набожность вообще, и пожертвования кающихся грешников в пользу церкви были далеко не так значительны, как ныне, когда мы беспрестанно читаем воззвания к благочестивым христианам, с приглашением содействовать украшению храмов, которые почти все без исключения щеголяют блестящей художественной отделкой.

Дословно

...так как состояние религии было таким вялым, что ни проход, ни шпиль церкви, ни крыльцо, ни восточное окно, ни доска с десятью заповедями, ни лев с единорогом, ни медные подсвечники не требовались где-либо в округе в качестве пожертвования от души, сбившейся с пути, — в этом отношении прошлый век составляет противоположность счастливому времени, в котором мы живем, когда назойливые призывы пожертвовать на подобные вещи льются рекой из каждой утренней газеты, и почти все церкви выглядят как новенькие пени.

Второе сокращение касается темы социального неравенства, важнейшей для повествователя (и для Гарди), в русском тексте она звучит лаконичнее и нейтральнее:

Оригинал

...she was older, and admitted to herself that a man whose ancestor had run scores of Saracens through and through in fighting for the site of the Holy Sepulcher was a more desirable husband, socially considered, than one who could only claim with certainty to know that his father and grandfather were respectable burghesses.

Русский перевод

...теперь она стала старше и соглашалась с тем, что иметь мужем отпрыска старинного славного рода приятнее, нежели потомка простых, хотя бы и честных, мещан.

Дословно

...она стала старше и признавалась себе, что мужчина, чьи предки вели счет сарацинам, убитым ими в борьбе за Гроб Господень, является более желанным мужем, чем тот, кто только и может с уверенностью объявить, что его отец и дед – уважаемые горожане.

Последнее сокращение, затрагивающее содержание подлинника, также имеет отношение к социальной, в частности гендерной, проблематике. В русском тексте не переведено придаточное предложение, явно выражающее позицию повествователя (и автора):

Оригинал

From that time the life of this scared and enervated lady – whose existence might have been developed to so much higher purpose but for the ignoble ambition of her parents and the conventions of the time – was one of obsequious amateness towards a perverse and cruel man.

Русский перевод

Отныне, вся жизнь этой запуганной и расстроенной женщины заключалась в подобострастной привязанности к порочному и жестокому человеку.

Дословно

С того времени жизнь этой испуганной и лишенной воли леди – чье существование могло бы иметь более высокий смысл, если бы не плебейские амбиции ее родителей и условности времени – заключалась в подобострастной влюбленности к порочному и жестокому человеку.

Сохранив почти все подробности и детали действий, переводчик тем не менее не сумел передать (или это могло быть его сознательным стремлением нивелировать) некоторые стилистические приемы автора, отражающие его позицию, практически совпадающую с позицией рассказчика. Вследствие этого в русском тексте, прежде всего, исчезает иронический, а нередко и саркастический тон рассказчика – переводчик использует «стандартные фразы», делая повест-

ование нейтральным, а часто шаблонным, повторяющим стилистические стереотипы массовой литературы:

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>He... saw his poor young Countess lying in a heap in her nightdress on the floor of the closet</i>	Он... увидел Варвару, лежащую на полу без чувств .	Он... увидел свою бедную молодую графиню, лежавшую кучкой в ночной рубашке на полу комнаты
<i>...he would have reappeared to claim his bright-eyed property if he had been alive</i>	Уиллус все-таки вернулся бы к хорошенькой жене , если бы был жив	...он бы появился снова, чтобы предъявить права на свою ясноглазую собственность , если бы он был жив
<i>...there is no more calculation in her than in a bird.</i>	...девушка чужда всякого расчета, как птица небесная	...в ней не больше расчета, чем в птице
<i>...she was taken abroad by her husband, to try the effect of a more genial climate upon her wasted frame</i>	...леди была увезена в Италию мужем, надеясь, что она поправится в благоприятном климате	...она была увезена за границу своим мужем, чтобы попробовать эффект более мягкого климата на ее измощенной оболочке

К нарративным особенностям рассказчика также относится передача специфики местного произношения (особенно при быстрой и эмоциональной прямой речи). Такой прием, явно имеющий большое значение для автора, создающего образы «английских лэди» из Уэссекса, проигнорирован русским переводчиком. Хотя справедливости ради отметим, что эту черту подлинника очень трудно передать при переводе текста на другой язык. Но русский текст, передающий эмоциональное возбуждение персонажей, не несет диалектного характера вообще, в переводе нет ни одной попытки подчеркнуть саму идею местного колорита речи героев, отмеченного и воспроизведенного рассказчиком:

Оригинал	Русский перевод	Дословно
<i>But she's not gone alone, d'ye know!</i>	Но знаете, она ведь уехала-то не одна!	_____

Укажем в связи с этим на такую деталь: слова «Damn!» «God!» (Проклятье! Господи!) в английском тексте обозначаются только

первой буквой. В русском тексте даже это не передано, «Damn!» «God!» (Проклятье! Господи!) пишутся полным словом.

Обращает на себя внимание вольное обращение переводчика с числами в сторону их преувеличения для создания более яркого образа второго мужа Варвары (без учета числовой символики подлинника):

Оригинал	Русский перевод	Дословно
...another person – that man of silence, of irresistible incisiveness, of still countenance, who was as awake as seven sentinels...	...еще один человек – молчаливый, непреклонно-настойчивый, сдержанный и бдительный как десять часовых ...	...еще один человек – человек молчания, огромной пронцительности, спокойного самообладания, который был бдителен как семь стражей
Lord Uplandtowers, though not yet thirty, had chuckled like a caustic fogey of threescore when he heard about Barbara's terror...	Услышав об ужасе Варвары, тридцатилетний лорд Эпландтоуэрс посмеивался, словно ядовитый семидесятилетний старикашка (выделено нами. – А.Б.).	Лорд Аплэндтауэрс, хотя ему еще не было и тридцати , посмеивался как ядовитый старомодный человек шестидесяти лет, услышав об ужасе Варвары.

Интересно переводческое решение относительно передачи имени главной героини. Имена остальных персонажей переведены транслитерацией, вероятно, потому, что в русском языке нет аналогов их имен. Имя главной героини, Barbara, переведено русским аналогом «Варвара». Налицо пример стратегии «одомашнивания» исходного текста, активно применявшийся в конце XIX в. в массовых переводах. В сочетании с английской фамилией Грэб имя Варвара звучит странно, но переводчик не обращает на это внимания. Вероятно, прием был использован для привлечения интереса массового читателя, как и тактика обращения переводчика с числами.

Подводя итог, следует отметить, что рассмотренные переводы прозаических сочинений Гарди – самые ранние в России – представляют закладку фундамента длинной истории русской переводческой рецепции прозы Гарди, которая началась в 1890-х гг. с обращения к малому эпическому жанру рассказа, что соответствовало жанровородовому развитию русской литературы конца XIX в. Характерно в этом плане и изъятие переводчиками отдельных сочинений Гарди из состава авторского цикла. Эта тенденция закрепится в русской переводческой рецепции творчества английского автора на долгие годы.

Позиционирование русских переводных рассказов Гарди как самостоятельных произведений и нивелирование в них образов рассказчиков неизбежно привело к значительным изменениям в стиле повествования. Если в английском тексте выбор сюжета и нарративная манера рассказчика во многом определяются его социальным и профессиональным положением, то в русских текстах лишенный индивидуальных черт образ рассказчика в принципе не может определять особенности нарратива. Это, в свою очередь, обуславливает нейтральный стиль повествования в переводах и сглаживание в них авторской позиции, отличавшейся в цикле «*A Group of noble dames*» остротой постановки социальных, гендерных в частности, и лежащих в их основе философских проблем. При этом на уровне сюжета и композиции рассказы переводятся полно, практически без сокращений, что связано не столько с жанром, с его малым объемом, сколько с эстетикой массового перевода. С этим, возможно, соотносятся и принципы отбора именно данных рассказов из всего цикла для перевода.

Сравнивая сюжеты рассказов цикла, можно утверждать, что сюжеты переведенных рассказов наиболее мелодраматичны и близки к поэтике сенсационного романа и рассказа. Гарди, как известно, намеренно использовал элементы такой поэтики, пародируя ее, что также входило в программу художественного эксперимента, которым сегодня признаются рассказы писателя. В рассмотренных русских переводах пародийное начало полностью снято, и это позволяет предположить, что выбор переводчиков (или переводчика), павший на данные рассказы, определялся именно поэтикой массовой литературы и массового перевода. В таком случае логично предположить, что журнал изначально не предполагал перевод всех рассказов цикла. Возможна и другая версия, в соответствии с которой какие-то внешние факторы могли заставить журнал отказаться от дальнейших переводов цикла. В любом случае остается подчеркнуть, что весь цикл «Группа благородных дам» в России до настоящего времени полностью так и не переведен. Всего за многолетнюю историю переводческой рецепции прозы Гарди в нашей стране лишь четыре рассказа этого цикла увидели свет на русском языке [20. С. 89–90].

Литература

1. Крылова М.П. Лирическая поэзия Томаса Гарди: традиции и новаторство: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
2. Гредина И.В. Восприятие Диккенса в России (1860–1880 гг.) : На материале русской и англоязычной критики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000.
3. Салынская Т.В. Лексическая проблематика англо-русских языковых и литературных связей XVI - XVII веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орехово-Зуево, 2000.
4. Люсова Ю.В. Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.
5. Назаренко Н.И. Рецепция творчества сестер Бронте в российской и украинской критике // Вестн. Перм. гос. ун-та. 2009. Вып. 3. С. 65–70.
6. Горенинцева В.Н. Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
7. Ломакин С.В. Уильям Теккерея и русская литература 40–60 гг. XIX в.: оценки в критике и типологические связи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
8. Сыскина А.А. Критическая и переводческая рецепция творчества Шарлотты Бронте в русской литературе второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013.
9. Матвеев И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Томск: Изд-во ТПУ, 2014.
10. Королева С.Б. Русско-английский литературный диалог: эпизоды: сб. ст. М., 2014.
11. Айзикова И.А. Место и роль английского текста в метатексте «Вестника Европы» 1807–1811 гг., периода редакторства В.А. Жуковского (на материале прозы) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 5. С. 7–18.
12. Баранова А.В. Периодизация русских переводов Томаса Гарди: к постановке проблемы переводческой рецепции прозы Гарди в России // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 401. С. 13–20.
13. *Michael Millgate.* Thomas Hardy. His career as a novelist. London: ed. The Bodley Head Ltd., 1971.
14. *Lance St John Butler.* Studying Thomas Hardy. Longman Group UK Limited, 1986. С. 13–14.
15. Ланн Е. Томас Гарди // Новый мир. 1931. № 1. С. 173–181.
16. Еремкина Н.И. Английский рассказ XIX века: становление и развитие. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/4/filologiya/eremkina.pdf
17. Четченко М.В. Проблема женского характера в рассказах Томаса Гарди: цикл «Группа благородных дам». URL: <http://library.wksu.kz/dmdocuments/> (дата обращения: 14.02.2016).
18. Вестник иностранной литературы, 1891–1894 // Иностранная литература. 2002. №6. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/6/vest.html> (дата обращения: 03.03.2016).
19. Вестник иностранной литературы. 1892. № 3. С. 45–56.
20. Томас Харди: Библиографический указатель / Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит.; сост. Б.М. Парчевская. М.: Книга, 1982.

THE FIRST RUSSIAN TRANSLATIONS OF THOMAS HARDY'S PROSE

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 55–72. DOI 10.17223/23062061/10/4

Baranova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: baranskikh@yandex.ru

Keywords: translational reception; Thomas Hardy; the first period of translational reception; short stories; expression of certain features of narrative.

Thomas Hardy's works were translated in Russia for the first time at the beginning of the 1890s. Russian translators paid their attention to the latest volume of short stories written by that time (1891), *A Group of Noble Dames*, rather than to the works that had brought popularity to the author in Great Britain. The volume is organized around the core provided by a meeting of the Antiquarian Club, at which stormbound members take turns in telling tales drawn from local legends of noble dames. The members are men of different social status, ages, life experiences, occupations and features of character. All this is definitely expressed through their stories and influences both the choice of the plot and the narrative manner. *A Group of Noble Dames* consists of ten stories.

The first translated story was issued in the magazine *Vestnik inostrannoy literatury* in March 1892. It was the third story of the volume titled in the magazine as "Types of English Ladies. The Marchioness of Stonehenge. By the Rural Dean". The name of the translator is unknown.

The next story was translated and published in June in the same magazine. It was the second story of the volume titled in Russian as "Types of English Ladies. Barbara of the House of Grebe. By the Old Surgeon". The author of the translation is unknown as well.

Despite the titles imply something that unites the stories, there are no other links integrating them. The stories in Russian are presented as separate works with no regards to some club meeting uniting them in one unit. Thus, the narrators of the stories (the club members) are excluded from the Russian texts along with all their comments, opinions and attitudes which often express the author's position.

Though the narrator was deleted from the stories, the plots were fully conveyed, and a great number of narration details were preserved. The plot being fully translated, the characters manifested through their actions in the stories (for example, Milly in *The Marchioness of Stonehenge*) have little differences between the Russian and English versions. However, those characters that were written mostly by means of narrator's description are rendered into Russian in a more smooth and neutral manner. Thus, the intensity of the conflicts between the characters appears to be less critical and strong in the Russian texts. It should be noted that the specific dialect which Hardy paid attention to and which is very important for making the atmosphere authentic and historic, could hardly be conveyed in any other languages. So the Russian texts have no markers of dialectal speech.

Other stories from *A Group of Noble Dames* were not published at that period. The author assumes that the whole volume was not supposed to be published at all. The aim of the magazine was to introduce the popular contemporary English writer to Russian readers. There are only two more stories from the volume to be translated in Russian hereafter.

References

1. Krylova, M.P. (2007) *Liricheskaya poeziya Tomasa Gardi: traditsii i novatorstvo* [Lirical poetry of Thomas Hardy: Traditions and innovations] Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
2. Lyusova, Yu.V. (2006) *Retseptsiya D.G. Bayrona v Rossii 1810–1830-kh godov* [Reception of G.G. Byron in Russia in the 1810–1830-s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod
3. Nazarenko, N.I. (2009) The reception of works by the Brontë sisters in Russian and Ukrainian criticism. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 3. pp. 65-70. (In Russian).
4. Syskina, A.A. (2013) *Kriticheskaya i perevodcheskaya retseptsiya tvorchestva Sharlotty Bronte v russkoy literature vtoroy poloviny XIX v.* [The critical and translation reception of works by Charlotte Bronte in the Russian literature of the second half of 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
5. Matveenko, I.A. (2014) *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830–1900-kh gg.* [Perception of the English social-criminal novel in the Russian literature of the 1830–1900-s]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
6. Gorenintseva, V.N. (2009) *Retseptsiya angliyskoy i amerikanskoy literatury v tom-skoy periodike kontsa XIX – nachala XX vv.* [Reception of English and American literature in the Tomsk periodicals of the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Koroleva, S.B. (2014) *Russko-angliyskiy literaturnyy dialog: epizody* [Russian-English literary dialogue: Episodes]. Moscow: Direkt-Media.
8. Ayzikova, I.A. (2014) The place and role of the English text in the metatext of *Vestnik Evropy* in 1807–1811, the period of V.A. Zhukovsky's editorship (based on the prose). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 5. pp. 7–18. (In Russian).
9. Stroilova, A.G. (2015) First Russian translations of E. Young's poetry. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 8. pp. 43–57. (In Russian).
10. Baranova, A.V. (2015) Periods of Thomas Hardy's fiction translation in Russia: towards translational reception of Hardy's fiction in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 13-20. (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/2
11. Millgate, M. (1971) *Thomas Hardy. His career as a novelist*. London: Bodley Head Ltd.
12. Butler, L. St J. (1986) *Studying Thomas Hardy*. Longman Group UK Limited.
13. Lann, E. (1931) Tomas Gardi [Thomas Hardy]. *Novyy mir*. 1. pp. 173-181.
14. Yermkina, N.I. (2010) Angliyskiy rasskaz XIX veka: stanovlenie i razvitiye [The English short story of the 19th century: Formation and development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 4. [Online] Available from: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/4/filologiya/ermkina.pdf. (In Russian).
15. Chechetko, M.V. *Problema zhenskogo kharaktera v rasskazakh Tomasa Gardi: tsikl "Gruppa blagorodnykh dam"* [The problem of woman's character in Hardy's short stories, volume "A Group of Noble Dames"]. [Online] Available from: <http://library.wksu.kz/dmdocuments/>. (In Russian)

16. Zhurnalnyi zal. (2002) *Vestnik inostrannoy literatury 1891-94*. (2002) *Inostrannaya literatura*. 6. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/6/vest.html>.

17. Anon. (1892a) *Tipy angliyskikh ledi. Markiza Stonkhendzh. Razskaz derevenskogo diakona* [Types of English Ladies. The Marchioness of Stonehenge. By the Rural Dean]. *Vestnik inostrannoy literatury*. 3. pp. 45-56.

18. Anon. (1892b) *Tipy angliyskikh ledi. Varvara Greb. Razskaz doktora* [Types of English Ladies. Barbara of the House of Grebe. By the Old Surgeon]. *Vestnik inostrannoy literatury*. 6. pp. 3-34.

19. Parchevskaya, B.M. (1982) *Tomas Khardi: Bibliograficheskiy ukazatel'* [Thomas Hardy: A Bibliographic Index]. Moscow: Kniga.

В.Е. Миронова

РЕЦЕПЦИЯ ДЕТЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА АРТУРА КОНАН ДОЙЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье формулируется проблема рецепции детективных произведений английского писателя Артура Конан Дойла в России. В контексте отношения русских писателей и критиков к детективным произведениям в целом выявляются основные уровни восприятия творчества Конан Дойла, выделяются этапы рецепции детективных новелл писателя в России.

Ключевые слова: Артур Конан Дойл, рецепция, уровни восприятия, детективная новелла, русская литература.

Творчество английского писателя Артура Конан Дойла (1859–1930) представляет особый интерес в контексте истории развития русско-английских литературных взаимосвязей начиная с конца XIX в. до наших дней. Несмотря на тот факт, что Конан Дойл является автором произведений различных жанров, его имя чаще всего ассоциируется с детективом.

Рассматривая роль и место Артура Конан Дойла в процессе развития детективного жанра, следует отметить, что он в значительной мере способствовал формированию канонов английского детектива, опубликовав роман «Этюд в багровых тонах» в 1887 г. и первые два сборника новелл: «Приключения Шерлока Холмса» и «Записки о Шерлоке Холмсе» в 1892 г. Созданный в них образ сыщика, обладающего живым умом, интеллектом и логическим мышлением, оставался архетипической фигурой на протяжении XX столетия [1. С. 142]. Холмс раскрывает преступления не только для торжества справедливости, но и ради неиссякаемого любопытства, интереса к новым сложным делам. Он охотно делится своими знаниями с теми, кому небезразличны трудные задачи, загадки, демонстрируя оригинальный ход мысли. Таким образом, Холмс стал художественным воплощением британца, интеллектуала, невозмутимого в самых неожиданных ситуациях.

Этому герою посвящены четыре произведения, жанр которых сам писатель характеризует как романы: «Этюд в багровых тонах», «Знак четырех», «Собака Баскервиль», «Долина ужаса» и пять

сборников новелл. Кроме двух названных выше, это «Возвращение Шерлока Холмса», «Его прощальный поклон» и «Архив Шерлока Холмса». Примечательно, что почти все новеллы о Шерлоке Холмсе построены по одной схеме: вступление, в котором предстает образ мудрого и неординарного сыщика; появление пострадавшего лица, чей рассказ наводит на ложный след, и удивительное, непредсказуемое раскрытие преступления. Важно упомянуть, что в произведениях о Шерлоке Холмсе не всегда имеет место настоящее преступление: главный герой, как правило, нарушает закон, но часто моральный, нравственный, а не правовой. Зачастую в произведениях о Шерлоке Холмсе не происходит очевидного нарушения правового закона (убийство, мошенничество или другое), а имеет место обман, предательство, равнодушие, за которое человек, его совершивший, не несет уголовной ответственности, однако причиняет боль и страдание другим, что вызывает негативное отношение к нему общества. При этом настоящих преступников Шерлок Холмс порой в определенной степени оправдывает, он сочувствует и симпатизирует им как людям, пережившим несчастье или столкнувшимся с несправедливостью, вынужденным совершить проступок.

Большой интерес к произведениям о Шерлоке Холмсе вызван также нарративным талантом Конан Дойла. При знакомстве с его творчеством читатель, безусловно, получает эстетическое удовольствие и, кроме того, знакомится с образом жизни, традициями англичан конца XIX в.

Фигура Конан Дойла вызывала не меньший интерес, чем созданный им образ детектива. Автор новелл о Шерлоке Холмсе был человеком образованным, достаточно хорошо осведомленным в точных науках, таких как химия и физиология. Писатель был близко знаком с профессором Беллем, прославившимся тем, что мог получить информацию о жизни своих пациентов на основе незначительных деталей, например цвета лица, элементов гардероба и т.д. В Шерлоке Холмсе подобное качество является одним из основных, характеризующих его личность. Говоря о творчестве Конан Дойла, особенно следует подчеркнуть, что его творческая и литературная позиция были сформированы в Викторианскую эпоху. Писатель являлся ярким представителем английской общественной и политической традиции, принимал активное участие в деятельности различных литературных клубов, имел собственное представление о реформах, ко-

торые, с его точки зрения, необходимо проводить в Англии, в частности реформы в армии, судебной практике и правовой системе.

При такой популярности неудивительно, что личность Конан Дойла привлекала как читателей, так и критиков и писателей во всем мире; его биография содержит ряд интересных фактов, которые, несомненно, отразились на стиле и содержании его произведений. Незаурядный ум, харизматический характер Конан Дойла вызывали множество споров и дискуссий. Отношение к писателю лично и к его работам во всем мире неоднозначно. С одной стороны, отмечается невероятная популярность его детективных произведений, с другой – резкая критика, осуждение и причисление его детективного творчества к классу низкосортной литературы.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению вопроса о восприятии детективного творчества Артура Конан Дойла в России. Изучение рецепции детективных произведений английского писателя представляется значимым для нас с точки зрения становления и развития эстетики, поэтики и типологии жанра детектива в английской и русской литературе. Кроме того, необходимо осмыслить принципы, характер и эволюцию восприятия детективных новелл Конан Дойла русскими писателями и переводчиками, выделяя основные уровни и этапы рецепции творчества английского автора. Каждый из этапов данной рецептивной истории имеет свою специфику и логику развития, что соответствует современному интересу к проблемам компаративистики, теории и истории перевода, рецептивной эстетики, русско-английского литературного взаимодействия.

Поскольку в данной работе особое внимание уделяется детективному жанру, необходимо, прежде всего, предоставить его определение и общую характеристику. Детективом (от англ. detective – сыщик; лат. detectio – раскрытие) называют художественное произведение с особым типом построения сюжета, в основе которого лежит реализованный в раскрытии преступления конфликт добра и зла, разрешающийся победой добра [2]. Традиционно оно определяется как ответвление приключенческой литературы, посвященное раскрытию загадочных преступлений.

Детектив как литературный жанр сформировался в Великобритании во второй половине XIX в., хотя его появление традиционно связывают с именем американского писателя Э. По, который в но-

веллах 1840-х гг. описал технику дедуктивного метода, разработал множество детективных сюжетных ходов, впервые вывел образ детектива-любителя, наделенного необыкновенными способностями к логическому анализу (например, в новелле «Убийство на улице Морг» (1841)). Французская литературная традиция детектива связана с именами Э. Габорио, Г. Леру, М. Леблан, в то время как в Англии наиболее значимыми представителями данного жанра являлись Г. Честертон, Э. Уоллес, но прежде всего А. Конан Дойл.

Социально-эстетический феномен детективной литературы привлекал внимание многих исследователей, писателей и издателей, таких как А.З. Вулис, А.Г. Адамов, Я.К. Маркулан, Г.А. Анджапаридзе, Б.Н. Райнов, Г. Хестхейи, С.М. Эйзенштейн и др. (не считая исследователей, изучающих элементы детектива, являющиеся неотъемлемой частью многих произведений «большой» литературы, например романов Ф.М. Достоевского, О. Бальзака, Ч. Диккенса и т.д.). Однако единой общепризнанной теории детективного жанра на данный момент не существует. Одни называют его интеллектуальным кроссвордом, другие – смешением литературы и игры, третьи – производственным романом из жизни работников уголовного розыска.

В русской литературе детектив появился лишь в 70-х гг. XIX в. Несмотря на то, что тема преступления всегда интересовала русских писателей и читателей, она часто развивалась в произведениях других жанров, но только совокупность определенных факторов способствовала возникновению в русской литературной традиции детектива как самостоятельного жанра. В частности, в России второй половины XIX в. происходили такие неоднозначные события, как стремительная урбанизация, интенсивное капиталистическое развитие, судебная реформа. В газетах и журналах печатались очерки и репортажи из зала суда, которые активно обсуждались читателями. Однако в это время детектив еще не занял достойного места в жанровой системе русской литературы, был не способен конкурировать с более «серьезными», каноническими жанрами. Детективные рассказы печатались в основном в дешевых изданиях, низовых газетах. Считалось, что детективные рассказы писали те, у кого недостаточно либо таланта, либо образования. Понятно, что их произведения подвергались резкой критике. Только с появлением переводов французских и английских детективных произведений на русский язык (в

1860-е гг.) отношение к детективному жанру в России значительно изменилось. Появляются произведения о расследованиях уголовного дела: «Концы в воду» Н.Д. Ахшарумова, «Убийство в деревне Медведице» А.С. Панова, «Рассказы следователя» А.А. Шкляревского и др. [3. С. 6], начинают выходить бесплатные приложения к газетам и журналам, где печатаются в основном переводные детективы. Средние социальные слои, такие как купцы, студенчество, чиновники, находили эти книги весьма интересными и познавательными. Не случайно исследователи определяют 1860–1870-е гг. как «период становления жанра криминального романа на русской почве, который развивался преимущественно в массовой литературе» [4. С. 67].

Значительные перемены в становлении русского детективного жанра произошли в начале XX в., когда распространение приобрели произведения, в которых главным героем являлся сыщик, успешно раскрывающий преступления. В этот период детектив стал абсолютно полноценным жанром, популярность которого в России, безусловно, непосредственно связана с рецепцией творчества Конан Дойла.

Однако первые переводы отдельных произведений английского писателя были сделаны в России еще в конце XIX в. Так, например, новелла «Пестрая лента» появилась в 1893 г. под названием «Пестрая банда» в еженедельном иллюстрированном художественно-литературном журнале «Звезда», выходившем с 1886 г. Это же произведение было опубликовано несколькими годами позже, в 1896 г., в «Литературном приложении “Нивы”». Имена переводчиков неизвестны. В 1894 г. в январском номере «Звезды» появляется другая, не менее популярная новелла «Изумрудная диадема», а в 1897 г. переводы этого же произведения были опубликованы в журналах «Нива» под названием «Корона с бериллами» и «Север» под названием «Опаловая диадема». Имена выполнивших первые два перевода неизвестны, а перевод для журнала «Север» подписан криптонимом Б.Е. В 1894 г. также в журнале «Звезда» был напечатан перевод новеллы «Голубой карбункул», в 1899 г. публикуется еще один ее перевод под названием «Алмаз графини Моркар» в еженедельном воскресном приложении к газете «Сын отечества» (переводчик В. Бернаскони), а в 1901 г. в журнале «Семья» еще один – под названием «История голубого бриллианта» (переводчик неизвестен). В 1897 г. в «Литературном приложении “Нивы”» был напечатан перевод «Нищий урод», а в самом журнале «Нива» – «Союз рыжеволосых».

В 1898 г. выходит журнал «Нива» (№ 5) с переводным произведением «Профессор Мориарти». В этом же году в типографии «Владимирская» в Санкт-Петербурге был отпечатан первый сборник новелл Конан Дойла под названием «Записки знаменитого сыщика».

Позднее к творчеству английского писателя обращались такие известные переводчики, как А.Л. Толстая (младшая дочь Л.Н. Толстого), Н.Д. Облеухов, А.П. Репина, Г.А. Чарский, Н.К. Тренева, К.И. и Н.К. Чуковские, В.И. Стенич, Д.Г. Лившиц и др. Многие переводы, выполненные ими, неоднократно публиковались на протяжении длительного периода в различных советских переизданиях авторских сборников и отдельных произведений. На более поздних этапах восприятия творчества Конан Дойла его произведения переводили В. Михалюк, В. Штенгель, Г. Панченко, Е. Корнеева и др.

Как уже было сказано выше, Конан Дойл приобрел особую популярность в России в начале XX в., в период общественной реакции, после поражения революции 1905 г. Вероятнее всего, это связано с напряженной обстановкой в стране, беспорядками, весьма высоким уровнем преступности, с которым полиция, обремененная излишней бюрократией, не всегда была в состоянии справиться. Появившийся в детективной литературе образ сыщика-интеллектуала, способного распутать самые загадочные и сложные преступления, привлек внимание русских читателей, которые, безусловно, обратили внимание как на увлекательное содержание детективных новелл, так и на безукоризненное изложение и стиль автора, что вызывало интерес даже со стороны серьезного читателя.

Говоря о других причинах популярности Конан Дойла в России начала XX в., следует отметить тот факт, что в восприятии его творчества сформировались две противоположные тенденции. Многие критики пытались понять, чем же так интересны читателям Шерлок Холмс и детективная литература в целом, и называли в связи с этим прежде всего традиционный авантюрный сюжет, центром которого являлось преследование сыщиком преступника. При этом сыщик периодически попадает в ловушку, но всегда спасается и находит преступника. Отмечалась и роль традиционного места действия детективных рассказов Конан Дойла: различные подземелья, потайные комнаты, секретные ходы. Интерес вызывало и то, что сыщицкая новелла английского автора активно использовала в своих сюжетах описание новейших изобретений, современных средств коммуника-

ции (такие как телеграф, телефон), откликаясь на научные достижения в различных областях знания. Но главным было необычайное обаяние созданного Конан Дойлом образа сыщика. К.И. Чуковский писал об этом: «Этот романтический, нежный, рыцарственный образ вдруг, на наших глазах, изменяется, перерождается, эволюционирует, отрывается от самого создателя, Конан Дойла <...> и как миф, как легенда начинает самостоятельно жить среди нас» [5. С. 46]¹.

Действительно, главный герой детективных новелл Дойла вошел в жизнь русских читателей первой половины XX в. и занял свое место не только в литературе, но и культурной и даже бытовой сфере. Книги о Шерлоке Холмсе переводились и печатались одна за другой, в обществе создавались различные клубы любителей Шерлока Холмса, общества почитателей детективов, дети играли в главных детективных героев, которые являлись кумирами для них.

На фоне небывалой востребованности детективных сочинений К. Дойла и попыток ее объяснения названными выше факторами именно в начале XX в. русская критика и юмористика начинают бороться с «пинкертоновщиной» посредством развенчания и пародирования Шерлока Холмса, главного героя детективных произведений английского писателя [7. С. 344–345]. Тогда и появился термин «пинкертоновщина», означавший низкосортную вульгарную литературу о приключениях известных сыщиков, таких как Шерлок Холмс, Нат Пинкертон и т.д. С точки зрения ряда критиков, «пинкертоновщина», так же как и порнографическая литература, способствовала отвлечению читателей от общественных проблем, связанных с революцией. Одновременно высказывались мнения, умалявшие роль К. Дойла в становлении и развитии детективного жанра. Так, А.И. Куприн отзывался о творчестве английского писателя следующим образом: «Конан Дойль, заполнивший весь земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое гениальное произведение Э. По – «Преступление на улице Морг» [8. С. 608].

¹ Об этом же в середине XX в. писали П.П. Громов и Б.О. Костелянец в статье «Шерлок Холмс и его приключения»: «Образ, созданный Дойлем, давно отделился от создавшего его автора и зажил в восприятии читателя совершенно самостоятельно не как литературный персонаж, а как реальный человек со своим отношением к жизни, со своими взглядами на вещи и события» [6. С. 3].

Тенденция официально негативного отношения к детективу и сочинениям Конан Дойла прочно и надолго прижилась в Советской России. Так, в заметке, опубликованной в «Литературной газете» за 10 февраля 1971 г., утверждалось, что жанра детектива, как такового, вообще нет, «...само это слово настолько опорочено, что хотелось бы его запретить» (цит. по: [9. С. 132]). Хотя в данной статье нет упоминания о Конан Дойле, она посвящена жанру детектива в целом как явлению весьма легкомысленному, с которым необходимо вести активную борьбу. Такой подход, конечно, можно объяснить идеологией, которая пропагандировалась в СССР и согласно которой литература должна выполнять воспитательные, агитационные функции, не отвлекая читателей от классовой борьбы и коммунистического строительства. Понятно, что детективные рассказы Конан Дойла не вписывались в социалистическую систему ценностей, и само слово «детектив» вызывало официально только негативную реакцию.

Наконец, обратимся к истории формирования еще одного уровня рецепции Конан Дойла в России, складывавшегося параллельно переводческой и критической рецепции – к типологическим сходениям детективных сочинений английского писателя с произведениями русских авторов. В России конца XIX – первой половины XX в. появилось множество подражаний английскому мастеру детективных новелл, которые также оказались весьма востребованными у широкой читательской аудитории. Достаточно упомянуть М.Д. Ордынцева-Кострицкого, который пытался адаптировать творчество английского писателя к российским реалиям XX столетия. Его основные сочинения создавались в период с 1887 по 1934 г., наиболее известное его произведение – «Тайна негатива» из сборника «За счастьем, золотом и славой», в котором отчетливо прослеживаются параллели в изображении главных героев с образом Шерлока Холмса.

Ярким подражателем Конан Дойла можно считать П. Никитина, который обращается к образу Шерлока Холмса в рассказах, составивших сборник «Сверхсыщик», в цикле публикаций «Новейшие приключения Шерлока Холмса», в книге «По следам преступника». Русский автор пытался подать свои детективные сюжеты в пародийном и юмористическом ключе, хотя его произведения в цикле «Новейшие приключения Шерлока Холмса в России» (1908 г.) пред-

ставлены как «русская холмсиана». В это же время появляется множество произведений других русских авторов, рассказывающих о приключениях Шерлока Холмса. Помимо упомянутых выше, можно назвать, например, «Приключения Шерлока Холмса против Ната Пинкертона в России» (1908) П.П. Орловца (он же П.П. Дудоров).

Достаточно сложно определить точную периодизацию рецепции детективного творчества Конан Дойла в России, прежде всего, именно в силу его необычайной популярности. Тем не менее анализ критических отзывов и переводов его сочинений позволяет выделить четыре этапа восприятия детективных сочинений английского писателя. Первый приходится на конец XIX – начало XX в. (1893–1910), его можно определить как наиболее плодотворный и многоуровневый в процессе освоения творчества английского писателя русской культурой и литературой: произведения Конан Дойла публикуются и обсуждаются в различных журналах, приложениях, переводчики используют разные стратегии, одни и те же произведения переводятся по нескольку раз. Именно в это время, кроме названных выше, были опубликованы переводы «Скаковая лошадь» (подписан: Б.Е.), «Танцующие фигуры» (подписан: В.К.), «Золотое пенсне» «Два пятна», «Приключение» в переводе М. Ратынской, «Три корреспондента» в переводе М. Полторацкой, «Собака Баскервилей», переведенная Е.Н. Ломиковской «Второе пятно» (подписан: З.М.). В «Вестнике иностранной литературы» за 1904 г. опубликованы все произведения из цикла «Возвращение Шерлока Холмса» кроме «Второго кровавого пятна», которое будет напечатано годом позже в № 3. На рубеже веков появляются первые сборники детективных новелл Конан Дойла на русском языке, например «Записки знаменитого сыщика», в который вошли «Серебряная звезда», «Роковое письмо» и «Аристократы-убийцы» (1898), сборник 1901 г. с аналогичным названием, включавший такие произведения, как «Изуродованный человек», «Постоянный пациент». «Морская драма», «Желтое лицо», «Неудачная мистификация» и «Роковая тайна». Далее вплоть до 1910 г. в России ежегодно выходили сборники с новеллами о Шерлоке Холмсе. Кроме переводческой и критической рецепции детективного творчества Конан Дойла в России рубежа XIX–XX вв., можно говорить о многих подражаниях русских авторов английскому писателю.

Следующий этап, с 1911 по 1929 г., характеризуется некоторым снижением интереса к детективным произведениям Конан Дойла, особенно заметным это становится после Октябрьской революции, которая сформировала отрицательное отношение к жанру детектива как абсолютно безыдейной литературе. Тем не менее полного исчезновения детективной литературы как жанра не произошло, на что указывает тот факт, что в России 1910–1920-х гг. периодически появлялись статьи о Конан Дойле и новые переводы его детективных новелл, переведенных и не переведенных ранее: «Голубой карбункул», «Пестрая банда», «Желтое лицо», «Глория Скотт», «Горбун», «Случай с переводчиком», «Исчезновение леди Френсис Карфэкс», «Человек с побелевшим лицом».

В течение 1930–1960-х гг. в России неоднократно переиздавалось лишь несколько сочинений – «Собака Баскервилей», «Голубой карбункул», «Знак четырех», «Записки о Шерлоке Холмсе», «Пляшущие человечки» и некоторые другие – в адаптированном переводе (как правило, в серии «Библиотека приключений») или как «книга для чтения на английском языке». Изредка выходили из печати научно-фантастические сочинения Конан Дойла. Первое собрание сочинений английского писателя вышло в СССР только в 1966 г. в 8 томах (под редакцией М. Урнова).

Следующий этап можно ограничить 1970–2010 гг. На это время приходится «возвращение» Конан Дойла в Россию, которое начинается в конце 1970-х – 1980-е гг., когда из печати вышло несколько изданий избранных сочинений писателя в осуществленных ранее переводах. Например, «Записки о Шерлоке Холмсе» появлялись благодаря деятельности различных издательств с 1974 по 1984 г. ежегодно, а затем в 1986, 1987, позже в 1989 г., 1990, 1991, 1993, 1997–2000 гг. Настоящий издательский и переводческий бум вокруг детективного творчества Конан Дойла в России берет отсчет от 1990-х гг., когда был опубликован целый ряд его собраний сочинений, избранных сочинений, сборников детективных рассказов. В 2000–2010-х гг. этот ряд пополнился еще шестью (известными нам) собраниями.

Таким образом, становится понятно, что положение детективного жанра в русской литературе в целом, как и детективное творчество Конан Дойла в частности, неоднозначно: с одной стороны, наблюдалась и наблюдается невероятная популярность его сочинений

и подражаний им, особенно среди читателей среднего класса. С другой стороны, очевидны резкая критика и негативное восприятие детективных произведений Конан Дойла критикой и государственной издательской политикой практически на протяжении всей истории Советского Союза. Однако, как справедливо утверждает Л.П. Дмитриева, «к поэтике детектива невозможно применять категории “высокой” литературы и понятия “моральное/аморальное”. Классическая литература создавала пространство для заострения нравственных противоречий, их проблематизации и разрешения. Детективная литература апеллирует к игровому началу, посвящена представлению нового типа повествования, имеющего целью “удовлетворение особой интеллектуальной потребности, которую не могут удовлетворить произведения других жанров”» [10. С. 59]. Изучение восприятия детективных новелл Конан Дойла в России представляет собой сложную историко-литературную проблему, решение которой видится в системном подходе, что позволит пролить свет на сложные вопросы взаимодействия классической и массовой литературы, а также поставить вопрос о жанровой взаимосвязи двух литературных традиций – русской и английской – и восполнить существующие лакуны в этом сложном процессе.

Литература

1. *Энциклопедический словарь английской литературы XX века* / отв. ред. А.П. Саруханян; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 2005.
2. *Энциклопедия литературных терминов и понятий* / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001.
3. *Уголовный роман. Из литературных запасников* / сост. А. Рейтблат. М., 1992.
4. *Матвеев И.А.* Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Томск, 2014.
5. *Чуковский К.И.* Нат Пинкертон и современная литература. М., 1910.
6. *Громов П.П., Костелянец Б.О.* Записки о Шерлоке Холмсе. Артур Конан-Дойль // Шерлок Холмс и его приключения. Л., 1946.
7. *Литературная энциклопедия.* Коммунистическая академия. Секция литературы, искусства и языка; под ред. И.М. Беспалова, П.И. Нусинова и др. М., 1930. Т. 3.
8. *Куприн А.И.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1958. Т. 6.
9. *Антонов С.П.* От первого лица. М., 1973.
10. *Дмитриева Л.П.* «Забытые» детективы» Эдгара По // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 51–59.

RECEPTION OF ARTHUR CONAN DOYLE'S DETECTIVE NOVELS IN RUSSIA: SETTING THE PROBLEM

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 73–85. DOI 10.17223/23062061/10/5

Mironova Veronika E. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: veronicka84@yandex.ru

Keywords: Arthur Conan Doyle; reception; levels of reception; detective novel; Russian literature.

In the given article the problem of Arthur Conan Doyle's detective novels reception in Russia is under study.

Writings of the English author Arthur Conan Doyle (1859–1930) are of particular interest in the context of the history of Russian-English literary relations development from the end of the 19th century to the present day. Despite the fact that Doyle wrote works of various genres his name is frequently associated with detective literature.

The purpose of the given research is to demonstrate the most important periods of his detective novels popularity on different levels of reception, such as translation reception, interaction and revision of his writing basis in works of Russian authors, attitude of critics to detective literature and Doyle as a writer in particular.

When studying literary preferences in Russia, it is necessary to notice that at the turn of the 19th and 20th centuries with the growth of literacy among democracy population literature with a detective as a main character successfully solving crimes was spreading quite rapidly. In this period of time the detective became a fully complete genre. This genre was gradually gaining its followers and admirers among clerisy.

However, when studying the history of the given genre it is possible to single out a range of contradictions and controversial attitudes of both critics and readers.

The detective genre gained its special popularity at the beginning of the 20th century.

The socio-aesthetic phenomenon of detective literature attracted attention of a range of authors, such as S.M. Eisenstein, K.I. Chukovsky and others; nevertheless, there is no common generally recognized detective genre theory. Some authors called it an intellectual crossword, others a mixture of literature and playing, the third an industrial novel from the life of CID employees. However, elements of a detective are an integral part of many books of "Great Literature", for instance, fiction of F. M. Dostoevsky, O. Balzac, Ch. Dickens and others.

As the given research is devoted to the reception history of detective literature written by Arthur Conan Doyle, it is necessary to emphasize that reception study of detective novels of the English writer is considered to be rather significant from the point of view of aesthetics, poetics and typology of the genre development.

In the frame of the given project it is necessary to reflect principles, nature and evolution of detective novels reception by Russian writers and translators, pointing out the main periods of detective writing reception. Each period of the studied receptive history has its own specific character and logic of development. All these aspects correspond to the interest of modern literary studies to the problems of comparative studies, theory and history of translation, receptive aesthetics, multicultural dialogue, interaction between Russia and England within the framework of popular and classic literature, capital and regional literature.

References

1. Sarukhanyan, A.P. (ed.) (2005) *Entsiklopedicheskiy slovar' angliyskoy literatury XX veka* [The Encyclopedic Dictionary of English literature the 20th century]. Moscow: Institute of World Literature.
2. Nikol'yukin, A.N. (2001) *Entsiklopediya literaturnykh terminov i ponyatiy* [The encyclopedia of literary terms and concepts]. Moscow: RAS.
3. Reytblat, A. (1992) *Ugolovnyy roman. Iz literaturnykh zapasnikov* [The criminal novel. From literary storerooms]. Moscow: IRDASH.
4. Matveenkov, I.A. (2014) *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830–1900-gg.* [Perception of the English social-criminal novel in Russian literature, 1830–1900]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Chukovsky, K.I. (1910) *Nat Pinkerton i sovremennaya literatura* [Nat Pinkerton and modern literature]. Moscow: Sovremennoe tvorчество.
6. Gromov, P.P. & Kostelyanets, B.O. (1946) *Sherlok Kholms i ego prikladyeniya* [Sherlock Holmes and his adventures]. In: Conan Doyle, A. *Zapiski o Sherloke Kholmse* [Notes about Sherlock Holmes. Arthur Conan Doyle]. Leningrad: Molodaya gvardiya.
7. Bespalov, I.M. et al. (eds) (1930) *Literaturnaya entsiklopediya* [The Literary Encyclopedia. The Communist Academy. Section of literature, art, and language]. Vol. 3. Moscow: Communist Academy.
8. Kuprin, A.I. (1958) *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected Works. In 6 vols]. Vol. 6. Moscow.
9. Antonov, S.P. (1973) *Ot pervogo litsa* [From the first person]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
10. Dmitrieva, L.P. (2012) Forgotten novels by Edgar Poe. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 2. pp. 51-59. (In Russian).

И.А. Айзикова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В КНИЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Г.К. ТЮМЕНЦЕВА (статья первая)¹

Статья открывает цикл публикаций, посвященных разделу художественной литературы из личной библиотеки томского библиофила Г.К. Тюменцева. Анализ показал, что у Тюменцева, безусловно, было не случайное собрание изданий художественной литературы, оно подбиралось в соответствии с определенными принципами и личными пристрастиями. Рассмотренную в первой статье группу составляют издания зарубежных писателей начиная с античных и кончая современными владельцу библиотеки (на русском и иностранных языках). Кроме истории литературы, они отражают историю русского художественного перевода и рецепции западной литературы в Сибири второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: сибирский библиофил, личная библиотека, Г.К. Тюменцев, художественная литература.

Гавриил Константинович Тюменцев, известный томский краевед, педагог, типичный представитель сибирской интеллигенции конца XIX – начала XX в.², вошел в историю Сибири, Томска, Томского университета и как книголюб и библиофил³, собравший большую книжную коллекцию и передавший ее в конце 1910-х – середине 1920-х гг. в Научную библиотеку Томского университета. Личная библиотека Г.К. Тюменцева уже не раз рассматривалась книговедами как книжный памятник в истории сибирской культуры [2], как основа для изучения личностного и духовного становления сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в. [3, 4], как отражение регионального книжного дела [5, 6]. Изучались отдельные части коллекции, например, литографированные работы П.М. Кошарова [7], книги по сибиреведению [8], томские [9],

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ (региональный №16-14-70001.

² См. о нем: [1].

³ Мы придерживаемся мнения П.Н. Беркова о том, что «библиофил» к понятию «книголюб» добавляет пафос собирательства.

красноярские издания [10], издания П.И. Макушина [11], учебная литература [12]. Давая общую характеристику библиотеки или рассматривая ее в отдельных аспектах, исследователи неоднократно подчеркивали, что она является ярким отражением читательских интересов томской интеллигенции, характерным представителем которой, безусловно, является Г.К. Тюменцев, отличавшийся в своей жизнедеятельности духовной активностью, посвятивший себя образованию и самообразованию, просвещению и саморазвитию. Окончивший сначала Тобольскую гимназию (1861 г.), а потом физико-математический факультет Казанского университета (1866 г.), Тюменцев прослужил два года в главном управлении Западной Сибири в Омске (1866–1868 гг.), учительствовал в красноярской классической гимназии (преподавал математику и естественную историю в 1868–1870 гг.), в мужской и женской томских гимназиях (с 1870 г.), заведывая одновременно гимназической библиотекой (по 1874 г.). С 1877 по 1907 г. являлся директором томского Алексеевского реального училища, в котором его усилиями также была создана хорошая библиотека. С первых лет своего обучения в Казанском университете (т.е. с 1850-х гг.) Тюменцев начал собирать книги для личной библиотеки. Обеспокоенный революционными событиями, он передает свое книжное собрание, двумя партиями, в 1918 и 1925 гг., в Научную библиотеку Томского университета, подтверждая мысль о том, что библиофильство по сути своей явление общественное [13].

Определяя тип личного книжного собрания Тюменцева, следует отметить, что оно сочетает в себе признаки рабочей, специальной, универсальной и библиофильской библиотеки. С одной стороны, библиотека Тюменцева отвечает профессиональным интересам ее владельца: педагогическим, естественно-научным. Она отражает его занятия метеорологией, краеведением, участие в старейших научных обществах России – Императорском Русском географическом обществе, Императорском Вольном экономическом обществе, а также в томских общественных организациях: в Обществе естествоиспытателей и врачей, Обществе попечения о начальном образовании, Обществе содействия физическому развитию и т.д. С другой стороны, исследователи справедливо определяют библиотеку Тюменцева как библиофильскую, поскольку она

«содержит книжные редкости» и отличается особыми «способами комплектования» [14. С. 266].

Г.К. Тюменцев сочетал в себе читателя, книговеда и вдумчивого собирателя библиотеки, которая отличается у него хорошим подбором книг, характеризующим его личность. Таких собирателей П.Н. Берков, автор нескольких книг по истории русского библиофильства, называл «просвещенными библиофилами». Рассуждая о них, он писал: «...собрание хорошей, ценной библиотеки – это большой человеческий труд», в котором отражаются «умственные или художественные интересы... собирателя, его “лицо” как библиофила» [15]. В связи с этим представляется необходимым рассматривать в нашей статье проблемы литературы, книгоиздания, чтения и библиофильства как системно взаимосвязанные.

* * *

Общепризнанным тематическим ядром библиотеки Тюменцева являются книги о Сибири. По видовой типологии большая часть книг относится к научным, научно-популярным, учебным, справочным, нормативным, ведомственным, общественно-политическим изданиям¹. Однако, будучи истинным интеллигентом, Тюменцев никогда не замыкался в своей профессии, жертвуя ей культурными общечеловеческими ценностями, о чем как об обязательной характеристике русского интеллигента писал Д.С. Лихачев в статье «О русской интеллигенции»: «Я очень ценю профессионалов и профессионализм, но это не всегда совпадает с тем, что я называю интеллигентами и интеллигентностью. Я бы сказал еще и так: интеллигентность в России – это прежде всего независимость мысли при европейском образовании» [16]. Библиотека Тюменцева демонстрирует именно эти свойства ее владельца – независимость мысли, широту кругозора и духовных интересов, глубину познаний. Особенно ярко это отражают издания художественной литературы, собиравшиеся математиком, метеорологом, краеведом Г.К. Тюменцевым на протяжении всей жизни. На первый взгляд их в библиотеке не так много по

¹ См. об этом подробнее: [14. С. 266–268].

сравнению с другими видами, тем более собрание литературно-художественных изданий Тюменцева видится как глубоко продуманное, с хорошим составом книг и авторов. В нем есть своя логика собирательства, которая прежде всего демонстрирует любовь владельца к изданиям художественной литературы как к явлениям культуры той или иной эпохи, к тем мыслям и чувствам, которые переданы в них содержанием и формой сочинения и книги, на страницах которой это сочинение опубликовано.

Скорее всего, издания художественной литературы для своей библиотеки Тюменцев приобретал не как редкие, а как ценные, играющие, с его точки зрения, важную художественно-литературную роль в развитии западной и русской литературы и в его личном самообразовании и саморазвитии. Вероятно, собирались сочинения и книги, интересные, нравящиеся, представляющиеся хорошими именно их владельцу. Между тем в коллекции Тюменцева оказались собранными *уникальные художественно-литературные издания XIX в.*, которые сегодня можно признать и редкими, и ценными; и *уникальный состав литературных сочинений*, характеризующий представление Г.К. Тюменцева и в его лице (при всей субъективности личных предпочтений) – сибирской, томской интеллигенции об истории мировой литературы, ее функциях, путях развития, вершинах и самых ярких явлениях¹.

Наиболее ранним по времени публикации в библиотеке Тюменцева является издание древнейшего из сохранившихся памятников античной литературы – «Илиады» Гомера в переводе Н.И. Гнедича, выполненном в 1829 г. (часть вторая). Книга выпущена в Санкт-Петербурге в 1861 г. издателем и книгопродавцем И.Т. Лисенковым (в типографии С. Седикина). Опубликованный в ней перевод был дополнен «Жизнеописаниями Гомера и переводчика его Илиады на русский язык Гнедича, с их портретами». Издание иллюстрировано 24 рисунками английского художника Дж. Флаксмана по сюжетам гомеровской поэмы,

¹ О диалектике личных интересов библиофила и его понимания социальной значимости своей библиофильской деятельности см.: [13. С. 140–141].

украшено виньеткой с 7 портретами героев Илиады, выгравированными крупнейшим русским мастером Н.И. Уткиным¹.

Тюменцев владел третьим изданием перевода «Илиады» Н.И. Гнедича. Оно напечатано с экземпляра, исправленного переводчиком и хранившегося в Императорской Публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека). Этот перевод, сделанный гекзаметром, в отличие от предыдущего прозаического перевода, выполненного И.И. Мартыновым (1823–1825 гг.), как известно, был высоко оценен современниками и выдержал множество (десятки) переизданий. В.Г. Белинский сам факт издания И.Т. Лисенковым «Илиады» в переводе Н.И. Гнедича назвал «благородным предприятием»: «Теперь всякий имеет возможность изучать художественнейшее создание художественнейшего народа в человечестве, чтобы узнать, что такое искусство, что такое художественная красота и изящество» [17. С. 493]. Собственно о переводе в заметке Белинского читаем следующее: «Конечно, никакой перевод не заменит подлинника, и тем более такого, как “Илиада”, где всё – изящные образы, выраженные на языке по преимуществу художественном, по преимуществу созданном для изящных образов; но если цель перевода есть дать по возможности близкое понятие о подлиннике, то Гнедич блистательно достиг этой цели, и его труд есть великий подвиг, делающий честь целой нации. В его переводе веет жизнью древности, и эта жизнь мощно охватывает дух читателя; в его образах мы видим и простодушие и пластичность, которые одни могут *навеять* живое созерцание дивного мира художественной Греции» [17. С. 494]. В «Литературной газете» (1830. № 2. 6 янв.) А.С. Пушкин писал: «Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частию устремились на блестящие безделки, когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, – с

¹ В.Г. Белинский дал высокую оценку иллюстрированию книги: «Очерки Флаксмана удивительно помогают проникновению в этот мир пластической, осязаемой красоты, которая нашла себе такое полное выражение в скульптуре, – и г. Лисенков оказал великую пользу русскому просвещению, приложив их к своему изданию “Илиады”» [17. С. 494].

чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность» [18].

В библиотеке Тюменцева имеется еще несколько памятников античной литературы¹. Среди них – издание трагедии «Медея» Еврипида в переводе с древнегреческого, выполненном Д.С. Мережковским в 1895 г. и опубликованном в этом же году в «Вестнике Европы». В 1902 г. отредактированный перевод поэта (наряду с его другими переводами античных трагедий) был подготовлен к изданию «Товариществом “Знание”» и отпечатан в санкт-петербургской типографии Н.Н. Клобукова. Эта книга и оказалась в коллекции Тюменцева. Она содержит многочисленные читательские подчеркивания и отчеркивания в тексте и на полях, которые, безусловно, заслуживают отдельного анализа.

Кроме того, назовем испещренную пометами владельца «Энеиду» Вергилия², которую, вслед за Вольтером многие до сих пор сравнивают с поэмами Гомера. Томский библиофил владел «Энеидой» в переводе И.Г. Шершеневича. Книга вышла в Варшаве (Типография Варшавского учебного округа) в 1868 г., хотя первая публикация этого перевода состоялась в «Современнике» в 1851–1852 гг. (т. 30–36). Это был второй по счету полный перевод «Энеиды» в России, сделанный по прошествии почти ста лет со времени первого перевода поэмы, принадлежащего В. Петрову (1781–1786). Он впервые был выполнен размером подлинника – гекзаметром.

Этот перевод также был высоко оценен современниками. «...Я должен обратить особенное внимание читателей, – писал И.И. Панаев в «Заметках Нового Поэта о русской журналистике», –

¹ О хранящемся в библиотеке Тюменцева переводе «Одиссеи» Гомера, выполненном В.А. Жуковским, см. во второй части статьи.

² Книга была внимательно прочитана, можно даже сказать, изучена Тюменцевым от начала до конца, о чем свидетельствуют множество разнообразных помет и записи на полях, что также, наряду с изданием «Медеи», требует отдельного исследования.

на превосходный, истинно поэтический и необыкновенно верный подлиннику перевод виргилиевой „Энеиды“, печатающийся в „Современнике“ (этот перевод принадлежит И.Г. Шершеневичу)» [19. 1851. Т. 30, № 12, отд. 5. С. 157]). Очень высокую оценку переводу Шершеневича дал профессор В.И. Модестов в «Лекциях по истории римской литературы» (1888 г.). Вместе с тем один из ближайших продолжателей переводческой рецепции поэмы Вергилия в России А.А. Фет, издавший свой перевод «Энеиды» в 1888 г., называл перевод Шершеневича «простым вольным пересказом содержания» (цит. по: [20]). Об этом же много раньше Фета писал в Н.А. Добролюбов в своем студенческом сочинении (в 1853/54 уч.г.), которое было посвящено построчному сравнению перевода Шершеневича с подлинником¹. Справедливости ради следует привести переводческие установки Шершеневича, изложенные им в предисловии к своему переводу: «Перевод мой не есть строго ученый труд <...>. Это не подстрочный перевод каждого стиха отдельно со всевозможным сохранением порядка слов подлинника; это и не буквальный перевод <...> Придавать слишком много значения отдельным словам, в ущерб целой мысли, жертвовать ясностью и верностью смысла ради педантической точности <...> значит, я полагаю, исказить подлинник <...>. Задача переводчика воспроизвести подлинник, но не иначе как в духе того языка, на который переводит. <...> А для того чтобы не впасть в одну из двух крайностей; то есть, чтобы не лишить рассказа необходимой серьезности или не придать ему слишком тяжелого, ученого тона, я ни разу не пользовался ни французскими, ни немецкими переводами „Энеиды“» [22]. Справедливости же ради следует напомнить, что спустя 80 лет, принимаясь за перевод «Энеиды», В.Я. Брюсов, анализируя перевод Фета и последовавший за ним перевод Н.Д. Квашнина-Самарина (1893 г.), вновь ставит вопрос об адекватности перевода поэмы Вергилия [23].

Г.К. Тюменцев был владельцем еще одного весьма популярного у читателей издания «Энеиды» – «Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная И. Котляревским» (Харьков, Университетская типография, 1842) с приложением «Словаря

¹ Это сочинение впервые было опубликовано только в советское время, см.: [21].

малороссийских слов, содержащихся в Энеиде, с русским переводом» (содержит более 1000 слов)¹. Это было первое полное (посмертное) издание «Энеиды» И.П. Котляревского, которое сегодня считается первым сочинением новой украинской литературы, написанным ее первым классиком². Сочинение в 6 частях, продолжающее многолетнюю европейскую традицию ироикоических «пересказов» поэмы Вергилия, является ее подражанием в духе бурлеска: созданное на основе легенды об Энее, перенесенной на украинскую почву, оно в шутиливой оригинальной форме отражает быт, обычаи, нравы украинского народа.

Западноевропейская литература эпохи Возрождения представлена в библиотеке Тюменцева только одной книгой, но это – издание первой части «Божественной комедии» Данте Алигьери, открывающей европейский Ренессанс в литературе, «Ад». Томский библиофил владел публикацией первого в России полного перевода кантики «Ад»³. Он был сделан с итальянского языка прозой (по замечанию И.Н. Голенищева-Кутузова, с попыткой, однако, сохранить конструкции итальянских предложений [25]) и напечатан в 1842–1843 гг. в Санкт-Петербургской типографии Е. Фишера.

Автор перевода – писательница и переводчица Е.В. Кологрилова, публиковавшаяся под псевдонимом Ф. Фан-Дим, которым подписан и перевод «Ада». Именно благодаря этому

¹ В тексте поэмы на с. 5 и 6 карандашом подчеркнуты несколько простонародных выражений и малороссийских слов: *хоть куды; тягу дав; Энея не любила страх; Вин швидко поробивши човны.*

² В библиотеке Тюменцева имеется еще одно издание украинского автора: шестой том Сочинений Григория Федоровича Квитки – «Драматические сочинения Грицька Основьяненка», издание Харьковского уездного земства в пользу народного училища, учрежденного на основе в память Григория Федоровича Квитки (Основьяненка) (Харьков: Типография Зильберберга, 1894). В этом томе опубликованы следующие произведения: «Святання на Гончаривци», «Щира любов», «Бой-жинка» на украинском языке в транслитерации символами русского языка, остальные произведения и биографический очерк, написанный С.Ф. Русовым, на русском языке.

³ Ранее русский читатель мог познакомиться только с «Отрывком из 3-й песни поэмы “Ад”» в переводе Авр.С. Норова, опубликованным в «Сыне отечества» за 1823 г. [24. Ч. 87, № 20. С. 183–188]. Перевод сделан терцинами, alexandрийским стихом, в духе французской традиции перевода сочинения Данте.

переводу, отличавшемуся точностью передачи содержания подлинника, его экспрессивного стиля, она вошла в историю русской литературы. На перевод откликнулись П.А. Плетнев, В.Г. Белинский, С.П. Шевырев и др. В частности, Белинский отметил близость перевода к подлиннику и верное решение Кологривовой переводить «Ад» Данте прозой, поскольку переводить великого поэта стихами сможет только поэт, равняющийся с ним талантом¹. Шевырев, опубликовавший перед этим свой стихотворный перевод двух песен «Ада», в рецензии на перевод Кологривовой, напротив, сосредоточился на подробном анализе допущенных в нем ошибок [27], в связи с чем исследователь творчества Данте и его рецепции в России А.А. Асоян в своей монографии пишет: «Видимо, несмотря на объективность отдельных замечаний Шевырѐва, его общая оценка труда Кологривовой оказалась несколько пристрастной и слишком строгой», расходясь с положительной оценкой многих современников переводчицы и современных ученых [28].

Издание открывается Введением, написанным чиновником Министерства государственных имуществ Д.Н. Струковым, которое А.А. Асоян называет «одной из основательных работ, обобщивших материалы новейших дантоведческих исследований» «после диссертации С.П. Шевырѐва “Дант и его век” (1833–1834), заслужившей признание не только отечественной профессуры, но и зарубежных специалистов» [28]. Введение представляет читателю книги анализ «Божественной комедии», жанр которой определяется здесь как христианская эпопея. Проблематику поэмы Струков сводит к идее борьбы земного и небесного (духовного). Сравнивая произведение Данте с «Энеидой» Вергилия, жанровые традиции которой возродились, спустя многие годы, именно в «Божественной комедии», Струков очень точно пишет о принципиальном отличии ренессансного сочинения Данте от античной поэмы Вергилия. Он видит его в том, что в поэме Данте, впервые в истории литературы, главным героем становится сам автор, в ней настойчиво звучит его

¹ См. рецензию В.Г. Белинского «”Божественная комедия” Данте Алигиери. “Ад”. Перев. с итал. Ф. Фан-Дима <Е.В. Кологривовой> (1843) [26. Т. 6. С. 665].

голос, его авторская позиция, позволяющая соотносить личное и всеобщее¹.

Во Введении находим читательские пометы Тюменцева, сделанные карандашом. Галочкой (или птичкой – v), которой, как правило, обозначают согласие или повышенное внимание, отмечены два абзаца на с. IX и XI, содержащих весьма своеобразную струковскую интерпретацию описания устройства Ада, Чистилища и Рая в «Комедии» Данте и эволюции, которую претерпевает многогранный образ героя, продвигающегося по этим пространствам и выражающего таким образом авторскую позицию:

С. IX. Данте дает полный анализ напластования земли и свойства земель и камней, постепенно углубляясь во внутренность земного шара, он говорит о воде, песке, железе, граните, о минеральных горячих источниках, а газах, о подземных пустотах, об огне и наконец о вечном льде, заключенном в центре земли. В чистилище, постепенно отделяясь от земли и восходя в область света, Данте постепенно сбрасывает с себя бремя земных грехов и помыслов и возносит самую науку естествознания к высоте философии, стремится по пути Откровения к единому Началу, всё сотворившему. В чистилище ботаника и физиология занимают более места; в Рае все эти науки уступают место астрономии, метафизике и богословию.

С. XI. Являясь в этих картинах поэтом и философом, Данте в них же является и великим политиком: он живописует человека не с одной его материальной и нравственной стороны, но и как человека великой народной семьи. Свидетель кровавых зол, раздиравших Италию, и участник в них по силе обстоятельств, он думал ужасную монархию, изобразив ее в своем аде и пленив умы прелестью общественного благоденствия под сенью монархического правления, явить миру блаженство небесного Царства. Чистилище служит изображением перехода из анархии к спокойствию общественному.

Издание «Божественной комедии» из библиотеки Тюменцева замечательно еще и тем, что содержит параллельный текст сочинения Данте на итальянском языке, а также примечания и 31 иллюст-

¹ Подробнее о статье Д.Н. Струкова см. в монографии А.А. Асосяна [28].

рацию – линейные гравюры английского художника Дж. Флаксмана, прославившегося иллюстрациями к Гомеру, Эсхилу, Данте.

Более широко в книжном собрании Тюменцева представлены издания сочинений западноевропейских авторов XVII в. Прежде всего следует назвать поэму «Потерянный рай» Дж. Мильтона, «первого», как указывает Ю.Д. Левин, «английского поэта, получившего известность и переведившегося в России» [29]. Книга выпущена в Санкт-Петербурге в 1871 г. издателями Н.П. Кораблевым и М.Н. Сирыковым, отпечатана в типографии В. Нусвальта. В руках Тюменцева оказалось издание пятого по счету перевода поэмы Мильтона, принадлежащего С.И. Писареву. Множество переводов «Потерянного рая», сделанных преимущественно в XIX в., свидетельствуют о необычайной популярности в России этого сочинения, ставящего на материале библейской легенды важнейшие вопросы бытия, человека и общества, их развития.

Переводу Писарева предшествовали три перевода, созданные в XVIII в.: А.Г. Строганова (1745 г.), префекта Московской академии Амвросия (Серебренникова) (1785 г.) и Ф.А. Загорского (1795). Все они были сделаны прозой, первые два переводились не с оригинала, а через текст-посредник (с французского перевода 1729 г. Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора). Первый перевод с подлинника был выполнен Загорским, но он тоже был прозаическим. Первый стихотворный перевод «Потерянного рая» появился в России только в конце 1850-х гг., он принадлежит поэтессе Е.А. Жадовской. Этот перевод, представляющий собой неполный стихотворный пересказ более ранних прозаических переводов Ф.А. Загорского и Е.П. Люценко¹, был подвергнут резкой критике со стороны Н.А. Добролюбова. «Перевод с прозы г-жи Жадовской – безобразнейшая спекуляция, какую только можно себе представить!.. Тут все есть – и безграмотность, и бездарность, и прямой обман <...> Наши замечания имеют вот какой смысл: зачем г-жа Жадовская выдрала из поэмы Мильтона отрывки, и отрывки далеко не лучшие, зачем перевела их на плохие стихи со старой русской прозы, зачем перепутала даже и то, что сама выбрала, а главное – зачем свои вирши издала под названием поэмы Мильтона “Потерянный рай?”», – писал критик [31]. Из шести переводов, последовавших за переводом Жадовской (до конца XIX в.),

¹ Об этом см.: [30].

только два были выполнены с английского языка – профессором Московского университета А.З. Зиновьевым (1861 г.) и С.И. Писаревым, и только один из этих двух – стихами. Это перевод С.И. Писарева, который и обнаруживаем в библиотеке Тюменцева.

Данная книга также содержит некоторые читательские пометы владельца. В частности, в «Биографии Мильтона», написанной Писаревым и открывающей издание, в главах III, IV, VI (на с. XXII, XXXV, LXVIII, LXIX) имеются подчеркивания (черными чернилами), отражающие интерес Тюменцева к сочинениям английского автора, содержащим его общественно-политические и тесно связанные с ними религиозно-философские взгляды:

С. XXII. В 1641 г. вспыхнуло восстание против епископов. Мильтон принял в нем энергическое участие и напечатал Трактат о Реформации¹, где защищал диссидентов, стоявших, по его мнению <...> ниже пресвитериан по учености и красноречию.

С. XXXV. Особенно замечательны письма «О гонении протестантов в Пьемонте», которых нельзя читать без волнения. Мильтон глубоко чувствовал притеснения протестантов.

На с. LXVIII–LXIX на поле отчеркнут карандашом большой фрагмент (данный в переводе Писарева) из политического трактата Мильтона «Defensio secunda», знаменитой «Второй защиты» (1654), которая, как известно, появилась как ответ противникам его «первой защиты» – «Защиты английского народа». Тюменцевым отмечен приведенный во Введении отрывок, воспевающий Кромвеля, который отверг титул короля и избрал себе «титул Протектора, т.е. покровителя отечества».

Подчеркивания в тексте и несколько отчеркиваний на полях (карандашом, чернилами) находим и в Песнях – I, II, VI, IX:

С. 2. Терзаем завистью, мщеньем прельстил он
Обманом Праматерь людей, в виде змея!
Когда он за гордость низринут был с неба.

¹ Имеется в виду «Трактат о Реформации в Англии и причинах, задержавших ее».

- С. 39. В себе сознавая достаточно силы,
Мы будем страшить нападением небо,
Всегда угрожая величию Престола.
- С. 50. Любимые дети Всесильного Бога
Низвержены будут, как мы, в эту пропасть,
И с нами разделят жестокую участь.
Рожденье свое проклиная они будут,
Оплакивать вечно погибшее счастье.
Подумайте, боги, должны ль мы решиться
Исполнить намеренье важное это...
- С. 191. Подходим мы ближе и видим лес копий,
Блестящих щитов их и множество шлемов,
Украшенных разным мишурным убранством,
Как буря неслися, сплошными рядами
Войска Сатаны; они думали в день тот
Иль силой оружия, иль натиском быстрым,
Взять гору святую; – на трон Всеблагого,
Возвысить завистника славы Господней.
- С. 316. Так, зная печальный исход преступления,
Не быв и обманут, но лишь очарован
Нежнейшею лаской прекрасной супруги,
Адам, как в безумье, берет и вкушает!
Земля тогда вновь потряслась в основаньи,
С глубокою скорбью вздохнула природа,
Померк и весь воздух, тяжелые капли
Закапали, жалости будто бы слезы,
□ Уныло и гром загремел в отдалении;
Как бы сострадало всё мирозданье.

Как видим, читателем отмечены кульминационные, с его точки зрения, моменты сюжета поэмы – совращение Евы низвергнутым из Рая Сатаной, начало войны на небесах, грехопадение Адама.

Томскому книголюби принадлежала и книга, в которую вошли 19 комедий французского драматурга XVII в. Ж.-Б. Мольера – «Собрание сочинений Мольера. 19 пьес с иллюстрациями (копиями с гравюр) Эдмонда Гедуэна, Луи Лелуа и других французских художников». Издание вышло «под редакцией» цензора С.С. Трубачева, в Санкт-Петербурге, отпечатано оно было в типографии братьев Г.Ф. и П.Ф. Пантелеевых в 1899 г. в виде иллюстрированного бесплатного приложения к «Вестнику иностранной литературы». Книга

содержала статью о биографии Мольера и все его наиболее известные комедии.

Часть из них, в основном одноактные пьесы или комедии-балеты, составлявшие фарсовый репертуар труппы Мольера, представлены в издании в виде анонимных пересказов: «Ревность Барбулье», «Летающий доктор», «Дон Гарсия Наваррский, или Ревнивый принц: Героическая комедия», «Докучные: Комедия-балет», «Критика на “Школу жен”», «Версальский экспромт», «Брак по неволе: Балет», «Принцесса Элидская: Комедия-балет», «Любовь-исцелительница: Комедия-балет», «Мелисерта: Героическая пастораль», «Комическая пастораль», «Сицилиец или Любовь-художница: Комедия-балет», «Великодушные любовники: Комедия-балет», «Психея: Трагедия-балет», «Графиня Д’Эскарбаньяс».

Ряд стихотворных комедий французского автора вошли в книгу в виде прозаических переводов, например: написанные в стиле итальянской литературной комедии пятиактные пьесы «Взбалмошный или Все невпопад» – имя переводчика не указано, «Любовная досада» – перевод А.В. Швырова, комедия-фарс «Сганарель, или Мнимый рогоносец» – перевод М.А. Орлова, «Мизантроп» – перевод М.И. Полтавского. Остальные представлены стихотворными переводами, выполненными известными поэтами и переводчиками. Так, знаменитая комедия Мольера «Школа мужей» в рассматриваемое издание вошла в стихотворном переводе поэта, литературного и театрального критика А.А. Григорьева. Не менее известные комедии в стихах «Школа жен», «Дон Жуан», «Тартюф», «Скупой», «Мещанин во дворянстве» опубликованы в стихотворном переводе поэта, драматурга, талантливого переводчика В.С. Лихачева. В книгу вошли также переводы комедий Мольера, выполненные поэтом Д.Д. Минаевым: «Амфитрион», «Ученые женщины», известным переводчиком В.Л. Ранцовым: «Доктор поневоле», «Жорж Данден или Пристыженный муж»; поэтом-переводчиком П.И. Вейнбергом: «Г.-де-Пурсоньях», «Мнимый больной»; филологом-славистом, доктором славянской филологии А.Л. Погодиным: «Проделки Скапена». Книга, как видим, содержит не только все значимые пьесы Мольера, отражавшие развитие его творчества, но и богатую палитру видов русского художественного перевода и русских переводчиков конца XIX в., в частности переводчиков Мольера.

Из сочинений западноевропейской художественной литературы эпохи Просвещения, имеющихся в библиотеке Тюменцева, назовем в первую очередь седьмой том «Собрания сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцию Ник. Вас. Гербеля» в Санкт-Петербурге в типографии Императорской Академии наук в 1864 г. Н.В. Гербель, поэт-переводчик, издатель, редактор, литературовед и библиограф, в конце 1850-х – 1860-е гг. принял ряд изданий лучших зарубежных поэтов в русских переводах, таких как Шекспир, Байрон, Гете. В 1857–1861 гг. в рамках этого проекта было опубликовано «Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей».

Ю.Д. Левин, подробно рассмотревший историю подготовки и публикации этого издания, ставшего «первым редакционно-издательским опытом Гербеля», открывшим реализацию его масштабного замысла, отмечал, что обращение именно к Шиллеру было не случайным. «Немецкий поэт, великий гуманист, неутомимый проповедник идеалов истины, добра и свободы» стал к этому времени «неотъемлемой частью русской духовной жизни» [32]. Для этого издания, по утверждению исследователя, Гербель начал собирать сочинения Шиллера еще в 1853–1854 гг. Задуманное сначала в двух томах, включавших в себя 260 стихотворений, переведенных 49 переводчиками (более половины переводов были сделаны по заказу Гербеля специально для этого издания, многие стихотворения Шиллера были представлены в нескольких переводах), Собрание сочинений Шиллера разрослось до девяти томов, вобрав в себя драматические и исторические произведения немецкого поэта. Выход в свет этого Собрания сочинений, по оценкам современников, явился событием в культурной жизни России¹. Впоследствии Собрание сочинений Шиллера под редакцией Гербеля переиздавалось с дополнениями шесть раз (6-е и 7-е издания вышли после смерти редактора).

В коллекции Тюменцева находится один из томов 3-го издания этого собрания. Здесь опубликован исторический труд Шиллера

¹ См., например, рецензию М.Л. Михайлова «Шиллер в переводе русских писателей, изданный под редакцию Н.В. Гербеля, т. I–IV, СПб. 1859 г.» [33]. Позднее Михайлов написал рецензию и на следующие два тома (см.: [34]). См. также рецензию Н.Г. Чернышевского [19. 1857. № 1]. Н.А. Добролюбов, также приветствовавшим «полезное предприятие г. Гербеля», были написаны 3 рецензии на отдельные тома издания [19. 1857. № 12; 1858. № 7, 12].

«История тридцатилетней войны» (1791) в переводе Н.В. Гербеля. Сочинение посвящено военному конфликту, название которого вынесено в заглавие произведения, его последствиям для Германии и Европы и отражает шиллеровские принципы историографии.

В предисловии «От издателя» перевод квалифицируется как «действительно полный, т.е. в нем не опущено ни одной строки и не изменено ни одного слова» [35. С. V]. Далее Гербель вписывает свой перевод в контекст русской переводческой рецепции этого сочинения, давая высокую оценку первому переводу «Истории...» Шиллера, изданному в 1815 г.: «Перевод этот, несмотря на устарелость... замечателен по своей верности» [35. С. V] и называя вышедшие после него переводы двух отрывков, принадлежащих баронессе Ю. фон Икскуль («Покорение Магдебурга» 1859 г. и «Характеристические очерки Валленштейна» 1860 г.).

Тюменцев владел также изданием пьесы глубокого философско-теологического содержания «Натан Мудрый. Драматическое стихотворение» крупнейшего немецкого писателя-просветителя Г.Э. Лессинга, которого Н.Г. Чернышевский в своем труде «Лессинг, его время, жизнь и деятельность» называл «отцом новой немецкой литературы» [36]. Книга отпечатана в Санкт-Петербурге в 1875 г. в типографии М. Стасюлевича. Она содержит перевод сочинения Лессинга, выполненный с немецкого языка известным драматургом В.А. Крыловым, а также составленные им исторический очерк «Лессинг и его драматическое стихотворение “Натан Мудрый”», примечания к тексту перевода и Библиографический указатель к драматическому стихотворению Лессинга «Натан Мудрый». По указанию Крылова, это «был первый и до сих пор единственный перевод произведения, занимающего одно из самых почетных мест в немецкой литературе» [37. С. 1]. Первоначально он был опубликован в 1868 г. в «Вестнике Европы», но поскольку критика не обратила должного внимания на этот перевод, Крылов решил перепечатать его в особом издании, «дополнив пояснениями и историческим очерком» [37. С. 2].

Кроме того, в книжном собрании томского библиофила хранится том IX Полного собрания сочинений Ж.-Ж. Руссо на французском языке, вышедшего в Париже в 13 томах в акционерном обществе по изданию, распространению книг и периодической печати «Ашетт и К°» (Librairie Hachette et К°) в 1902–1905 гг. Том содержит продол-

жение и окончание романа Руссо «Les confessions» («Исповедь»), «Rousseau juge de Jean-Jacque» («Руссо – судья Жан-Жака») и «Les reveries du promeneur solitaire» («Прогулки одинокого мечтателя») – в последнем произведении имеются читательские пометы Тюменцева. «Прогулки...», как известно, не были завершены Руссо (1776–1778), они представляют собой автобиографическую прозу, встающую в ряд с «Исповедью» и «Диалогами. Руссо – судья Жан-Жака». Сочинение разделено на 10 глав-прогулок (10-я не закончена). В них собраны описания отдельных моментов жизни автора, достопримечательностей, которые он видел во время своих прогулок. Это – тексты глубочайшего авторского самоанализа. Книгу очень трудно читать без знания биографии писателя. Исследователи отмечают, что наиболее внятные мысли и рассуждения начинаются только в четвертой прогулке.

Пометы Тюменцева находим в 5-й и 7-й прогулках (начиная с 9-й прогулки страницы книги не разрезаны¹). В пятой прогулке описано пребывание Руссо на острове Сен-Пьер, посреди Бьенского озера. Пребывание на нем он называет самым счастливым временем своей жизни. Более всего писатель ценит свое уединение. Приведем пометы Тюменцева:

Quand le lac agité ne me permettoit pas la navigation, je passais mon après-midi à parcourir l'île en herborisant à droite et à gauche m'asseyant tantôt dans les réduits les plus riens et les plus solitaires pour y rêver à mon aise, tantôt sur les terrasses et les tertres, pour parcourir des yeux le superbe et ravissant coup d'œil du lac et de ses rivages couronnés d'un côté par des montagnes prochaines et de l'autre élargis en riches et fertiles plaines, dans lesquelles la vue s'étendoit jusqu'aux montagnes bleuâtres plus éloignées qui la bornaient.

Quand le soir approchoit je descendais des cimes de l'île et j'allois volontiers m'asseoir au bord du lac sur la grève dans quelque asile caché ; là le bruit des vagues et l'agitation de l'eau fixant mes sens et chassant de mon ame toute autre agitation la plongeioient dans une rêverie délicieuse où la nuit me surprenoit souvent sans que je m'en fusse aperçu. Le flux et reflux de cette eau, son bruit continu mais renflé par intervalles frappant sans relâche mon oreille et mes yeux, suppléioient aux mouvemens internes que la rêverie éteignoit en moi et suffisoient

¹ Не разрезаны и страницы, где напечатано «Ecrit en forme de circulaires».

pour me faire sentir avec plaisir mon existence sans prendre la peine de penser. De tems à autre naissoit quelque faible et courte réflexion sur l'instabilité des choses de ce monde dont la surface des eaux m'offroit l'image : mais bientôt ces impressions légères s'effaçoient dans l'uniformité du mouvement continu qui me berçoit, et qui sans aucun concours actif de mon ame ne laissoit pas de m'attacher au point qu'appelé par l'heure et par le signal convenu je ne pouvois m'arracher de là sans effort.

Après le souper, quand la soirée étoit belle, nous allions encore tous ensemble faire quelque tour de promenade sur la terrasse pour y respirer l'air du lac et la fraîcheur. On se reposoit dans le pavillon, on riait, on causoit on chantoit quelque vieille chanson qui valoit bien le tortillage moderne, et enfin l'on s'alloit coucher content de sa journée et n'en desirant qu'une semblable pour le lendemain.

Telle est, laissant à part les visites imprévues et importunes, la maniere dont j'ai passé mon tems dans cette île durant le séjour que j'y ai fait Qu'on me dise à présent ce qu'il y a là d'assez attrayant pour exciter dans mon cœur des regrets si vifs, si tendres et si durables qu'au bout de quinze ans il m'est impossible de songer à cette habitation chérie sans m'y sentir à chaque fois transporté encore par les élans du desir.

Множество подчеркиваний сделано в поэтическом описании прогулки по острову, которая позволяла автору, находящемуся в полном одиночестве, насладиться спокойствием, возможностью мечтать, любоваться восхитительным видом озера и его берегов, с удовольствием ощущать свое существование. Кроме того, на полях книги, напротив приведенного выше фрагмента, читателем сделан ряд записей. Например, напротив первого абзаца – *moderne*; напротив второго столбиком – *sens morale, général, du sans* qu'il vit и справа: *adolescence, de temps en temps*; напротив третьего – *s'est ne pas savoir le temps*; напротив четвертого столбиком – *sens, général, movement*.

В седьмой прогулке Руссо рассуждает о своих занятиях ботаникой, об открывшемся в нем интересе к внешнему миру. В духе своей любимой идеи противопоставления природы цивилизации он пишет о минералах, спрятанных в недрах земли и потому не искушающих жадность человека, и о том, как будучи обнаруженными людьми, природные ископаемые приносят в общество подневольный труд, превращая людей в циклопов,

перестающих замечать красоту природы. Даже в научных подходах к природе автор склонен видеть более удовлетворение человеческих амбиций, чем стремление к настоящим открытиям. Яркие цветы, пестрота лугов, свежая тень и ручьи предназначены для другого — для одухотворения человека, для оживления «мертвой души». В связи с этим Руссо воспекает ботанику как занятие, которое может сделать человека счастливым, освободив его от страстей и погрузив в чистое созерцание природы. В этом фрагменте Тюменцевым сделано множество помет:

Fuyant les hommes, cherchant la solitude, n'imaginant plus, pensant encore moins, et cependant doué d'un tempérament vif qui m'éloigne de l'apathie languissante et mélancolique, je commençai de m'occuper, de tout ce qui m'entourait, et par un instinct fort naturel je donnai la préférence aux objets les plus agréables. Le règne minéral n'a rien en soi d'aimable et d'attrayant ; ses richesses enfermées dans le sein de la terre semblent avoir été éloignées des regards des hommes pour ne pas tenter leur cupidité. Elles sont là comme en réserve pour servir un jour de supplément aux véritables richesses qui sont plus à sa portée et dont il perd le goût à mesure qu'il se corrompt. Alors il faut qu'il appelle l'industrie, la peine et le travail au secours de ses miseres ; il fouille les entrailles de la terre, il va chercher dans son centre aux risques de sa vie et aux dépens de sa santé des biens imaginaires à la place des biens réels qu'elle lui offroit d'elle-même quand il savoit en jouir. Il fuit le soleil et le jour qu'il n'est plus digne de voir ; il s'enterre tout vivant et fait bien, ne méritant plus de vivre à la lumière du jour. Là, des carrières des gouffres, des forges, des fourneaux, un appareil d'enclumes, de marteaux de fumée et de feu succèdent aux douces images des travaux champêtres. Les visages hâves des malheureux qui languissent dans les infectes vapeurs des mines, de noirs forgerons, de hideux cyclopes sont le spectacle que l'appareil des mines substitue au sein de la terre, à celui de la verdure et des fleurs, du ciel azuré, des bergers amoureux et des laboureurs robustes sur sa surface.

Il est aisé, je l'avoue, d'aller ramassant du sable et des pierres, d'en remplir ses poches et son cabinet et de se donner avec cela les airs d'un naturaliste : mais ceux qui s'attachent et se bornent à ces sortes de collections sont pour l'ordinaire de riches ignorans qui ne cherchent à cela que le plaisir de l'étalage. Pour profiter dans l'étude des minéraux, il faut être chimiste et physicien ; il faut faire des expériences pénibles et coûteuses,

travailler dans des laboratoires, dépenser beaucoup d'argent et de tems parmi le charbon, les creusets, les fourneaux, les cornues, dans la fumée et les vapeurs étouffantes, toujours au risque de sa vie et souvent aux dépens de sa santé. De tout ce triste et fatigant travail résulte pour l'ordinaire beaucoup moins de savoir que d'orgueil, et où est le plus médiocre chimiste qui ne croye pas avoir pénétré toutes les grandes opérations de la nature pour avoir trouvé, par hasard peut-être, quelques petites combinaisons de l'art ?

Le regne animal est plus à notre portée et certainement mérite encore mieux d'être étudié. <...> Comment observer, disséquer, étudier, connoître les oiseaux dans les airs, les poissons dans les eaux les quadrupèdes plus légers que le vent, plus forts que l'homme et qui ne sont pas plus disposés à venir s'offrir à mes recherches que moi de courir après eux pour les y soumettre de force ? J'aurois donc pour ressource des escargots, des vers, des mouches, et je passerois ma vie à me mettre hors d'haleine pour courir après des papillons, à empaler de pauvres insectes, à disséquer des souris quand j'en pourrois prendre ou les charognes des bêtes que par hasard je trouverois mortes. L'étude des animaux n'est rien sans l'anatomie, c'est par elle qu'on apprend à les classer, à distinguer les genres, les espèces. Pour les étudier par leurs mœurs, par leurs caractères, il faudroit avoir des volières, des viviers, des ménageries il faudroit les contraindre en quelque maniere que ce pût être à rester rassemblés autour de moi. <...> Quel appareil affreux qu'un amphithéâtre anatomique, des cadavres puans, de baveuses et livides chairs, du sang des intestins dégoûtans, des squelettes affreux, des vapeurs pestilentiellles ! Ce n'est pas là, sur ma parole, que Jean-Jacques ira chercher ses amusemens.

Brillantes fleurs, émail des prés, ombrages froids, ruisseaux, bosquets, verdure venez purifier mon imagination salie par tous ces hideux objets. Mon ame morte à tous les grands mouvemens ne peut plus s'affecter que par des objets sensibles ; je n'ai plus que des sensations, et ce n'est plus que par elles que la peine ou le plaisir peuvent m'atteindre ici-bas. Attiré par les riens objets qui m'entourent, je les considère, je les contemple, je les compare, j'apprends enfin à les classer et me voilà tout d'un coup aussi botaniste qu'a besoin de l'être celui qui ne veut étudier la nature que pour trouver sans cesse de nouvelles raisons de l'aimer.

<...> Mais je cherche à me donner des amusemens doux et simples que je puisse ajouter sans peine et qui me distroient de mes malheurs. Je n'ai ni dépense à faire ni peine à prendre pour errer nonchalamment d'herbe en herbe, de plante en plante, pour les examiner, pour comparer

leurs divers caractères, pour marquer leurs rapports et leurs différences, enfin pour observer l'organisation végétale de manière à suivre la marche et le jeu des machines vivantes, à chercher quelquefois avec succès leurs lois générales, la raison et la fin de leurs structures diverses, et à me livrer au charme de l'admiration reconnaissante pour la main qui me fait jouir de tout cela.

<...> Les plantes y sont naturellement. Elles naissent sous nos pieds et dans nos mains pour ainsi dire, et si la petitesse de leurs parties essentielles les dérobe quelquefois à la simple vue, les instrumens qui les y rendent sont d'un beaucoup plus facile usage que ceux de l'astronomie. La botanique est l'étude d'un oisif et paresseux solitaire : une pointe et une loupe sont tout l'appareil dont il a besoin pour les observer. Il se promène, il erre librement d'un objet à l'autre, il fait la revue de chaque fleur avec intérêt et curiosité, et sitôt qu'il commence à saisir les lois de leur structure il goûte à les observer un plaisir sans peine aussi vif que s'il lui en coûtoit beaucoup. Il y a dans cette oiseuse occupation un charme qu'on ne sent que dans le plein calme des passions mais qui suffit seul alors pour rendre la vie heureuse et douce ; mais sitôt qu'on y mêle un motif d'intérêt ou de vanité, soit pour remplir des places ou pour faire des livres, sitôt qu'on ne veut apprendre que pour instruire, qu'on n'herborise que pour devenir auteur ou professeur, tout ce doux charme s'évanouit, on ne voit plus dans les plantes que des instrumens de nos passions, <...>. De-là les haines, les jalousies, que la concurrence de célébrité excite chez les botanistes auteurs autant et plus que chez les autres savans. <...>

<...> Il me semble que sous les ombrages d'une forêt je suis oublié, libre et paisible comme si je n'avois plus d'ennemis ou que le feuillage des bois dût me garantir de leurs atteintes comme il les éloigne de mon souvenir, et je m'imagine dans ma bêtise qu'en ne pensant point à eux ils ne penseront point à moi. Je trouve une si grande douceur dans cette illusion que je m'y livrerois tout entier si ma situation, ma faiblesse et mes besoins me le permettaient. Plus la solitude où je vis alors est profonde, plus il faut que quelque objet en remplisse le vide, et ceux que mon imagination me refuse ou que ma mémoire repousse sont suppléés par les productions spontanées que la terre, non forcée par les hommes, offre à mes yeux de toutes parts. Le plaisir d'aller dans un désert chercher de nouvelles plantes couvre celui d'échapper à mes persécuteurs et, parvenu dans des lieux où je ne vois nulles traces d'hommes, je respire plus à mon aise comme dans un asile où leur haine ne me poursuit plus.

И в следующих далее описаниях ботанических экскурсий к горе Робела, по берегу Изера и др., во время которых автором было сделано множество настоящих открытий (речь идет об увиденных растениях, животных, услышанных звуках, смутных и противоречивых чувствах и ощущениях и т.п.), также находим большое количество подчеркиваний:

Je me rappellerai toute ma vie une herborisation que je fis un jour du côté de la Robailan, montagne du justicier Clerc. J'étois seul, je m'enfonçai dans les anfractuosités de la montagne, & de bois en bois, de roche en roche, je parvins à un réduit si caché que je n'ai vu de ma vie un aspect plus sauvage. De noirs sapins entremêlés de hêtres prodigieux dont plusieurs tombés de vieillesse & entrelacés les uns dans les autres fermoient ce réduit de barrières impénétrables, quelques intervalles que laissoit cette sombre enceinte n'offroient au-delà que des roches coupées à pic & d'horribles précipices que je n'osais regarder qu'en me couchant sur le ventre. Le duc la chevéche & l'orfraie faisoient entendre leurs cris dans les fentes de la montagne, quelques petits oiseaux rares mais familiers tempéroient cependant l'horreur de cette solitude. Là je trouvai la Dentaire héptaphyllos, le Cyclamen, le Nidus avis, le grand Laserpitium & quelques autres plantes qui me charmerent & m'amuserent long-tems. Mais insensiblement dominé par la forte impression des objets, j'oubliai la botanique & les plantes, je m'assis sur des oreillers de Lycopodium & de mousses, & je me mis à rêver plus à mon aise en pensant que j'étois là dans un refuge ignoré de tout l'univers où les persécuteurs ne me déterreroient pas. Un mouvement d'orgueil se mêla bientôt à cette rêverie. Je me comparois à ces grands voyageurs qui découvrent une île déserte, & je me disais avec complaisance : Sans doute je suis le premier mortel qui oit pénétré jusqu'ici ; je me regardais presque comme un autre Colomb. Tandis que je me pavanois dans cette idée, j'entendis peu loin de moi un certain cliquetis que je crus reconnoître ; j'écoute : le même bruit se répète & se multiplie. Surpris & curieux je me leve, je perce à travers un fourré de broussailles du côté d'où venoit le bruit, & dans une combe à vingt pas du lieu même où je croyois être parvenu le premier j'aperçois une manufacture de bas.

Je ne saurois exprimer l'agitation confuse & contradictoire que je sentis dans mon cœur à cette découverte. Mon premier mouvement fut un sentiment de joie de me retrouver parmi des humains où je m'étois cru totalement seul. Mais ce mouvement plus rapide que l'éclair, fit bientôt place à un sentiment douloureux plus durable, comme ne pouvant

dans les antres mêmes des Alpes échapper aux cruelles mains des hommes, acharnés à me tourmenter. Car j'étois bien sûr qu'il n'y avoit peut-être pas deux hommes dans cette fabrique qui se fussent initiés dans le complot dont le prédicant Montmollin s'étoit fait le chef, & qui tiroit de plus loin ses premiers mobiles. Je me hâtai d'écarter cette triste idée & je finis par rire en moi-même & de ma vanité puérile & de la maniere comique dont j'en avois été puni.

Mais en effet qui jamais eût dû s'attendre à trouver une manufacture dans un précipice ! Il n'y que la Suisse au monde qui présente ce mélange de la nature sauvage & de l'industrie humaine. La Suisse entiere n'est pour ainsi dire qu'une grande ville dont les rues, larges & longues plus que celle de Saint-Antoine, sont semées de forêts, coupées de montagnes, & dont les maisons éparses & isolées ne communiquent entre elles que par des jardins anglais. Je me rappelai à ce sujet une autre herborisation que du Peyrou, d'Escherny, le colonel Pury, le justicier Clerc & moi avions faite il y avoit quelque tems sur la montagne de Chasseron, du sommet de laquelle on découvre sept lacs. On nous dit qu'il n'y avoit qu'une seule maison sur cette montagne, & nous n'eussions sûrement pas deviné la profession de celui qui l'habitoit si l'on n'eût ajouté que c'étoit un libraire, & qui même faisoit fort bien ses affaires dans le pays. Il me semble qu'un seul fait de cette espèce fait mieux connoître la Suisse que toutes les descriptions des voyageurs.

En voici un autre de même nature ou à peu près qui ne fait pas moins connoître un peuple fort différent. Durant mon séjour à Grenoble je faisais souvent de petites herborisations hors de la ville avec le sieur Bovier avocat de ce pays-là, non pas qu'il aimât ni sût la botanique, mais parce que s'étant fait mon garde de la manche, il se faisoit, autant que la chose étoit possible, une loi de ne pas me quitter d'un pas. <...> Je vis sur ces arbrisseaux des fruits mûrs j'eus la curiosité d'en goûter et, leur trouvant une petite acidité très-agréable, je me mis à manger de ces grains pour me rafraîchir ; le sieur Bovier se tenoit à côté de moi sans m'imiter & sans rien dire. Un de ses amis survint, qui me voyant picorer ces grains me dit : eh ! monsieur, que faites-vous là ? Ignorez-vous que ce fruit empoisonne ? <...>

Je regardai le sieur Bovier & je lui dis : "Pourquoi donc ne m'avertissiez-vous pas ? – Ah ! monsieur me répondit-il d'un ton respectueux, je n'osais pas prendre cette liberté". Je me mis à rire de cette humilité dauphinoise, en discontinuant néanmoins ma petite collation. J'étois persuadé, comme je le suis encore, que toute production naturelle agréable au goût ne peut être nuisible au corps ou ne l'est du moins que

par son excès. Cependant j'avoue que je m'écoutai un peu tout le reste de la journée : mais j'en fus quitte pour un peu d'inquiétude, je soupai très-bien, dormis mieux, & me levai le matin en parfaite santé, après avoir avalé la veille quinze ou vingt grains de ce terrible Hippophage, qui empoisonne à très-petite dose, à ce que tout le monde me dit à Grenoble le lendemain. Cette aventure me parut si plaisante que je ne me la rappelle jamais sans rire de la singulière discretion de M. l'avocat Bovier. Toutes mes courses de botanique, les diverses impressions du local, des objets qui m'ont frappé, les idées qu'il m'a fait naître, les incidents qui s'y sont mêlés, tout cela m'a laissé des impressions qui se renouvellent par l'aspect des plantes herborisées dans ces mêmes lieux. <...> je ne peux plus courir ces heureuses contrées je n'ai qu'à ouvrir mon herbier & bientôt il m'y transporte. <...> Cet herbier est pour moi un journal d'herborisations qui me les fait recommencer avec un nouveau charme & produit l'effet d'un optique qui les peindroit derechef à mes yeux.

C'est la chaîne des idées accessoires qui m'attache à la botanique. Elle rassemble & rappelle à mon imagination toutes les idées qui la flattent davantage.

Напротив этих фрагментов на полях тоже сделан ряд записей: dans les mélancolique, i.<дée> progrès, i.<дée> figuré, pour l'habitude, ce qu'on voit être affecté, philosophie, i.<дée> technique, i.<дée> primitive, i.<дée> modern, analogie, i.<дée> forte, au moment même, s'est l'image и др.

Зарубежная литература XIX в. представлена в библиотеке Тюменцева несколькими изданиями, отражающими саму логику развития европейской словесности от 1810-х к 1880-м гг. Во-первых, это роман великого романтика В. Скотта «Эдинбургская темница, или Сердце средняго лотиана», написанный в 1818 г. и входящий в группу шотландских романов, рассказывающих об истории слияния Англии и Шотландии в объединенное королевство. Книга издана в Санкт-Петербурге в 1876 г. (типография В.П. Воленса). Этот перевод романа вышел спустя несколько десятилетий после первого перевода, выполненного А.П. Зонтаг (1825 г.). Кроме 58 политипажей в тексте романа, она содержит гравюры двух картин.

Во-вторых, это роман одного из самых популярных в мире французских прозаиков периода позднего романтизма – А. Дюма-отца – «Полина». Тюменцеву принадлежало прижизненное переводное издание этого сочинения, один из самых первых переводов Дю-

ма на русский язык, выполненный Е. Байбузенковым. Книга отпечатана в Санкт-петербургской типографии А. Сычева в 1839 г.

Кроме того, Тюменцев владел парижским изданием 1855 г. поэмы Г. Гейне «Германия» на французском языке: «De L'Allemagne par Henri Heine. Nouvelle édition. Entièrement revue et considérablement augmentée» (Tome premier – deuxième. Paris. Michel Lévy Frères, Éditeurs). Это было последнее прижизненное издание поэмы поэта, который умер в феврале 1856 г. в Париже. Открывается эта книга предисловием, перепечатанным из первого издания произведения, вышедшего в свет в 1835 г.

Отметим еще несколько изданий зарубежной литературы XIX в. на иностранных языках из библиотеки Тюменцева. Среди них 31-е издание сборника новелл Ги де Мопассана «Господин Паран» на французском языке (Monsieur Parent, первое издание – 1886 г.), оно вышло в Париже в 1899 г. в издательстве П. Оллендорфа (Librairie Paul Ollendorff). В сборник, кроме одноименной с его заглавием новеллы, вошли такие произведения французского писателя, как «A Vendre», «L'inconnue», «La confidence», «L'Épingle», «Solitude» и др. Тюменцев был владельцем и немецкого издания комедии, описывающей еврейскую среду столицы Германии, «Der junge Goldner» немецкого драматурга рубежа XIX–XX вв., последователя Г. Гауптмана – Г. Гиршфельда. Книга вышла в Берлине в 1901 г. в издательстве С. Фишера (S. Fischer Verlag)¹.

Завершает подборку издание «новой драмы» 1882 г. «Враг народа (Доктор Штокман)» Г. Ибсена – на русском языке. Книга вышла в

¹ Одним из ранних изданий XIX в. на иностранном языке, принадлежавших Тюменцеву, является знаменитый сборник сербских песен сербского филолога, собирателя сербского фольклора, доктора философии, члена Санкт-Петербургского Вольного общества любителей русской словесности и Краковского ученого общества Вука Стефановича Караджича – «Народне српске пјесме, скупио и и на свијет издао Вук Стеф. Караџић» (книга отпечатана в двух томах в 1824 г., в лейпцигской типографии Брейткопфа и Эртла – «У Липисци, у штампарији Брейткопфа и Ертла»), с которым, как известно, работал как переводчик А.С. Пушкин. Книга содержит ряд читательских помет Тюменцева: в первой части знаками +, x, x–, а также подчеркиваниями отмечены заглавия нескольких песен: из первого раздела «Пјесме сватовске» помечена первая песня, из второго раздела «Пјесме краљичие» – 1, 9, 51, 56, 58, 60, 61, 75-я и др., во второй части карандашом отчеркнуты стихи 52–57 из первой песни «Свеци благо дијеле».

московском издательстве «Труд» С.А. Скимунта и В.А. Крандиевского в 1901 г. Отпечатана она была в типолитографии Товарищества И.Н. Кушнерев и К°. Одну из острейших в социальном отношении пьес Ибсена с центральным образом доктора Стокмана, добивающегося закрытия лечебных источников в родном городе, поскольку в них обнаружено загрязнение, с норвежского на русский язык перевела писательница, критик, историк, педагог, переводчица З.С. Иванова (литературный псевдоним Н. Мирович). Ее перу, кроме переводов, принадлежит ряд статей, в том числе и биографический очерк об Ибсене.

Более широко в библиотеке Тюменцева представлена русская классика, о которой речь пойдет во второй части нашей статьи.

Литература

1. Колосова Г.И. Тюменцев Гавриил Константинович // Энциклопедия Томской области. Т. 2: Н–Я. Томск, 2009. С. 851.
2. Колосова Г.И. Библиотека Г.К. Тюменцева как книжный памятник в истории сибирской культуры // Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири. Томск, 2002. С. 182–184.
3. Колосова Г.И. Библиотека Г.К. Тюменцева как основа для изучения личностного и духовного становления сибирского интеллигента 2-й половины XIX – начала XX века // Библиотечное партнерство для информационного развития: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2005. С. 171–181.
4. Колосова Г.И. Специфика состава книжного собрания Г.К. Тюменцева как отражение духовных запросов сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в. // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 179–186.
5. Карташова Т.П. Некоторые аспекты изучения регионального книжного дела: (На примере библиотеки Г.К. Тюменцева) // Библиотечное партнерство для информационного развития: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2005. С. 181–186.
6. Айзикова И.А. Репертуар книжной продукции томских издательств конца XIX – начала XX в. (на материале библиотеки Г.К. Тюменцева) // Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014. С. 85–103.
7. Колосова Г.И. Литографированные работы П.М. Кошарова в книжном собрании Г.К. Тюменцева // Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 22–23 мая 2003 г., Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 96–98.
8. Колосова Г.И. «Энциклопедия сибиреведения» – книжное собрание Г.К. Тюменцева в фондах Научной библиотеки Томского университета // Вторые Макушинские чтения, 23–24 мая 1991 г., г. Томск: тез. докл. регион. науч. конф. Томск, 1991. С. 116–118.

9. *Карташова Т.П.* Томские издания в «Сборниках статей о Сибири» Г.К. Тюменцева // Сибирский текст в русской культуре: К 400-летию Томска и 125-летию первого университета Сибири. Томск, 2002. С. 185–186.

10. *Карташова Т.П.* Красноярская книга в библиотеке Г.К. Тюменцева // V Юдинские чтения, Красноярск, 9–12 окт. 2007 г.: материалы науч.-практ. конф. / сост. И.А. Шереметова; отв. ред. Т.И. Матвеева. Красноярск, 2008. С. 66–69.

11. *Карташова Т.П.* Издания П.И. Макушина в библиотеке томского краеведа Г.К. Тюменцева // Макушинские чтения: Тез. докл. науч. конф., 22–23 мая 2003 г., Новосибирск. Новосибирск, 2003. С. 99–103.

12. *Айзикова И.А.* Место учебных изданий в репертуаре книжной продукции томских издательств конца XIX в. (на материале библиотеки Г.К. Тюменцева) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013, № 4. С. 42–54.

13. *Берков П.Н.* Русские книголюбцы. М.; Л., 1967. С. 137–139.

14. *Карташова Т.П.* Библиотека Г.К. Тюменцева // Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск, 2014.

15. *Берков П.Н.* О людях и книгах. М., 1965. С. 8.

16. *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции: Письмо в редакцию // Новый мир. 1993, № 2. С. 4.

17. *Белинский В.Г.* «Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем // Собр. соч.: в 9 т. Т. 2: Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 – январь 1840. М., 1977.

18. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1981. С. 68.

19. Современник.

20. *Ипатов С.А.* «Как по крылам зашумят, тенетами рошу обступят...» // А.А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина. М.; СПб., 2013. Вып. 2. С. 111.

21. *Добролюбов Н.А.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1: Статьи, рецензии, юношеские работы. Апрель 1853 – июль 1857. М.; Л., 1961.

22. *Шершеневич И.Г.* Предисловие // Энеида Virгилия. Варшава, 1868. С. 7–9.

23. *Вергилий.* Энеида / пер. Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. М.; Л., 1933. С. 39–45.

24. Сын отечества.

25. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 464.

26. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959.

27. *Москвитянин.* 1843. Ч. 2, № 3. С. 189.

28. *Асоян А.А.* Данте в русской культуре. [Электронный ресурс]. URL: <http://unotices.com/book.php?id=173700&page=1> (дата обращения: 06.03.2016).

29. *Левин Ю.Д.* История русской переводной художественной литературы. СПб., 1996. Т. 2. С. 191.

30. *Третьякова Е.А.* Перевод в диахронии (на материале разновременных переводов поэмы Дж. Мильтона “Paradise lost”) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2012. № 149. Филология. С. 89.

31. *Добролюбов Н.А.* «Потерянный рай». Поэма Иоанна Мильтона / пер. Елизаветы Жадовской // Собр. соч.: в 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 695.

32. *Левин Ю.Д.* Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985. [Электронный ресурс]. URL: http://knigolubu.ru/russian_classic/gerbel_nv/shiller_v_perevode_russkih_pisateley.4002/ (дата обращения: 06.03.2016).

33. Михайлов М.Л. Сочинения: в 3 т. Т. 3: Критика и библиография. <Записки>. М., 1958.
34. Русская старина. 1860. № 2.
35. Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей, изданных под редакцией Н.В. Гербеля. Т. 7. СПб., 1864.
36. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 9.
37. Натан Мудрый драматическое стихотворение Готгольда Лессинга / пер. с нем. В. Крылова с историческим очерком и примечаниями к тексту перевода. СПб., 1875.

FICTION IN THE BOOK COLLECTION OF G.K. TYUMENTSEV (ARTICLE I)

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 86–116. DOI 10.17223/23062061/10/6

Ayzikova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Siberian bibliophile; private library; G.K. tyumentsev; fiction.

The article considers the section of fiction in the private library of G.K. Tyumentsev, a bibliophile from Tomsk. Its analysis showed that Tyumentsev's library was certainly not a random collection of belles-lettres books. It is well-judged, with a good choice of books and authors. It has its own logic of compiling which primarily shows the love of the owner to publications of fiction as cultural phenomena of a certain epoch, to thoughts and feelings that the content and form of works, and books containing these works, arouse. Most likely, Tyumentsev purchased editions that he considered valuable, playing an important artistic and literary role in the development of Western and Russian literature and in his own self-education and self-development, rather than rare, for his library. It seems he collected books that he, as their owner, found interesting, pleasing and good. Meanwhile, reflecting the dialectic of the personal interests of the bibliophile and his understanding of the social significance of his bibliophile activity, Tyumentsev's collection has unique artistic and literary editions of the 19th century which today can be considered both rare and valuable; and a unique set of literary works that show Tyumentsev's (and in his face, for all the subjectivity of personal preferences, Siberia and Tomsk intelligentsia's) ideas about the history of world literature, its functions, development paths, tops and brightest phenomena.

Article I describes publications of foreign writers, from ancient ones to the owner's contemporaries (in Russian and foreign languages). In addition to the history of literature, they represent the history of Russian literary translation and reception of literature in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. In general, editions of fiction collected by Tyumentsev open interesting and representative pages of national and European book culture of the 19th and 20th centuries in Russian, Siberian in particular, reading culture of the period.

References

1. Kolosova, G.I. (2009) Tyumentsev Gavrili Konstantinovich [G.K. Tyumentsev]. In: Mayer, G.V. et al. (eds) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [The Encyclopedia of Tomsk region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. S. 851.

2. Kolosova, G.I. (2002) Biblioteka G.K. Tyumentseva kak knizhnyy pamyatnik v istorii sibirskoy kul'tury [G.K. Tyumentsev's Library as a book monument in the history of the Siberian culture]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture: sb. st. K 400-letiyu Tomsk i 125-letiyu pervogo universiteta Sibiri* [The Siberian text in Russian culture]. Tomsk: Sibirika. pp. 182-184.

3. Kolosova, G.I. (2005) [G.K. Tyumentsev's library as a basis for the study of personal and spiritual formation of the Siberian intelligentsia in the late 19th – early 20th centuries]. *Bibliotchnoe partnerstvo dlya informatsionnogo razvitiya* [Library Partnership for Information Development]. Proc. of the 6th International Research and Practical Conference. Tomsk. pp. 171-181. (In Russian).

4. Kolosova, G.I. (2004) Spetsifika sostava knizhnogo sobraniya G.K. Tyumentseva kak otrazhenie dukhovnykh zaprosov sibirskogo intelligenta vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. [Specificity of the G.K. Tyumentsev's book collection as a reflection of the spiritual needs of the Siberian intelligentsia in the late 19th – early 20th centuries]. In: Voskresenskaya, M.A. (ed.) *Faktory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo oblika naseleniya Zapadnoy Sibiri s drevnosti do sovremennosti* [Factors of formation of the spiritual world and the social image of the population in Western Siberia since ancient times to the present]. Tomsk: NTL. pp. 179-186.

5. Kartashova, T.P. (2005) [Some aspects of the study of the regional book business (a case study of G.K. Tyumentsev's library)]. *Bibliotchnoe partnerstvo dlya informatsionnogo razvitiya* [Library Partnership for Information Development]. Proc. of the 6th International Research and Practical Conference. Tomsk. pp. 181-186. (In Russian).

6. Aizikova, I.A. (2014) Repertuar knizhnoy produktzii tomskikh izdatel'stv kontsa XIX – nachala XX vv. (na materiale biblioteki G.K. Tyumentseva) [The repertoire of books publishers in Tomsk in the late 19th – early 20th centuries. (A case study of G.K. Tyumentsev's library)]. In: Esipova, B.A. & Vorobyeva, T.L. (eds) *Knizhnaya kul'tura Tomsk (XIX – nachalo XX v.)* [The book culture in Tomsk (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 85-103.

7. Kolosova, G.I. (2003) [Lithographic works by P.M. Kosharov in G.K. Tyumentsev's book collection]. *Makushinskie chteniya* [The Makishin Readings]. Proc. of the Research Conference. Novosibirsk. 22–23 May 2003. Novosibirsk. pp. 96-98. (In Russian).

8. Kolosova, G.I. (1991) [The Encyclopedia of Siberian Studies – G.K. Tyumentsev's book collection in the funds of the Tomsk University Library]. *Vtorye Makushinskie chteniya* [The Second Makushin Readings]. Proc. of the Research Conference. 23–24 May 1991. Tomsk. pp. 116-118.

9. Kartashova, T.P. (2002) Tomskie izdaniya v "Sbornikakh statey o Sibiri" G.K. Tyumentseva [Tomsk editions in the "Collection of articles about Siberia" by G.K. Tyumentsev]. In: Kazarkin, A.P. (ed.) *Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture: sb. st. K 400-letiyu Tomsk i 125-letiyu pervogo universiteta Sibiri* [The Siberian text in Russian culture]. Tomsk: Sibirika. pp. 185-186.

10. Kartashova, T.P. (2008) [Krasnoyarsk books in G.K. Tyumentsev's library]. *V Yudinskie chteniya* [The Fifth Yudin Readings]. Proc. of the Research Conference. Krasnoyarsk. 9–12 October 2007. Krasnoyarsk. pp. 66-69. (In Russian).

11. Kartashova, T.P. (2003) Izdaniya P.I. Makushina v biblioteke tomskogo kraevedy G.K. Tyumentseva [P.I. Makushin's editions in G.K. Tyumentsev's library]. *Makushinskie chteniya* [The Makishin Readings]. Proc. of the Research Conference. Novosibirsk. 22–23 May 2003. Novosibirsk. pp. 99-103. (In Russian).

12. Aizikova, I.A. (2013) Place of textbooks in the stock of book production by Tomsk publishing houses in late 19th century (by example of the collection of G.K. Tyumentsev). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 4. pp. 42-54. (In Russian).
13. Berkov, P.N. (1967) *Russkie knigolyuby* [Russian bibliophiles]. Moscow; Leninrad: Sov. pisatel'. pp. 137-139.
14. Kartashova, T.P. (2014) Biblioteka G.K. Tyumentseva [G.K. Tyumentsev' library]. In: Esipova, B.A. & Vorobyeva, T.L. (eds) *Knizhnaya kul'tura Tomska (XIX – nachalo XX v.)* [The book culture in Tomsk (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Berkov, P.N. (1965) *O lyudyakh i knigakh* [Of people and books]. Moscow: Kniga.
16. Likhachev, D.S. (1993) O russkoy intelligentsii. Pis'mo v redaktsiyu [On the Russian intelligentsia. A Letter to the Editor]. *Novyy mir.* 2. p. 4.
17. Belinskiy, V.G. (1977) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow.
18. Pushkin, A.S. (1981) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow. p. 68.
19. *Sovremennik.*
20. Generalova, N.P. & Lukina, V.A. (eds) *A.A. Fet: Materialy i issledovaniya* [A.A. Fet: Materials and Research]. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arkheo. p. 111.
21. Dobrolyubov, N.A. (1961) *Sobranie sochineniy v 9-ti t.* [Collected Works in 9 vols]. Vol. 1. Moscow; Leningrad.
22. Shershenevich, I.G. (1868) Predislovie [Preface]. In: Virgil. *Eneida* [Aeneid]. Warsaw: [s.n.]. pp. 7-9.
23. Virgil. (1933) *Eneida* [Aeneid]. Translated by V. Bryusov & S. Solovyev. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 39-45.
24. *Syn otechestva.*
25. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1971) *Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura* [Dante and world culture]. Moscow: Nauka.
26. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobraniye sochineniy* [Complete Collection of Works]. In 13 vols. Moscow.
27. *Moskvityanin.* (1843) 3. pp. 189.
28. Asoyan, A.A. (2015) *Dante v russkoy kul'ture* [Dante in Russian culture]. [Online] Available from: <http://unotices.com/book.php?id=173700&page=1>. (Accessed: 6th March 2016).
29. Levin, Yu.D. (1996) *Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury* [The history of Russian translated fiction]. Vol. 2. St. Petersburg: The Pushkin House.
30. Tretyakova, E.A. (2012) *Perevod v diakhronii (na materiale raznovremennykh perevodov poemy Dzh. Mil'tona "Paradise lost")* [The diachronic translation (a case study of multi-translation of J. Milton's "Paradise lost")]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science.* 149. p. 89.
31. Dobrolyubov, N.A. (1987) *Sobranie sochineniy: V 3 tt.* [Collected Works. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow. p. 695.
32. Levin, Yu.D. (1985) *Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda* [Russian translators of the 19th century and the development of literary translation]. Leningrad: Nauka.

33. Mikhaylov, M.L. (1958) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
34. *Russkaya starina*. (1860) 2.
35. Schiller, F. (1864) *Sobranie sochineniy Shillera v perevodakh russkikh pisateley, izdannykh pod redaktsieyu N.V. Gerbelya* [Schiller's Collected Works in translations of Russian writers, published under the editorship of N. Gerbel]. Vol. 7. St. Petersburg.
36. Chernyshevskiy, N.G. (1948) *Poln. sobr. soch.: V 15 tt.* [Complete Collection of Works in 15 vols]. Vol. 4. Moscow. p. 9.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 002.2

DOI 10.17223/23062061/10/7

Э.М. Жиликова

А.П. ЕЛАГИНА – АВТОР СТАТЬИ О КНИГОПРОДАВЦЕ ИВАНЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ПОПОВЕ

Впервые публикуется черновой автограф статьи А.П. Елагиной, выдающейся представительницы русской просвещенной интеллигенции первой половины XIX в., посвященной описанию краткой биографии известного московского издателя и книгопродавца И.В. Попова. Публикация сопровождается комментариями.

Ключевые слова: А.П. Елагина, И.В. Попов, биография, издатель, книгопродавец.

В бумагах А.П. Елагиной сохранился черновой автограф «Краткая биография бывшего Московского Книгопродавца Содержателя Университетской Типографии Купца Ивана Васильевича Попова» [1], выполненный в 1839 г., в год смерти И.В. Попова.

Авдотья Петровна Елагина (1789–1877), мать двух выдающихся деятелей русской культуры – Ивана и Петра Киреевских, известная племянница В.А. Жуковского, подруга поэта и сестер Протасовых, хозяйка знаменитого московского салона, где собирались выдающиеся люди 1840-х гг., вошла в историю культурной жизни России как представитель русской просвещенной интеллигенции, характеризующейся широтой эрудиции, гуманностью, глубиной исторических и философских познаний, тонкостью художественного вкуса и чистотой нравственных принципов (см.: [2–5]). А.П. Елагина была связана со многими знаменитыми людьми своего времени, среди которых был и Иван Васильевич Попов.

Иван Васильевич Попов – известный московский издатель, книгопродавец, вышедший из купцов и ставший благодаря личному энтузиазму, страсти к образованию и исключительной энергии знаковой фигурой в истории русского книгопечатания и книгопродажи. Именно И.В. Попов способствовал тому, чтобы Н.М. Карамзин возглавил журнал «Вестник Европы», «вызвал стихотворным посланием молодого Поэта Жуковского в Москву, в Университет, чтобы учением подкрепить дар Поэтический» [1. Л. 2 об.].

Об оригинальности и разносторонности И.В. Попова пишет в своих воспоминаниях Кс. Полевой: «В 1823 г. он был уже человек пожилой, чтобы не сказать старый, потому что никто не знал настоящего возраста его; тщательнее всего он скрывал свои лета. В парике, краснолицый, всегда веселый, спокойный, подвижной, он ни в чем не отставал от молодых людей: но все показывало, что он, как говорится, бывал и на коне, и под конем, прошел сквозь огонь-воды. Воспоминания его восходили до времен Новикова и старинных литераторов, с которыми он бывал в сношениях. Трудно сказать, что такое был он сам. Званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питейных откупщиков, некогда студент университета и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых <...>» [6. С. 87].

Имя И.В. Попова возникает в переписке А.П. Елагиной с В.А. Жуковским в 1822 г. в связи с денежными отношениями по поводу освобождения крепостных. И.В. Попов приобрел на имя Жуковского несколько крепостных людей, а 1822 г. решил их продать и обратился к их формальному собственнику. Но Жуковский решил купить их сам и отпустить на волю. Об этом он сообщает А.П. Елагиной в июне 1822 г.: «<...> я не отвечал еще и Попову, думаю, что он на меня сердится; поделом, он даже мог вообразить, что я хочу удержать его людей за собою – что с одной стороны это и правда! я желаю купить их и дать им волю. Другим нечем мне поправить сделанной глупости! Прежде, может быть, я и согласился бы их продать, теперь же ни за что не соглашусь. Итак, милая, узнайте, какую цену он за них полагает. Заплатить же за них ему не могу иначе, как уступив часть из этих денег, которые вы мне должны – в таком случае вам должно будет дать ему вексель, вычтя из моей суммы то, что будет следовать. Прошу вас все это с ним сладить, только постарайтесь, чтобы он взял недорого, поторгуйтесь хорошенько и как скоро кончите, то пускай он моим именем даст этим людям отпускную, или, если нельзя этого сделать в Москве без меня, то пускай пришлет сюда образец той бумаги, которую мне надобно написать и подписать: я все здесь исполню. Прошу вас поспешить исполнением этой просьбы; дело лежит у меня на душе и я виню себя очень, что давно его не кончил» [7. С. 238–239]. В письме Жуковского, переданном А.П. Елагиной И.В. Попову, было сказано: «Очень сожалею, что не могу заплатить вам чистыми деньгами, но на нет слова нет!

Впрочем, вексель Авдотьи Петровны стоит чистых денег» [8. С. 36]. В последующих письмах (до 8 января 1823 г.) Жуковский и Елагина обсуждают тонкости этого вопроса до момента его полного разрешения: «Попову деньги 2400 отдала, и люди его *свободны*. – Говорят, что это с вашей стороны дурачество; дай Бог побольше таких дурачеств – ваши эсклавы будут еще месяца два носить свои цепи, но этого не пугайтесь: скажу вам на ухо, что я хотела бы быть на их месте. Копию купчей за *скрепою* присутствующих взять нельзя: вы не расписались в купчей и потому закон запрещает выдать копию: но вот что муж мой сделает: в конце января он будет в Белёве, там напишут отпускную, пришлют вам подписать, а так как в Белёве вашу руку знают, и люди ваши написаны там в подушном окладе, то отпускную засвидетельствуют, и им объявят полную свободу, без всякого затруднения» [7. С. 248].

Год рождения И.В. Попова неизвестен, но судя по воспоминаниям его дочери, Елизаветы Ивановны Поповой, его можно датировать 1770-ми гг. Дочь И.В. Попова «жила в детстве вместе с матерью в семье Юшковых, затем перешла в дом Авдотьи Петровны Елагиной (Юшковой)» [9. С. VII] и сохранила дружеские отношения с членами семьи до конца жизни.

Вот этот текст (в орфографии и пунктуации автографа)¹:

(Л. 1). Краткая биография бывшего Московского Книгопродавца
Содержателя Университетской Типографии Купца
Ивана Васильевича Попова

Сын и внук купцов Поповых, Иван Васильевич с детских лет пристрастился к учению. Отец заботился о его образовании, но разные несчастья довели его до крайности. Ив<ан> Васильевич имея 15 лет от роду стал просить отца отдать его в люди, для облегчения родителей.

Года за два перед тем Василий Никитич просил Графа Орлова² взять его сына, а Граф предложил мальчику ехать в Морею¹, бить

¹ Пунктуация исправлена в соответствии с современными правилами только в отдельных случаях резкого с ними несовпадения.

² По всей видимости, речь идет о графе Гр.Гр. Орлове (1734–1783), который во время первой турецкой войны оставил гражданскую службу и в 1770 г. поступил в эскадру капитана Спиридова Первой Архипелагской экспедиции рус-

Турок, но Граф Ф<едор> Гр<игорьевич>² оставил последнего у себя в доме, где прочел в первый раз все сочинения Ломоносова.

(Л. 1 об.). Затем он перешел в дом Князя Ник<олая> Ив<ановича> Трубецкого,³ где жил Ермил Иван<ович> Костров⁴, который учил его правилам поэзии.

В 1791 году Попов написал первую свою оду Императрице Екатерине. Ода была представлена двум Ценсорам Ректору Славяно-Греко-Российской Академии, Серафиму (в последствии Митрополиту) и Проф<ессору> Барсову⁵, одобрена ими, напечатана и раскуплена⁶.

15 лет Попов поступил к книгопродавцу Грезенкову⁷. Вместе с прикащиком его, Котельниковым, и с книжным товаром объехал многие города⁸.

ского флота. Отличился при взятии крепости Короны, в Чесменском морском сражении на корабле «Св. Евстафий», и при озере Гидре (здесь и далее примечания наши. – Э.Ж.).

¹ Морея – средневековое название полуострова Пелопонес, на крайней южной оконечности Балканского полуострова.

² Орлов Федор Григорьевич (1741–1796), граф, генерал-аншеф.

³ Трубецкой Николай Иванович, князь.

⁴ Костров Ермил Иванович (1755–1796), русский поэт.

⁵ Барсов Антон Алексеевич (1730–1791), профессор Московского университета (с 1855 г.), языковед, член Российской Академии (с 1783 г.).

⁶ «Ода на торжественный день коронавания Екатерины Второя...» (1791), написанная живым образным языком на 29-ю годовщину царствования Екатерины II» [10. С. 468].

⁷ Грезенков Иван Яковлевич, московский купец первой гильдии.

⁸ «В феврале 1797 Попов, торговавший книгами прежде по «городам и ярмаркам», известил публику, что открыл на Ильинке в Гостином дворе под № 1 новую книжную лавку и что его каталог российским книгам выйдет через две или три недели» (Моск. Вед. 1797. 21 февр. № 15). По-видимому, торговля шла успешно, так как в следующем году был напечатан «Реестр новым книгам, кои сверх многих продаются в Москве на Ильинке в Гостином дворе у купца Попова» (1798). Судя по книгопродавческим росписям, среди изданий, распространявшихся в эти годы Поповым, были «Детская библиотека, изданная на немецком языке г. Камне» (1796. Ч. 3, 4), «Избранный песенник, или Собрание лучших <...> песен» (1798. Ч. 1-4), а также «Печальному утеха, веселому забава, а праздному на безделье дело, или Новый настоящий русский песенник» (1798), «Творения г. Геснера, поэма Авелева смерть, в пяти песнях» (1799, пер.

В 1800 году основал в Москве книжную торговлю вместе с Любимом и Гарием¹, потом снял типографию Московского Университета. Убедил Н.М. Карамзина издавать журнал².

Стихи и прозаические статьи Попова и переводы с немецкого помещались в Вестн<ике> Европы и в Моск<овских> Вед<омостях>³.

(Л. 2). «Записка у кого из Гг. Проф<ессоров> М<осковского> У<ниверситета>. Московский купец И. П<опов> имел честь слушать в звании своекоштного студента», (которое получил по пред-

В.М. Протопопова), роман Ж. де Мемье «Граф де Сен-Меран, или Новые заблуждения сердца и ума» (1799–1800. Ч. 1–8; пер. П.И. Макарова) [10. С. 468].

¹ Ф.Ф. Люби, И.В. Попов и Е.М. Гарий были арендаторами Университетской типографии в 1801–1805 гг. 18 сентября 1801 г. типография Московского университета была передана в аренду фактору Ф.Ф. Люби и московским купцам И.В. Попову и Е.М. Гарию на четыре года при условии арендной платы 23000 рублей и на 1000 рублей русские и иностранные книги в год.

² Фактическая инициатива издания журнала «Вестник Европы» принадлежала арендаторам Московской университетской типографии и в первую очередь И.В. Попову, образованному купцу и книгопродавцу, который пригласил на пост редактора Н.М. Карамзина. Об этом пишет в своих воспоминаниях Ксенофонт Полевой: «Кстати скажу, что он был настоящим издателем “Вестника Европы” с самого основания этого, некогда знаменитого, журнала. Сделавшись хозяином университетской книжной лавки и типографии, он придумал очень умно: издавать журнал, где соединялась бы с литературой политика. С этой мыслью он обратился к Карамзину, который был тогда не в блестящем положении. С величайшею готовностью принял Карамзин предложение Попова быть редактором журнала за определенную плату (кажется, за 2000 р. в год!), обдумал и составил план издания с обычным своим искусством, и предприятие оказалось так удачно, что Карамзин сам не ожидал подобного успеха. По выходе первой книжки он сказал Попову, что, по справедливости, можно увеличить плату, установленную за редакцию. – «Совершенно согласен и прошу вас самих назначить прибавку», – отвечал Попов. Сколько, думаете вы, назначил Карамзин? Тысячу рублей!.. Разумеется, Попов согласился беспрекословно. Карамзин был редактором “Вестника Европы” два года (1802 и 1803 гг.). После него Попов приглашал быть редактором Макарова, последователя Карамзина, Панкратия Сумарокова и Каченовского, к которому “Вестник Европы” и перешел окончательно» [6. С. V–VI].

³ «В честь обручения вел. князя Александра Павловича и вел. княгини Елизаветы Алексеевны Попов сочинил оду «Розовый букет, или Песнь радостная...» (1793), в которой сравнивает Александра и Елизавету с молодыми оливами, с реками, соединяющими свой «тихий влажный ток»» [10. С. 468].

ложению Г. Попечителя М.Н. Муравьева¹), лекции обыкновенные и особенные с Ноября 1803 по 28 Июня 1807.

По отделению Этико-политическому

У Г. Шлёцера: О государств<енном> хозяйстве.²

У Рейнгарда: Историю Европ<уйских> Госуд<арств>³

У Цветаева: Ист<ория> Законодательства наиболее прославившихся народов⁴.

У Горюшкина: о Законоведении, о начале, происхождении и разделении Российских законов, и о том, как вести спорные и неспорные дела⁵.

У Рогова: О вексельном праве⁶

По Отделению Физико-Математ<ических>.

У Страхова: Умозрит<ельную> и Опытн<ую> Физику⁷

У Прокоп<овича> Ант<онского>: О Минер<алогии. и Сельс<ком> Хоз<яйстве>⁸

¹ Муравьев Михаил Никитич (1757–1807), известный поэт-сентименталист, воспитатель юного Александра I, товарищ министра народного просвещения и первый попечитель Московского учебного округа.

² Шлёцер Христиан Августович (1774–1831) – заслуженный профессор Московского университета; в 1801 г. стал первым преподавателем политической экономии в Московском университете. В должности ординарного профессора до 1826 г. читал лекции: народное право, право естественное, публичное право и дипломатика.

³ Рейнгардт Филипп Христиан (1764–1812), профессор практической философии, истории философии, естественного и народного права. Занимая с 1803 по 1812 г. кафедру «нравственной и практической философии» Московского университета, Рейнгардт читал курсы практической философии, этики и её истории, истории европейских государств, «Учѐную историю XVIII века», «Историю философии», «Историю российского университетского образования».

⁴ Цветаев Лев Александрович (1777–1835), юрист, профессор Московского университета.

⁵ Горюшкин Захарий Аникеевич (1748–1821), ординарный профессор, исследователь проблем правовой науки

⁶ Рогов Андрей Петрович (1742–1811), профессор Московского университета.

⁷ Страхов Петр Иванович (1757–1813), профессор физики Московского университета.

⁸ Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762–1848), российский публицист и педагог, ректор Московского университета. В 1791 г. стал бессменным руководителем Благородного университетского пансиона (сначала – инспектор, с февраля 1818 г. – директор). В 1819 г. стал ректором Московского

У Панкевича: О Статике¹

У Гофмана: О Ботанике»²

У Рейса: о Химии³

У Мерзлякова: о Поэзии⁴.

(Л. 2 об.) И.В. Попов вызвал стихотворным посланием молодого Поэта Жуковского в Москву, в Университет, чтобы учением подкрепить дар Поэтический.

Во время войны 1805, 1806 и 1807 г. Попов писал стихи большею частию патриотического содержания. Сюда же относится и его песня ратника: Ах не ласточка, не ясен сокол.

В 1809 он передал свою книжную торговлю, занимаясь для себя самого поэзией и садоводством.

Скольких молодых людей убедил он к поступлению в учебные заведения. Знание законов посвящал на пользу незнающим без<воз>мездно.

В 1813 г. в Октябре написал стихи по случаю годовщины освобождения Москвы¹.

университета. В этом же году с его участием было организовано Московское общество сельского хозяйства. За время его ректорства университетом были приобретены ценнейшие минералогические коллекции, Ботанический сад пополнен многими видами растений, 18 октября 1825 г. на Моховой улице была торжественно открыта университетская аптека. При непосредственном участии Прокоповича-Антонского издавались: «Утренняя заря» (1800–1808), «В удовольствии и пользу» (1810) и «Каллиопы» (с 1815 г.). Еще раньше он сотрудничал в «Покоящемся трудолюбце» (1784) и «Вечерней заре» (1785); в 1785–1789 г. вышли его учебные пособия для воспитанников Благородного пансиона – «Чтения для сердца и разума», в которых заметно стремление автора сблизить литературную речь с разговорной, упростить язык; с 1788 по 1790 г. он издал 10 томов «Магазина натуральной истории, физики и химии»; в 1798 г. – статью «О воспитании» (по Бэкону, Локку и Руссо), которая долго считалась образцовой и по содержанию, и по языку. Любопытна его речь (1811 г.) «О преимуществах и недостатках русского языка».

¹ Панкевич Михаил Иванович (1757–1812), русский математик, профессор Московского университета.

² Гофман Георг Франц (1760–1826), профессор Геттингенского университета, приглашенный в 1804 г. заведовать кафедрой ботаники и положивший начало организации гербария Московского университета.

³ Рейсс Фердинанд Федорович (1778–1852), доктор медицины и хирургии, заслуженный профессор химии Московского университета.

⁴ Мерзляков Алексей Федорович (1778–1830), русский поэт, литературный критик, переводчик, профессор Московского университета.

В 1816 На приезд Александра I в Москву

В Моск<овском> Телеграфе несколько прозаических статей.

В 1830. На прибытие Николая I в Москву.

В 1839 последовала кончина двигателя и соревнователя просвещения Попова».

Статья-некролог А.П. Елагиной проникнута симпатией к жизни этого «необычайного» человека, стремлением подчеркнуть образованность И.В. Попова, участие его в литературной и общественной жизни страны и высокой оценкой книгопродавца как «двигателя и соревнователя просвещения».

Литература

1. *Краткая* биография бывшего Московского Книгопродавца Содержателя Университетской Типографии Купца Ивана Васильевича Попова. *Автограф*. РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 274. 2 листа с оборотами. 8 четв. листа.

¹ «В окт. 1813 московские чиновники, собравшиеся праздновать освобождение Москвы, предложили Попову сочинить подобающее для этого случая стихотворение. 6 окт. Попов сочинил песнь в форме диалога певца и гражданина «Певец среди московских граждан» (Вестн. Европы, 1813. Ч. 72. № 21/22; отд. изд.: М., 1813, 1814), которую торжественно произнес в собрании чиновников 10 окт. Эпиграфом к песне Попов взял строку из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Отечественная война 1812 года отразилась также в басне Попова «Волк, который, шед в овчарню, ошибкою забрел на псарню» (М., 1814), написанной в подражание басне И.А. Крылова и с эпиграфом из стихотворения Г.Р. Державина «Видение мурзы»: «Я в шутках правду возвещу». Изображая волка, Попов имел в виду Наполеона. В примечаниях, обращенных к «малолетнему сыну», объяснены некоторые охотничьи термины. Победе над Наполеоном посвящена также «Ода на совершенное низложение врага России и вселенной» (М., 1814). В том же году Попов написал еще несколько од на случай. Подражая Псалму 47, он сочинил короткую оду с хорами «Песнь на торжественное вшествие всеавгустейшего государя императора Александра Первого в Париж» (М., 1814) с эпиграфом из оды М.В. Ломоносова «Императрице Екатерине Алексеевне на <...> восшествие ее на <...> престол» (1762): «О коль монарх благополучен, Кто знает россами владеть!». «Песнь на прибытии Е. И. В. из-за границы в Санкт-Петербург по заключении с Францией мира» (М., 1814) была написана Поповым «в некоторой по сему случаю собравшейся беседе июля 19 дня». В стихотворении «Алексею Федоровичу Мерзлякову на облегчение от постигшей его внезапно болезни» (М., 1814) (см.: [10. С. 468–469]).

2. Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX века. М., 1989. С. 139–141.
3. Бартечев П.И. Авдотья Петровна Елагина // Русский Архив. 1877. Кн. 2. С. 492–495.
4. Канторович Ирина. Салон Авдотьи Петровны Елагиной // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 165–209.
5. Сахарова Л.Г. Семейство Елагиных – Киреевских и их культурные связи (По письмам и воспоминаниям) // Забелинские научные чтения. 2001. М., 2002. Вып. 134. С. 171–185.
6. Полевой К.А. Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого. СПб., 1860. Ч. 1.
7. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной. 1813–1852. М., 2009.
8. Уткинский сборник. М., 1904.
9. Попова Е.И. Дневник. 1847–1852. СПб., 1911.
10. Кукушкина Е.Д. Иван Васильевич Попов // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2.

A.P. ELAGINA, THE AUTHOR OF AN ARTICLE ABOUT THE BOOKSELLER IVAN VASILIEVICH POPOV

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 117–126. DOI 10.17223/23062061/10/7

Zhilyakova Emma M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: emmaluk@yandex.ru

Keywords: A.P. Elagina; I.V. Popov; biography; publisher; bookseller.

The author of the article first publishes the autograph of an article by A.P. Elagina, an outstanding representative of Russian enlightened intellectuals of the first half of the 19th century. The article is a brief description of the biography of the famous Moscow publisher and bookseller I.V. Popov. The manuscript of *Kratkaya biografiya byvshego Moskovskogo Knigoprodavtsa Soderzhatelya Universitetskoy Tipografii Kuptsa Ivana Vasil'evicha Popova* [A brief biography of the former Moscow bookseller, Owner of the University Typography, Merchant Ivan Popov] stored in the Russian National Library in the fund of V.A. Zhukovsky is a draft autograph (two double-sided sheets), and dates back to 1839, the year of Popov's death.

A.P. Elagina was in contact with many famous people of his time. Among them was Ivan Popov, from a merchant family, who, owing to his personal enthusiasm, passion for education and exceptional energy, became a landmark figure in the history of Russian book-printing and bookselling. For instance, it was I. Popov who promoted Karamzin's heading the *Vestnik Evropy* [Herald of Europe] journal. Elagina's article is introduced in the context of her correspondence with V.A. Zhukovsky in connection with the financial relations with Popov connected with the liberation of serfs, and also in the context of Ksenofont Polevoy's memories of Popov who described the latter as an extremely versatile man: a merchant, a university student, a bookseller, a printer, a writer, a friend of many writers and scholars.

Elagina's article about Popov contains the scholarly commentaries of the publisher.

References

1. Russian National Library. (n.d.) *Kratkaya biografiya byvshego Moskovskogo Knigoprodavtsa Soderzhatelya Universitetskoy Tipografii Kuptsa Ivana Vasil'evicha Popova* [A brief biography of the former Moscow bookseller, Owner of the University Typography, Merchant Ivan Popov]. Fund 286. List 2. File 274.
2. Kavelin, K.D. (1989) Avdot'ya Petrovna Elagina [Avdotya Petrovna Elagina]. In: Kavelin, K., Pecherin, V. & Aksakov, K. *Russkoe obshchestvo 30-kh godov XIX veka* [Russian society of the 1830-s]. Moscow: Moscow State University. pp. 139-141.
3. Bartenev, P.I. (1877) Avdot'ya Petrovna Elagina [Avdotya Petrovna Elagina]. *Russkiy Arkhiv*. 2. pp. 492-495.
4. Kantorovich, I. (1998) Salon Avdot'i Petrovny Elaginoy [Salon of Avdotya Petrovna Elagina]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 30. pp. 165-209.
5. Sakharova, L.G. (2001) Semeystvo Elaginykh – Kireevskikh i ikh kul'turnye svyazi (Po pis'mam i vospominaniyam) [The Yelagins–Kireevskys and their cultural ties (based on letters and memoirs)]. *Zabelinskie nauchnye chteniya*. 134. pp. 171-185.
6. Polevoy, K.A. (1860) *Zapiski o zhizni i sochineniyakh N.A. Polevogo* [Notes on the life and works of N.A. Polevoy]. St. Petersburg.
7. Zhilyakova, E.M. (2009) *Perepiska V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy. 1813–1852* [Correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina. 1813–1852]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
8. Grusinskiy, A.E. (ed.) *Utkinskiy Sbornik* [The Utkin Collection]. Moscow.
9. Popova, E.I. (1911) *Dnevnik. 1847–1852* [Diary. 1847–1852]. St. Peteresburg.
10. Kukushkina, E.D. (1999) Ivan Vasil'evich Popov [Ivan Popov]. In: Panchenko, A.M. (ed.) *Slovar' russkikh pisateley XVIII veka* [The Dictionary of Russian writers of the 18th century]. Issue 2. St. Peteresburg: Nauka.

О.И. Блинова

О «СЛОВАРЕ СИНОНИМОВ СИБИРСКОГО ГОВОРА»

Статья посвящена «Словарю синонимов сибирского говора», созданного на базе серии вершининских словарей одного говора, но разных типов: толковых, вариантного, антонимического, двухтомного мотивационного словаря и словарей образных единиц, к которым примыкает 4-томный толковый полный словарь одной диалектной личности, представительницы вершининского говора Веры Прокофьевны Вершининой. В отечественной диалектной лексикографии впервые создан синонимический словарь, в структуру которого наряду с заглавной и иллюстративной зонами введена новая зона – интерпретационная, содержащая разноаспектную характеристику каждого синонима.

Ключевые слова: лексикография, лексикографический метод, диалектный словарь, тип словаря, микросистема говора и его зоны.

Когда такие люди... стерегут русское слово,
быть ему живу и России воскреснуть.

Живо слово – жив народ.
Виктор Астафьев

Полный словарь даже в замыслах – уже подвиг.
П.Е. Гриценко

Интерес к словарям в России огромен. По данным книги «Русские словари от А до Я» [1], список опубликованных словарей русского языка насчитывает более 2700 лексикографических изданий с учётом того, что основной массив списка составляют издания второй половины XX – начала XXI в. Причём, как отмечают авторы книги, «период словарного дефицита 70–90-х годов XX в. в последние десятилетия сменился своеобразным лексикографическим бумом» [1. С. 2].

Эта тенденция особенно стала заметна в крупных лексикографических центрах страны, в том числе в томской лексикографической школе, где был издан полный словарь сибирского говора в 4 томах (1992–1995 гг.), ставший первым в отечественной и мировой диалектной лексикографии. В серии других среднеобских словарей он был удостоен Государственной премии Российской Федерации в 1997 г. [2].

* * *

В 2002 г. завершена публикация первого в отечественной лексикографии многотомного полного словаря одного говора (см.: [3–5]. Вот как он выглядит в свете статистики:

1) материалы для словаря собирались более полувека, начиная с 1946 г., и отражают результаты бесед с 200 жителями сёл, в числе которых 150 имеют фамилию Вершинин(а);

2) в составлении словарной картотеки говора приняло участие свыше 300 студентов и сотрудников кафедры русского языка Томского государственного университета и других вузов;

3) объем семитомника – свыше 3 000 страниц;

4) словарь включает 34 170 лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ), зафиксированных в более чем полумиллионе контекстов.

Словарь положил начало комплексной лексикографической параметризации отдельного говора, одной микросистемы, в рамках которой реализовывался проект создания разных типов словарей. Выбор говора был уже сделан и апробирован на базе русского старожильского говора села Вершинина и прилегающих к нему двух сёл с тем же говором: Батурина и Ярского Томского района Томской области (далее вершининский говор).

Затем были изданы: «Словарь вариативной лексики сибирского говора» [6], объединяющий 3 179 лексем; «Словарь антонимов сибирского говора» [7], содержащий около 2 000 антонимов, объединяющий 851 антонимическую пару; двухтомный «Мотивационный словарь сибирского говора», первый том которого включает 2 881 словарную статью, второй – 2 010 словарных статей [8], «Словарь образных единиц сибирского говора» [9], содержит 2 131 образную единицу.

Назовем и уникальный «Полный словарь диалектной языковой личности», вышедший в 4 томах под редакцией Е.В. Иванцовой. Он содержит 26 835 словарных статей [10]¹.

Цель представляемого *Словаря* – показать синонимию вершининского говора как *явление* со всеми его характеристиками: качественными и количественными, полученными при

¹ Словарь включает разговорную речь типичной представительницы говора с. Вершинино Веры Прокофьевны Вершининой.

использовании комплексной параметризации серии вершининских словарей.

Состав Словаря

Из двух существующих типов синонимических словарей – традиционного, или классического, и словаря-исследования школы Ю.Д. Апресяна – избран классический тип. В составе слов-синонимов выделяются: абсолютные, или дублиеты, относительные, или семантические и экспрессивно-стилистические.

Критериев отбора синонимов в Словарь три: 1) семантический, учитывающий идентичность или близость значения единиц в тексте; 2) метаязыковой, опирающийся на показания метаязыкового сознания носителей говора; 3) функциональный, обусловленный совместной встречаемостью языковых единиц в текстах и/или метатекстах в различных функциях.

Благодаря комплексной параметризации говора общий фонд вершининской лексики, собранный за счёт различных источников в течение шести десятков лет, пополнился сотней тысяч лексико-фразеологических единиц разной тематической и иной направленности.

* * *

Словарь синонимов завершает серию вершининских словарей. Его машинописный вариант, начиная от предисловия и кончая списком словарных статей, занимает свыше 2500 страниц.

Синонимический словарь – самый сложный тип словаря в силу специфики строения и семантики самого слова, его зыбкости, подвижности, недостаточной определённости и т.д. Ещё более сложным является диалектный синонимический словарь по целому ряду причин и условий. Не случайно диалектный словарь синонимов – редкое явление в лексикографии [11, 12].

Представляемый «Словарь синонимов сибирского говора» подготовлен составителями: О.И. Блиновой, М.Э. Гавар (Гайсиной), М.А. Толстовой, участниками разработки теории словаря [13–21].

Тип словаря

Словарь синонимов является: полным, толковым, системным, синхронным, полиаспектным, однодиалектным, относится к старожильческим говорам Сибири.

Структура словарной статьи

Словарная статья состоит из трёх зон: заглавной, интерпретационной и иллюстративной.

Заглавную зону представляют синонимические пары и ряды, начинающиеся с доминанты, после которой идут компоненты ряда в алфавитном порядке. Роль доминанты, как правило, выполняет слово, которое является наиболее употребительным в говоре. В роли доминанты может быть как общерусское, так и диалектно-просторечное или собственно диалектное слово.

Закрывают заглавную зону слова, определяющие семантику синонимических пар и рядов, иногда заканчивающиеся латинскими названиями растений.

Например:

РОМАШКА, БЕЛОСВЕТНИК, ВОРОЖЕЙКА, НИВЯНКА

Травянистое растение нивянка обыкновенная. *Leucantemum vulgare* Lam.

Следующая зона – интерпретационная. Она вводится в словарь впервые. Её компоненты состоят из синонимов заглавной зоны и размещаются в зоне столбиком. Его возглавляет заглавное слово, за которым следуют остальные слова:

Ромашка [мот., метаяз., переч., в сравн., О, 8].

Сенокосник [абс., мот., метаяз., Д, 3].

Ворожейка [абс., мот., обр., олиц., метаяз., переч., ДО, 2].

Нивянка [абс., вар., мот., метаяз., переч., О, 2].

Каждый компонент характеризуется по одной и той же схеме: разряд синонима [абсолютный, относительный], является ли он мотивированным или вариантным, образным или метаязыковым и т.д. Таким образом, интерпретационная зона создаёт полное представление о функциональных, количественных и иных характеристиках каждого синонима словарной статьи, дополняя его новым знанием.

Третья, и последняя, зона иллюстративная. Она поставляет текстовые и метатекстовые материалы, которые дают

дополнительные сведения о синонимах каждой словарной статьи в речевом потоке.

– «Белосветник», «ворожейка», «нивянка», «ромашка» – *всяко называют. // Это ромашка. Есть ещё белая ромашка, «нивяник» вообще-то называется. // Ворожейка, нивянка ещё зовут. // Ромашка. Когда вот в животе болит. Бывает такая, которая высоко растёт, играют: «любит – не любит». // Ромашка вот кака бела, и ей ворожат: «любит – не любит, к сердцу прижмёт – к чёрту пошлёт». // А потом ромашка бывает, как под вид беляньего цветка.*

Образцы словарных статей

ГРЕБЁЛКА/ГРЕБЁНКА, ГРЕБЁЛОЧКА/ГРЕБЁНОЧКА, ГРЕБЕШОК

Полукруглый гребень для закалывания и расчёсывания волос.

Гребёлка [вар., мот., ДО, 26].

Гребёнка [вар., мот., д. бум., О, 5].

Гребешок [абс., мот., обр., зоом., О, 1].

Гребёлочка [отн., вар., мот., ум.-ласк., ДО, 8].

Гребёночка [отн., вар., мот., ум.-ласк., О, 3].

– Елена у нас – не заплетат так [волосы], ходит гребёлкой прикалывает. // Нет, я причёски не делала, только тут гребёлка у меня в косе, и коса большая у меня была. // И поэтому просим комиссию принять меры и навести всё же порядок. А то бывает возле магазина жгут бумагу, гребёнки, расчёски (д. бум.). // И это... в бане вымылась, да всегда – а чешу гребешком голову! Вымою да это, почешу. // Токо в праздник наденешь ленточку, гребёлочку. Хорошо берегли всё. // Косу распустишь и завёртываешь гребёночкой.

МОРОСИТЬ, БУСИТЬ

Падать мелкими каплями (о дожде).

Моросить [мот., метаяз., поясн., без доп., ДО, 5].

Бусить [абс., мот., метаяз., без доп., Д, 6].

– Бусит мелкий такой, моросит ли, кто как может, так и называет. // Бусить – это летнее как туман, сыплет, моросит – это бус, забусило, значит. // Дожж моросит. // Ско-оро так

прошёл, сильный-то [дождь], а всё моросил маленький. // Дожжык моросит. Отправились мы домой. // Маленький когда идёт дождь, густенький и меленький, как из сита, бусит. // Бус – это когда ненастье бывает, солнца не видать, идёт и идёт маленький дождик, бусит, бусит. // Вот дождичек бусит, он такой и будет, как чуть-чуть, как из сита сеет. // Идёт дождь, как из сита бусит. // Дожжык, правда, бусил.

ЧИСТОПЛОТНЫЙ, АККУРАТНЫЙ, ОБИХОДЛИВЫЙ

Такой, который любит чистоту и постоянно поддерживает её.

Чистоплотный [ант. *нечистоплотный*, мот., метаяз., О, 8].

Аккуратный – соблюдающий порядок, чистоту [отн., уточ., ДО, 4].

Обиходливый – соблюдающий чистоту; опрятный [отн., ант. *грязный*, мот., Д, 1].

– Чистоплотна, хороша жєнишына – везде чисто и в избе чисто, сама чиста, аккуратна. Вон Поля моет, она шибко чистоплотна. Чистота у ей, порядок. // Если человек чистый да аккуратный – «чистоплотна» на жєницину говорят. // А чистоплотный, у них всегда в квартире чистенько. // Говорят: хороша, чистоплотна, а эта кака грязнуля, *нечистоплотна*. // Ну сам себя хорошо ведёт, аккуратный. // Такой был проворной, чистенькой, такой аккуратный был. // Обиходливый говорят ешо – сам себя обхаживат, а другой грязный, как корова.

Условные сокращения: абс. – абсолютный, вар. – вариантный, мот. – мотивированный, метаяз. – метаязыковый, обр. – образный, олиц. – олицетворение, переч. – перечисление, в сравн. – в сравнении, ДО – диалектный вариант общерусского слова, О – общерусское слово и др.

К основной части Словаря прилагаются списки:

1. Условные сокращения и обозначения: семасиологические, культурологические, функциональные, лексикологические и др.

2. Материалы и источники Словаря: опубликованные статьи и словари (они названы в разделе «Литература») и неопубликованные (в их числе курсовые и дипломные сочинения А.С. Андреевой, А.С. Андрухив, М.Э. Гавар, Е.А. Савичевой, М.А. Толстовой, материалы диалектологических экспедиций ТГУ в сёла Среднего

Приобья (1964–2006 гг.), материалы диалектологической практики ТГУ (2005–2007 гг.)¹.

3. Составители картотеки Словаря синонимов. Наряду с фамилиями студентов-филологов факультета мы найдём фамилии профессоров и доцентов не только Томского университета – В.В. Палагиной, О.И. Блиновой, Г.А. Ракова, Л.А. Захаровой, В.Г. Наумова, Г.А. Садретдинова, С.В. Сыпченко, З.М. Богословской, Л.Г. Гынгазовой, Е.В. Иванцовой, Н.Г. Нестеровой, но и Кемеровского университета – А.П. Васильева и Э.В. Васильевой. В числе аспирантов-составителей Словаря синонимов – М.Э. Гавар (Гайсина) и М.А. Толстова.

4. Литература.

5. Синонимические пары и ряды (объемом 500 страниц и 833 ряда).

Таким образом, в рамках томской лексикографической школы завершен последний словарь серии комплексной параметризации одного говора. Созданы условия для дальнейших исследований русского старожильского говора – села Вершинино Томского района Томской области.

Литература

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Русские словари от А до Я. СПб., 2014.
2. Блинова О.И., Демешкина Т.А. Томская лексикографическая школа начала XXI в. (2002–2012 гг.) // *Вопр. лексикографии*. 2012. № 1. С. 104–109.
3. Блинова О.И. Комплексное лексикографическое исследование диалекта // *Актуальные проблемы диалектной лексикографии: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово*, 1989. С. 11–19.
4. *Вершининский словарь* / гл. ред. О.И. Блинова. Томск, 1998–2002. Т. 1–7.
5. Блинова О.И. *Вершининский инверсариум*. Томск, 2002. С. 361–516.
6. Богословская З.М. *Словарь вариантной лексики сибирского говора*. Томск, 2000. Т. 1: А–К. 304 с.
7. Блинова О.И. *Словарь антонимов сибирского говора*. Томск, 2003. 242 с.
8. Блинова О.И., Сыпченко С.В. *Мотивационный словарь сибирского говора*. Томск, 2009. Т. 1: А–О. 372 с.; Т.2.: П–Я. 310 с.
9. Блинова О.И., Толстова М.А., Юрина Е.А. *Словарь образных единиц сибирского говора*. Томск, 2014. 220 с.

¹ Все рукописные источники хранятся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

10. *Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; гл. ред. Е.В. Иванцова. Томск, 2006–2012.*
11. *Раков Г.Н.* Синонимия как одно из проявлений системных отношений в лексике народного говора // *Вопр. русского языка и его говоров. Томск, 1975. Вып. 3. С. 22–27.*
12. *Раков Г.А.* Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988.
13. *Блинова О.И.* Концепция «Словаря синонимов сибирского говора» // *Язык, литература и культура в региональном пространстве. Барнаул, 2007. С. 7–15.*
14. *Блинова О.И.* Структура «Словаря синонимов сибирского говора» // *Сиб. филол. журн. 2009. № 2. С. 119–127.*
15. *Блинова О.И., Гавар М.Э.* Синонимия сибирского говора сквозь призму лексикографической параметризации // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 1 (27). С. 5–15.*
16. *Гавар (Гайсина) М.Э.* Интерпретационная зона статьи «Словаря синонимов сибирского говора» // *Вопр. лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 34–44.*
17. *Гавар М.Э.* Речевое функционирование синонимов сибирского говора // *Сиб. филол. журн. 2014. № 1. С. 199–204.*
18. *Гавар М.Э.* Функции мотивированных синонимов в речи носителей вершининского говора // *Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. Томск, 2012. С. 116–123.*
19. *Толстова М.А.* Фрагмент «Словаря синонимов вершининского говора». Томск, 2008.
20. *Толстова М.А.* «Словарь синонимов сибирского говора» как источник изучения полисистемных отношений // *Вестн. Кокшет. ун-та. 2011. № 1. С. 233–237.*
21. *Блинова О.И.* Комплексная лексикографическая параметризация сибирского говора: итоги и перспективы // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 1 (13). С. 5–13.*

ON THE DICTIONARY OF SYNONYMS OF THE SIBERIAN DIALECT

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 127–137. DOI 10.17223/23062061/10/8

Blinova Olga I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bli-nova_11@mail.ru

Keywords: lexicography; lexicographic method; dialect dictionary; dictionary type; microsystem of dialect and its zones.

The article considers *The Dictionary of Synonyms of the Siberian dialect*. After a short introduction, the author tells about the creation of a series of Verшининsky dictionaries: explanatory, variability, antonymous, a two-volume motivational dictionary, a metaphor dictionary, a four-volume complete explanatory dictionary reflecting the speech of a typical Verшининsky dialect speaker, Vera Prokofyevna Verшинина. These dictionaries are the basis of the dictionary of synonyms collected for sixty years and consisting of thousands of

lexical and phraseological units on different topics. The typewritten version of the dictionary, from the preface to the list of entries, covers more than 2,500 pages.

The compilers of *The Dictionary of Synonyms of the Siberian dialect* are O.I. Blinova, M.E. Gavar (Gaysina), M.A. Tolstova; it is edited by O.I. Blinova. The type of the dictionary is: a) complete b) explanatory, c) systemic, d) synchronic, e) polyaspect, f) one-dialect, g) old-resident. The aim of the dictionary is to represent dialect synonymy as a phenomenon with all its characteristics. The content of the dictionary is of the traditional type. It includes absolute synonyms, or doublets, relative, or semantic, and expressive-stylistic synonyms. Synonym selection criteria in the dictionary are: 1) semantic, taking into account the identity of the meaning of units in the text; 2) metalinguistic, reflected on the metalinguistic consciousness features of dialect speakers; 3) functional, conditioned by the co-occurrence of linguistic units in texts and / or metatexts in different functions. The structure of the entry consists of three zones. The header contains components of a series of synonyms and the series name. The interpretive zone (first introduced) includes all the components of the header, arranges them in a column and lists characteristics of each component with marks. The article presents several samples of the entry in a reduced version: ROMASHKA, SENOKOSNIK, VOROZHEYKA; MOROSIT', BUSIT', and others.

The main part of the dictionary is supplemented with lists of abbreviations and symbols: semasiological, cultural, functional, lexicological, etc.; of dictionary materials and sources: articles and dictionaries that are published (the References part) and unpublished (including course and final papers by A.S. Andreeva, A.S. Andrukhiv, M.E. Gava, E.A. Savicheva, M.A. Tolstova, materials of TSU dialectological expeditions in the villages of the Middle Ob (1964–2006), materials of TSU dialectological internships (2005–2007) and of the dictionary compilers' catalogs). The dictionary ends with a list of synonym series in the volume of 500 pages and 830 series.

References

1. Kozyrev, V.A. & Chernyak, V.D. (2014) *Russkie slovari ot A do Ya* [Russian dictionaries from A to Z]. St. Petersburg.
2. Blinova, O.I. & Demeshkina, T.A. (2012) Tomsk Lexicography School of the early 21st century (2002–2012). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. pp. 104–109. (In Russian).
3. Blinova, O.I. (1989) Kompleksnoe leksikograficheskoe issledovanie dialekta [The complex lexicographical study of the dialect]. In: *Aktual'nye problemy dialektnoy leksikografii* [Topical problems of dialectal lexicography]. Kemerovo: Kemerovo State University. pp. 11–19.
4. Blinova, O.I. (ed.) (1998–2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Blinova, O.I. (2002) Vershininskiy inversariy [Vershininsky inversary]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 361–516.

6. Bogoslovskaya, Z.M. (2000) *Slovar' variantnoy leksiki sibirskogo govora* [Dictionary of variant lexis of the Siberian dialect]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
7. Blinova, O.I. (2003) *Slovar' antonimov sibirskogo govora* [Dictionary of antonyms of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Blinova, O.I. & Sypchenko, S.V. (2009) *Motivatsionnyy slovar' sibirskogo govora* [The motivational dictionary of the Siberian dialect]. Vol. 1-2. Tomsk: Tomsk State University.
9. Blinova, O.I., Tolstova, M.A. & Yurina, E.A. (2014) *Slovar' obraznykh edinits sibirskogo govora* [The dictionary of metaphors of the Siberian dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti, v 4-kh tomakh* [The complete dictionary of dialectal linguistic identity. In 4 vols]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Rakov, G.N. (1975) Sinonimiya kak odno iz proyavleniy sistemnykh otnosheniy v leksike narodnogo govora [Synonymy as a manifestation of systemic relations in the lexis of the folk dialects]. In: *Voprosy russkogo yazyka i ego govorov* [The Russian language and its dialects]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 22-27.
12. Rakov, G.A. (1988) *Dialektnaya leksicheskaya sinonimiya i problemy ideografii* [Dialect lexical synonymy and problems of ideography]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Blinova, O.I. (2007) [The concept of The Dictionary of Synonyms of the Siberian dialect]. *Yazyk, literatura i kul'tura v regional'nom prostranstve* [Language, Literature and Culture in the Regional Space]. Barnaul. pp. 7-15.
14. Blinova, O.I. (2009) Struktura “Slovara sinonimov sibirskogo govora” [The structure of The Dictionary of Synonyms of the Siberian dialect]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 119-127.
15. Blinova, O.I. & Gavar, M.E. (2014) Synonymy of the Siberian dialect through the prism of complex lexicographic parametrisation. *Vestnik Tom.gos.un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(27). pp. 5-15. (In Russian).
16. Gavar (Gaysina), M.E. (2013) Interpretative zone of entry of the Dictionary of Siberian Dialect Synonyms. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1(3). pp. 34-44. (In Russian).
17. Gavar, M.E. (2014) Rechevye funktsionirovaniye sinonimov sibirskogo govora [Speech functioning of the synonyms of a Siberian dialect]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 199-204. (In Russian).
18. Gavar, M.E. (2012) Funktsii motivirovannykh sinonimov v rechi nositeley vershininskogo govora [Functions of motivated synonyms in Vershinino dialect]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Aktual'nye problemy motivologii v lingvistike XXI v.* [Topical problems of linguistics in the 21st century]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 116-123.
19. Tolstova, M.A. (2008) *Fragment “Slovara sinonimov vershininskogo govora”* [A fragment of the Dictionary of synonyms of Vershinino dialect]. Tomsk: Tomsk State University.

20. Tolstova, M.A. (2011) "Slovar' sinonimov sibirskogo govora" kak istochnik izucheniya polisistemnykh otnosheniy [The Dictionary of Synonyms of the Siberian dialect as a source for studying polysystemic relations]. *Vestnik Kokshetauskiego un-ta*. pp. 233-237.

21. Blinova, O.I. (2011) Complex lexicographic parameters of the Siberian dialect: results and perspectives. *Vestnik Tom.gos.un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(13). pp. 5-13. (In Russian).

Н.Е. Никонова, С.Ю. Стекляникова

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В НЕМЕЦКИХ АНТОЛОГИЯХ 2000–2010-х гг.: ДИНАМИКА ИЗДАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ И ЧИТАТЕЛЬСКИХ ОЖИДАНИЙ¹

В статье представлен аналитический обзор антологий русской поэзии, выпущенных в Германии в XXI в. (более 20 книг). Выявляется типология изданий указанного вида, освещается их критическая и научно-исследовательская рецепция. Намечены пути осмысления зарубежных антологий русской лирики, которые в диахронии реализуют стратегии репрезентации, важные для понимания российско-западноевропейского межкультурного диалога.

Ключевые слова: антология, поэзия, книгоиздание, классификация антологий, принципы построения антологии, читательские ожидания, рецепция.

Книгоиздание в современном информационном обществе переживает настоящий «антологический бум», связанный с ускорением процессов коммуникации, интермедиализацией культуры, динамикой технического прогресса. Антология поэзии как модель издания оказывается адекватной этой трансформации социума, удобной формой для восприятия и воспроизведения целых концептосфер, ограниченных тем или иным периодом, темой, языковым воплощением, эстетическим направлением, национальной парадигмой и др. В России взлет конца 1990–2000-х гг., порожденный «плюрализмом литературных течений в постсоветской литературе», оказался связанным с осмыслением и воплощением внутренних интенций литературного процесса, а «антологические» приоритеты в издании коллективных сборников привели к явному размытию жанровых границ между альманахом и антологией, собственно жанровой специфики антологии» [1. С. 7]. В Германии существует своя специфика в книгоиздании литературно-художественных сборников, связанная с устремленностью вектора немецкой словесной культуры к инациональным литературным традициям, обозначенной И.В. Гете с помощью концепта всемирной литературы.

¹ Статья создана при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук МД-4756.2016.6.

Исследованию этих тенденций посвящены фундаментальные труды современных отечественных и западных ученых. Специально следует сказать о коллективной работе научно-исследовательского отделения «Литературный перевод» (проект Геттингенского университета, 1991–1996 гг.), которая завершилась двумя томами научных трудов о мировой литературе в немецких антологиях XIX и XX вв. соответственно [2, 3]. В русскоязычной гуманитаристике 2000-х гг. внимание ученых сконцентрировалось на дефиниции самого понятия «антология», а также коллективных сборниках второй половины XX – начала XXI в. [1, 4].

Германским издательством «Perelmuter Verlag» инициирована работа по составлению библиографии немецких переводов русской поэзии XIX–XXI вв. (см. www.perelmuterverlag.de), с 2012 г. выходит электронное издание переводов русской поэзии на языки мира (в том числе и на немецкий): журнал «Four Centuries. Russian Poetry in Translation» доступен всем читателям на сайте издательства¹.

Таким образом, в настоящее время имеется достаточный методологический и актуальный эмпирический фундамент для научного осмысления способов и характера представления русской поэзии в антологиях XXI в., предназначенных зарубежному читателю, т.е. ее имагологического потенциала, и наиболее богатый материал для такого исследования представляет немецкое книгоиздание. В рамках статьи представляется возможным попытаться осмыслить, систематизировать, проанализировать и ввести в научный оборот лишь синхронный срез той картины русской поэзии, какой она представляется составителями и издателями антологий.

Нами выявлено более 20 антологий лирики, включающих произведения русских поэтов и вышедших в XXI в. Согласно данным, собранным и проанализированным геттингенским специальным исследовательским отделением, в XIX–XX вв. вышло более 185 немецких антологий русской поэзии, следовательно, можно констатировать очевидное повышение издательской активности.

Понимая под антологией вслед за Ю.С. Смирновой «коллективный сборник избранных произведений, представляющий литературу

¹ Авторы статьи выражают благодарность главе издательства Илье Перельмутеру за подвижническую деятельность и за предоставленные материалы по библиографии антологий.

определенного периода, течения, направления, страны и т.п., включающий наиболее ценные произведения и дающий наиболее целостное представление о том, что было написано в этой области» [4. С. 8], следует признать необычайное разнообразие функционально-стилевых воплощений этого типа литературных «ансамблей» и их «особенное значение». По замечанию М.Л. Гаспарова, именно антологии «создают в сознании канон текстов», «облегчают формирование единства вкуса и возможности читательского взаимопонимания» [5. С. 6].

Известно, что антология может быть научным литературно-художественным книжным изданием и научно-массовым литературно-художественным книжным изданием. Однако в отношении антологий поэзии, охватывающих тексты зарубежных авторов, возникает необходимость в особых критериях для классификации. В зависимости от того, представляет ли сборник одну или несколько инациональных словесных культур, следует различать **билатеральные / полилатеральные** антологии (термин геттингенской школы). Первые показывают читателю одну иностранную словесную культуру, представляя собой пространство коммуникации двух национальных традиций; последние, соответственно, объединяют несколько таких. Антологии иностранной лирики различаются также по способу языкового представления текстов: могут быть **билингвальными** (обычно в этом случае применяется популярный принцип издания *ap regarde*) и **монолингвальными**, когда читатель может воспринимать только переводы произведений на родном языке.

Третьим критерием для классификации антологий зарубежной поэзии может выступать **стратегия при выборе перевода**. Поэтический текст может быть представлен тремя способами: в уже известном, публиковавшемся ранее стихотворном переводе, в новом стихотворном переводе автора-составителя, а также в дословном подстрочном переводе, который дается обыкновенно в сопровождении оригинала. При этом в первых двух случаях действует принцип доместикации, т.е. приближения иностранного слова к читателю, более или менее активного освоения *чужого* путем приспособления, адаптации. В последнем случае работает механизм форенизации, т.е. интенция перемещения реципиента в другую среду словесной культуры, некоторое остранение поэтического текста в процессе его постижения. В немецких антологиях в равной степени популярны обе

стратегии, что возможно во многом благодаря обилию изданий интересующего нас типа, так что читатель при знакомстве с творчеством того или иного автора, представленного в антологии, может обратиться к иным вариантам перевода поэзии этого автора на родной ему язык, т.е. к другим изданиям.

Продуктивным при системном изучении корпуса антологий выступает и рассмотрение **фигур составителя / составителей**, поскольку применительно к таким изданиям особую важность приобретает не текст / тексты, но контекст, в том числе культурно-исторический, эмпирический, невербальный.

Наконец, немецкие антологии представляют собственное измерение русской поэзии, в котором отдельные фигуры поэтов-классиков и маргиналов, поэтов популярных и почти забытых представлены с точки зрения, отличной от отечественного литературного канона. В этой иной системе координат **творчество того или иного стихотворца** вновь оживает и понимается по-новому. Изучение рецептивной модели в отношении наследия одного автора на материале переводческой, критической, научно-исследовательской представленности в антологиях является интересным направлением гуманитарной науки. Примером такого исследования выступает работа У. Екуч (2010) о переводческой и литературно-критической рецепции И.И. Дмитриева в Германии, в которой исследователь устанавливает, что Дмитриев в указанном корпусе текстов предстает как «автор конвенциональной дидактической и сентиментальной поэзии» [6. С. 143].

Среди собранных нами немецких антологий XXI в. значительную группу (12 из 25) составляют тематические издания. Значимым является тот факт, что 5 тематических сборников поэзии 2000-х посвящены только русской лирике, что свидетельствует о достаточно высоком уровне владения материалом и фоновых знаний читателя и издателя. Два первых по хронологии издания, близких к антологиям научного и экспериментального типа, как будто уравновешивая друг друга, посвящаются двум важнейшим локусам поэтической географии русской поэзии: Швейцарии и Санкт-Петербургу. В антологии «Швейцарские впечатления на рубеже веков. Швейцария в жизни и творчестве русских символистов» (Берн, 2000) [7] собраны и рассмотрены биографии К.Д. Бальмонта, В.Я. Брюсова, И.И. Коневского, В.И. Иванова и М.А. Волошина, а также их поэтические и про-

заические тексты на предмет взаимосвязей с швейцарским миром, в результате чего выявляются пять различных способов представления локального ландшафта в поэтической географии. Книга впервые представляет немецкому читателю произведения И.И. Коневского, включает также переводы поэзии символистов, выполненные К. Фербером. Тематическая антология, опирающаяся на фундаментальное исследование русской литературы, выполненное автором, продолжает замысел П. Бранга, издавшего в 1998 г. прецедентный сборник, «Ландшафт и лирика» [8], который включает 166 русских, 138 польских, 18 болгарских, 6 сербских, 5 хорватских, 5 белорусских, 6 украинских, 5 чешских стихотворений, посвященных пейзажам Швейцарии. Этот тип тематических антологий условно можно отнести к жанру травелога, как и антологию-путеводитель 2002 г. «Поэтический гид по Санкт-Петербургу» [9], представивший культурную столицу России сквозь призму стихотворной традиции в русских оригиналах и немецких переводах.

В 2003–2005 гг. в ФРГ заметно усилился интерес к русской литературе, что связано во многом с годом культуры России в Германии и целым рядом мероприятий в рамках проекта «Российско-германские культурные встречи 2003–2004 гг.», который был нацелен на то, чтобы «немецкое общество получило объективное представление о современной России» [10]. «Новое представление о новой России, выходящее за рамки давно устаревших клише» [10] формируется в 2000-х гг. не в последнюю очередь за счет антологий русской лирики, сборников, по форме своей как нельзя лучше подходящих для решения обозначенных задач. В результате только в 2003 г. в Германии выходят две интереснейшие тематические антологии, презентировавшие русскую поэзию под особым углом зрения, под знаком определенных концептов.

Первая книга являет собой классическую по своему исполнению тематическую антологию, составленную У. Шмидом из лучших переводов произведений, которые принадлежат поэтам преимущественно XX в. [11]. Книга стала частью приуроченного к году России в Германии, учрежденного С. Гайер шестичастного собрания «Прочсть Россию» («Russland lessen»), которое объединило издания переводов и исследований, посвященных Пушкину, Гоголю, Достоевскому и Толстому, а также инициировало создание трехсерийного телефильма о русской литературе (режиссер Т. Пальцер, zero film,

Берлин). Из стихотворений XVIII в. в антологии У. Шмида лишь одно произведение Державина, начинается историческая выборка почти во всех тематических разделах с имени Пушкина, при этом шесть частей антологии раскрывают шесть репрезентативных, с точки зрения Шмида, концептов русской поэзии: «Поэзия о поэтическом творчестве», «Образы Родины: между мессианством и апокалиптичностью», «Поэтическая субъективность», «Любовные конструкции языка», «Элегия и поэтическая эсхатология», «Упование на Бога и богооставленность». Сборник, действительно, представляет целостную картину немецкому читателю, приближая к нему русскую поэзию как единую концептосферу, устроенную по понятным ему законам, хотя и внутренне диалектичную. У. Шмид подчеркивает мысль о том, что русская поэзия есть континуум, построенный на преемственности от Пушкина до Мандельштама, Набокова и современных поэтов и не подлежащий разложению на этапы и периоды, т.е. тематический принцип издания является в данном случае программным и противопоставляется традиционному хронологическому.

Та же по доместицирующей направленности, но иная по парадигматике установка автора-составителя и одновременно переводчика организует вторую антологию 2003 г. Издание включает стихотворения авторов XX в., избранные А. Нитцбергом по одному тематическому критерию, принципу соответствия – наличие суицидальных мотивов в произведении поэта и их отражение в его жизнетворчестве. Брюсов и Гумилёв, Ахматова и Есенин, Иванов и Асеев, Комаровский, Вагинов и другие менее знаменитые имена образуют впечатляющее надтекстовое единство, обозначенное составителем как «цирк самоубийц». При этом суицидальный претекст жизни поэтов раскрывается составителем в кратких биографических справках. Вполне естественно, что рецензия на антологию начинается с утверждения: «Великие русские отнюдь не были весельчаками» [12]. Такое субъективное авторское прочтение базируется на безусловном таланте и опыте Нитцберга, компетентного гуманитария, поэта, издателя, умеющего заинтересовать свою аудиторию. Одновременно с печатным изданием 35-летний автор выпустил уникальную аудиоантологию русской поэзии [13], в которой свои произведения читают сами стихотворцы, а их переводы – Нитцберг. Креативный подход

современника оказывается успешным и получает живой отклик как у критиков, так и у читателя / слушателя.

Еще одна группа немецких тематических антологий нашего века представляет русскую поэзию в контексте мировой литературы. Не менее шести таких полилатеральных сборников, адресованных широкому кругу читателей, посвящены какой-либо популярной и понятной каждому теме, обозначенной в заглавии («Море», «Солнце», «Ночь», «Дружба»). А. Вюстнер выпустила, к примеру, четыре таких сборника в издательстве Reclam (2005, 2006, 2011, 2012), куда вошли стихотворения Бальмонта, Ахматовой, Есенина и других русских поэтов [15–18].

Необходимо отметить, что большая часть произведений, представленных немецкому читателю в билатеральных тематических антологиях, принадлежит русским поэтам XX в. Ориентация на знакомство с современными авторами и тенденциями, таким образом, является организующей для антологистов, представляющих прошлый век как единое пространство и репрезентант русской лирики в целом. Исключительно современной русской поэзии, точнее периоду второй половины XX в. посвящены еще четыре собрания 2002–2015 гг. Вторая тенденция, явствующая из анализа корпуса изданий, представляет ориентацию на широкого читателя, который, однако, достаточно компетентен и заинтересован, т.е. лишен признака абсолютной «массовости» как неопитства. К примеру, в рецензии на одну из первых выпущенных в XXI в. крупных немецких антологий современной русской поэзии «Nur Sterne des Alls / Там звезды одне» (2002) К. Хольм сравнивает русскую лирику с растением, которое способно пустить ростки повсюду (“russische Lyrik ist eine Pflanze, die beinahe überall gedeiht”), и даже в пространстве массовой культуры, где публика все меньше обращается к чтению, а книжный рынок перенасыщен, она удивительным образом находит множество верных поклонников-читателей [19. S. 38]. Формат антологии при этом привычен для целевой аудитории: два десятка авторов в двуязычном представлении, с краткими биографическими справками и комментариями в послесловии. По мнению рецензента, немецкого читателя привлекают в современной русской поэзии ее неизменная верность музыкальным формам стиха, песенность, близость народному стихотворному творчеству и при этом – глубокое философское наполнение (экзистенциальные темы, поданные с юмором и доведенные

до трагикомизма), преемственность по отношению к предшествующей традиции (Пушкину и Ахматовой), суггестивность и элегическое звучание, мастерство стилизации. Эти качества в своей совокупности и создают впечатляющую читателя иллюзию тотальной коммуникации, продуцируют контакт с искусством слова («Wo alles durch Verse sagbar ist, erfüllt sich in schöngeistigen Sphären die Utopie oder Antiutopie der totalen Kommunikation») [19. S. 43].

Динамика авторской / издательской стратегии, направленной на индивидуальное прочтение, а в результате – на приближение к широкой (неакадемической) читательской аудитории, прослеживается и в новейших антологических собраниях, не ограничивающихся темой или периодом, но претендующих на полное представление русской поэзии. Так, известные популяризаторы русской литературы К. Боровски и К. Дедечиус выпускают в 2001 и 2003 гг. соответственно антологии русской поэзии в собственных переводах, акцентируя при этом необходимость субъективного, но живого прочтения материала. К. Боровски подчеркивает в предисловии к собранию «Пятьдесят русских стихотворений», что его антология не имеет научного характера, выбор произведений был произведен с учетом релевантности стихотворений для понимания процесса и специфики историко-культурного развития России, где поэт всегда вовлечен в процессы, переживаемые обществом [20. S. 158]. Поэтому на уровне композиции издания на первый план выходит не принцип системности, но принцип линейного следования любознательного читателя логике антологиста. За каждым переводом, выполненным в стихах, следует справка, в которой раскрывается поэтическая семантика текста, определяется его место в литературной картине современности, приводятся факты биографии, важные для понимания своеобразия его жизнетворчества. В стратегиях перевода Боровски также руководствуется особым подходом, соблюдая верность форме там, где она несет эстетическую нагрузку, понятную читателю, и отказываясь от этого следования в пользу нерифмованных строк там, где верность параметрам стиха оригинала может ввести в заблуждение (например, в случае с Пушкиным, ямбы которого в немецком переводе абсолютно лишают его поэтический язык главной его черты, простоты и легкости). В итоге каждый из 34 авторов предстает в антологии сугубой индивидуальностью, связующей субстанцией для

50 русских стихотворений выступает почти исключительно «точка зрения» К. Боровски.

Книга переводов Дедечиуса заявляет о своей авторской стратегии самым заглавием (*Mein Rußland in Gedichten* / *Моя Россия в стихотворениях* [21]) и композицией, в которой ряд произведений получают заглавия переводчика-соавтора. Основой для книги избранных стихотворений стал дневник заключенного в русском лагере с 1943 по 1950 г. военнопленного Карла Дедечиуса, для которого переводы поэзии стали способом выживания. Отсюда и интериоризирующая стратегия автора, буквально перекладывающего собственную жизнь на стихи русских поэтов: Пушкина, Лермонтова, Блока, Ахматовой, Есенина, Маяковского, Бродского и Айги. Антология Дедечиуса выпущена в формате *en regard*, чтобы подчеркнуть характер резонансного диалога с поэтами: после каждого текста оригинала и его перевода следует дата создания и важная отметка о том, в каком возрасте были созданы произведение и его перевод. Так перед читателем оказывается собрание произведений молодых поэтов. Большинство стихотворений написано ими в возрасте до 30 лет.

После всплеска 2001–2004 гг. в издании антологий русской поэзии в Германии наступил сравнительный спад в отношении количества публикаций. Исключением можно считать крупный научный и эдиционный проект под руководством известного слависта Б. Зелински по подготовке четырех томов антологии «Русская литература в отдельных интерпретациях» (*«Russische Literatur in Einzelinterpretationen»*), первый том которой представил русскую лирику (2002); второй том, посвященный русскому роману, вышел в 2007 г.; третий том вместил русскую драму и появился в 2012 г.; наконец, последний том объединил избранные русские повести и вышел в 2014 г. Три последние книги представляют собой доработанное переиздание трехтомника, выпущенного тем же автором в 1979–1986 гг., в то время как «Русская лирика» [22] увидела свет впервые, став итогом многолетней работы составителя и еще целого ряда коллег, авторов немецких дословных (подстрочных) переводов 49 стихотворений, принадлежащих перу 38 поэтов, а также тех самых «отдельных интерпретаций». Принцип отбора материала основывается на репрезентативности текстов (что, по мысли Б. Зелински, соответствует ожиданиям целевого читателя-адресата), во-первых, в пространстве русской словесности; во-вторых, в контексте творчества писателя; в-

третьих, в литературном процессе с точки зрения жанра, формы произведения (басня, баллада, поэма и др.). Выдающиеся русские поэты представлены тремя произведениями, остальные – одним. По мнению Б. Зелински, XVIII и XIX столетия – этап выдающейся русской прозы, XX в. – время лирики, поэтому издание объединяет 11 поэтов из первого периода и 27 из второго. Антология предваряется фундаментальной статьей Б. Зелински, погружающей читателя в пространство русской поэзии, каждое произведение предстает в русском оригинале и немецком дословном переводе, за которыми следует литературоведческая интерпретация текста. Конечно, это оригинальное издание адресовано, прежде всего, заинтересованному читателю, компетентному в литературоведении и славистике. Необходимо отметить оригинальность форенизирующей стратегии коллектива немецких славистов, принявших участие в осуществлении проекта, в результате которого русская поэзия получила максимально возможное по аутентичности представление.

Спустя десятилетие после выхода в свет этого тома немецкому читателю было презентировано новое прочтение русской поэзии: в 2012 г. в Цюрихе вышло объемистое собрание швейцарского слависта, поэта и переводчика Ф.Ф. Ингольда, который по-своему отобрал, переложил и разместил произведения стихотворцев, выпустив антологию под заглавием-цитатой из стихотворения поэта 1980-х гг. В. Бурича «Русская лирика от 2000 до 1800» [23]. Новизна книги заключается, во-первых, в ее реверсивном построении, Ингольд ведет читателя от современности вглубь веков, от стихотворения Б. Рыжего (1974–2001) «Россия» к произведениям Е.А. Баратынского и В.А. Жуковского, так что композиция «соответствует структуре фамильного древа». Во-вторых, новизна книги видится в противостоянии канону, сложившемуся, по мысли автора переводов и составителя, в немецких антологиях русской лирики: на страницах издания соседствуют имена признанные и известные с маргинальными и неизвестными авторами. Такая компиляция не только выражает убежденность в необходимости отхода от устоявшегося канона, но и представляет историю литературы в непрерывном течении, поскольку более сотни стихотворений собрания связывают в единую линию литературный процесс во всех его вершинных и еще не признанных проявлениях (произведения отобраны с учетом даты их создания так, что в итоге в отраженном развитии русской поэзии не возникает

серьезных пробелов). Важно, что Ингольд считает поэзию максимально адекватной для читателя, желающего понять инокультурную традицию в ее динамике и не всегда способного тратить часы на чтение крупной прозы.

Наконец, антология Ингольда отражает еще одну актуальную проблему современного подхода к художественной словесной культуре – внимание к национальной литературе на иностранных языках, в частности поэтическому билингвизму. В издании находятся англоязычные стихотворения В. Набокова («The Poem»), И. Бродского («Letter to an Archaeologist»), французское произведение М. Цветаевой «La Neige», а также русское стихотворение Р.М. Рильке «Я так устал». Свои поэтические переводы Ингольд помещает рядом с оригиналами, подчеркивая стремление к сохранению формы и одновременно необходимость рассматривать параллельно представленные тексты как связанные между собой, но независимые поэтические произведения, принадлежащие двум лингвокультурным традициям. Таким образом, книга благодаря индивидуальному неординарному взгляду швейцарского слависта репрезентирует новую, современную и оригинальную модель антологии как форму времени, что получает положительный отклик в рецензиях [24].

Если в издании Ингольда русская поэзия представлена с целенаправленным нивелированием персоналий, как единый космос, то в вышедшем в следующем году издании профессора И.Р. Дёринг [25] реализуется противоположная установка. Портреты 20 индивидуальностей (А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, Н.В. Гоголя, А.И. Герцена, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М. Горького, И.А. Бунина, А.А. Ахматовой, Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой, В.В. Набокова, А.И. Солженицына, А.Г. Битова, Л.С. Петрушевской, И.А. Бродского, В.Г. Сорокина) видятся результатом реализации популярного сегодня биографического подхода, позволяющего интерпретировать литературное наследие сквозь призму культурно-исторических обстоятельств. В современном геополитическом контексте антологическая модель Дёринг находит своеобразный отклик. Если составители многочисленных антологий русской литературы в Германии и прежде неоднократно замечали, что «Поэт в России – больше, чем поэт», делая справедливый вывод о том, что для авторов русской лирики характерна особая живая связь с народом, проистекающая из противостояния поэта власти и

другим детерминирующим факторам, то теперь в отзыве рецензента об этой галерее портретов раскрывается понятная читателю имиджевая информационная модель России на Западе: «То, что Россия (в немецком из-за среднего рода обозначения всех названий стран, оканчивающихся на-land, буквально «дедушка Россия» («Väterchen Russland»). – *Авт.*) со времен Советского Союза вплоть до авторитарного режима Путина никогда не обходилась особенно заботливо, образно выражаясь, со своими поэтами (изгнание, казни, судебные процессы и высылка из страны), это прописная истина, при этом слово поэта вплоть до сегодняшней медиа-эпохи всегда имело сакральный статус» [26]. Нужно отметить, что книга Дёрринг не является антологией русской поэзии в чистом виде, однако несоответствие информационного посыла характеру критической рецепции, представляющей издание читателю в свете окружающего его информационного шума, является чертой, ранее не находившей места в компетентных отзывах рецензентов на подобные издания.

Несмотря на неблагоприятные последствия действующего санкционного режима в информационной политике, антологии русской поэзии продолжают привлекать внимание немецких славистов, переводчиков, составителей и читателей. 2015 г. ознаменовался выходом объемного труда профессора Гамбургского университета Р. Ходеля, представившего в оригинале и собственном переводе русскую поэзию 1940–1960-х гг. в томе из 472 страниц, озаглавленном строкой стихотворения Д.А. Пригова «За окном внизу – народ и власть» [27]. В антологию в результате репрезентативного отбора из 50 опубликованных сборников и многих курсов лекций вошли более 180 стихотворений: по 6 текстов от 31 автора. Традиционный на первый взгляд хронологический принцип размещения базируется не на дате создания или публикации произведений, но на дате рождения поэтов, что позволяет по-новому взглянуть на поколение сверстников, к которому принадлежат ранее не сопоставлявшиеся фигуры различного масштаба: Д. Пригов и Ю. Кузнецов, Э. Лимонов и К. Кедров, В. Кривулин и С. Стратановский, завершают книгу стихи Н. Азаровой, В. Кальпиди, Н. Кононова и С. Завьялова. Говоря о своей переводческой стратегии, Р. Ходель подчеркивает семантический принцип: рифма и размер сохранены как раз там, где они имеют добавочное семантическое значение, в остальных случаях сохранены либо размер, либо рифма. Антология Ходеля является событи-

ем как для немецкой, так и для русской общественности, издательской и читательской культуры, продолжает богатую традицию по осмыслению, переводу, изданию русской поэзии, сохраняя и вновь оживотворяя ее мир.

Удивительно то, что подвижничество немцев практически не находит адекватного ответного вектора. Русская книжная культура 1990–2010-х гг. несопоставима с освещенной нами эдиционной историей. Исключение составляет единственная антология русской и немецкой поэзии «Диапазон / Diapason», выпущенная в 2005 г. в Москве в год германской культуры в России и впервые комплексно представившая русскому читателю некоторых немецких и русских современных поэтов [28]. Однако в целом, обозревая русскую рецепцию немецкой классической и современной поэзии, все же можно согласиться со словами автора рецензии И. Ковалевой о том, что «активное восприятие немецкоязычной поэзии для нас заканчивается примерно на Рильке», а имеющиеся исключения представляют собой «оазисы», не складывающиеся в какой-либо ландшафт, в результате же «никто, кроме специалистов по немецкой литературе XX века, не представляет себе сколько-нибудь связно, что происходило и происходит в немецкой поэзии, скажем, со времени объединения Германии» [29. С. 268].

Литература

1. *Баженова В.В.* Русский литературный сборник середины XX – начала XXI века как целое: альманах, антология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010.
2. *Weltliteratur* in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1996.
3. *Weltliteratur* in deutschen Versanthologien des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1997.
4. *Смирнова Ю.В.* Антология как разновидность поэтического сборника: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
5. *Гаспаров М.Л.* Поэзия Серебряного века // *Русская поэзия Серебряного века. 1870–1917: антология.* М., 1993.
6. *Екуч У.* Дмитриев в Германии. К вопросу о переводческой и литературно-критической рецепции // *Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь, творчество, круг общения / под ред. А.А. Костина, Н.Д. Кочетковой.* СПб., 2010. С. 129–145.
7. *Schweizer* Impressionen um die Jahrhundertwende. Die Schweiz in Leben und Werk russischer Symbolisten. Bern: Peter Lang, 2000.
8. *Landschaft* und Lyrik. Die Schweiz in Gedichten der Slaven. Eine kommentierte Anthologie. Herausgegeben von Peter Brang. Übersetzungen von Christoph Ferber. Schwabe & Co. AG Verlag Basel, 1998.

9. *Poetischer Sankt-Petersburg–Führer*. Hrsg. von J. Peltz. Russ / D Wissenschaftliche Buchgesellschaft 2002.

10. *Выступление В.В. Путина на церемонии открытия фестиваля «Российско-германские культурные встречи 2003–2004 гг.»* // Дипломатический вестник. 2003. Март [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf (дата обращения: 15.01.2015).

11. *Sternensalz*. Russische Lyrik. Eine thematische Anthologie. Herausgegeben und kommentiert von Ulrich Schmid. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003.

12. *Selbstmörder-Zirkus*. Russische Gedichte der Moderne. Herausgegeben und übersetzt von Alexander Nitzberg. Leipzig: Reclam Verlag Leipzig, 2003.

14. *Sprechende Stimmen: russische Dichter lesen; Originalaufnahmen* / hrsg. von Alexander Nitzberg. Übersetzungen rezitiert von Alexander Nitzberg. Köln: DuMont, 2003.

15. *Das Meer*. Gedichte. Herausgegeben von Andrea Wüstner. Reclam, 2005.

16. *Die Sonnetgedichte*. Herausgegeben von Andrea Wüstner. Reclam, 2006.

17. *Das schönste, was es gibt auf der Welt*. Gedichte über Freundschaft. Hrsg.: Andrea Wüstner, Reclam, 2011.

18. *So jung wie die Hoffnung*. Gedichte und Geschichte vom Älterwerden. Hrsg.: Andrea Wüstner. Reclam, 2012.

19. «*Nur Sterne des Alls*». Zeitgenössische russische Lyrik. Kirsten Gutke Verlag Köln, Frankfurt 2002. Feliks Cecik, Annette Julius (Hrsg.).

20. *Fünzig russische Gedichte*. Ausgewählt und herausgegeben von Kay Borowsky. Stuttgart: Reclam, 2001.

21. *Dedecius K.* Mein Rußland in Gedichten. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003.

22. *Die russische Lyrik*. Herausgegeben von Bodo Zelinsky unter Mitarbeit von Jens Herlth. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2002.

23. «*Als Gruß zu lesen*». Russische Lyrik von 2000 bis 1800. Dörlemann Verlag, Zürich, 2012.

24. *Hielscher K.* Anregendes Handbuch zur Poesie Russlands. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.deutschlandfunk.de/anregendes-handbuch-zur-poesie-russlands.700.de.html?dram:article_id=218675. (дата обращения: 30.01.2016).

25. *Von Puschkin bis Sorokin: Zwanzig russische Autoren im Porträt* (Hardback) Johanna Renate Döring Published by Böhlau-Verlag GmbH, 2013.

26. *Lentes J.* Der russische Autorenkosmos in einem Buch 12. April 2014 // Russia Beyond The Headlines (ehemals Russland HEUTE) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://de.rbth.com/lifestyle/2014/04/12/der_russische_autorenkosmos_in_einem_buch_28869 (дата обращения: 30.01.2016).

27. *Vor dem Fenster* unten sind Volk und Macht / За окном внизу – народ и власть. Russische Poesie der Generation 1940-1960 / Русская поэзия 1940–1960 гг. Herausgegeben und übertragen von Robert Hogel. Leipziger Literaturverlag, 2015. zweisprachig.

28. *Диалогон – Diapason*. Антология современной немецкой и русской поэзии. Anthologie deutscher und russischer Gegenwartslyriker. M., 2005.

29. *Ковалева И.* Строфы с комплексным познавательным эффектом // Иностр. лит. 2006. № 5. С. 267–271.

RUSSIAN POETRY IN THE GERMAN ANTHOLOGIES OF THE 2000S–2010S: DYNAMICS OF PUBLISHING STRATEGIES AND READER EXPECTATIONS

Text. Book. Publishing, 2016, 1 (10), pp. 138–154. DOI 10.17223/23062061/10/9

Nikonova Natalia Ye., Steklyannikova Svetlana Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru, stekljannik@mail.ru

Keywords: anthology; poetry; publishing; classification of anthologies; principles of anthology construction; reader expectations; reception.

The acceleration of the communication processes, the dynamics of technical progress are leading to higher interest in the publication of anthologies to date. Anthology of poetry is a particular form of perception and reproduction of the whole concept sphere. In Germany, the publishing of collections is primarily connected with the foreign literary traditions of the German verbal culture. For the period of 2000 to 2010 more than 20 German-language anthologies of Russian poetry were identified, which shows an increase in publishing activity; in Russian book culture in the same period only one anthology of Russian and German poetry *Range* (2005) was found. It first fully incorporated the works of some Russian and German contemporary poets. In general, the Russian reception of German classical and contemporary poetry is little presented, so that the Russian reader has a very incomplete impression of the processes taking place in German poetry.

When analyzing the case of the German-language anthologies, two orientations of publishers were exposed: introduction to contemporary authors and trends is organizing for the German anthologists, and orientation on a general reader, sufficiently competent and interested. Criteria for classification of foreign anthologies of poetry are: bilateral / poly-lateral anthologies, bilingual/monolingual representation of text in an anthology, strategies in the choice of translation. With the system approach to anthologies, an important role is played by the figure of the compiler / compilers, because a context performs a special role in the anthology. German anthologists introduce Russian poets and marginals in a different way to national literary traditions. A significant group of thematic editions are highlighted among German anthologies, five of which are devoted only to Russian poetry, which indicates a high level of the publisher's knowledge of the material and the background knowledge of the reader.

Reader's interest in Russian poetry is continuously supported by philology specialists in forms of special editions of anthologies (F.F. Ingold and A. Nitzberg), and cultural and social events, e.g., the project "Russian-German Cultural Meetings 2003–2004".

Overall, German book publishing is a wealthy material for reflection and study of the reception of Russian poetry in German-language anthologies intended for foreign readers. The study of receptive heritage models the author / group of authors on the critical material; academic research representation in anthologies is an interesting area of the Humanities.

References

1. Bazhenova, V.V. (2010) *Russkiy literaturnyy sbornik serediny XX – nachala XXI veka kak tseloe: al'manakh, antologiya* [Russian analects in the middle of the 19th – early 21st centuries as a whole: Almanacs, anthologies]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.

2. Essman, H. & Schoening, U. (eds) (1996) *Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 19. Jahrhunderts* [World literature in German poetic anthologies of the 19th century]. Berlin.
3. Boedeker, B. & Essman, H. (eds) (1997) *Weltliteratur in deutschen Versanthologien des 20. Jahrhunderts* [World literature in German poetic anthologies of the 20th century]. Berlin: Erich Schmidt Verlag.
4. Smirnova, Yu. V. (2003) *Antologiya kak raznovidnost' poeticheskogo sbornika* [Anthology as a type of poetic collection]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Gasparov, M. L. (1993) *Poeziya serebryanogo veka* [Poetry of the Silver Age]. In: Gasparov, M. L. & Koretskaya, I. V. (eds) *Russkaya poeziya serebryanogo veka. 1870–1917* [Russian poetry of the Silver Age. 1870–1917]. Moscow.
6. Ekuch, U. (2010) *Dmitriev v Germanii. K voprosu o perevodcheskoy i literaturno-kriticheskoy retseptsii* [Dmitriev in Germany. On the question of translation and critical reception]. In: Kostin, A. A. & Kochetkova, N. D. (eds) (2010) *Ivan Ivanovich Dmitriev (1760–1837). Zhizn', tvorchestvo, krug obshcheniya* [Ivan Dmitriev (1760–1837). Life, work, and social circle]. St. Petersburg: RAS. pp. 129–145.
7. Staikov, Z. (2000) *Schweizer Impressionen um die Jahrhundertwende. Die Schweiz in Leben und Werk russischer Symbolisten* [Swiss Impressions around the turn of the century. Switzerland in the life and work of Russian Symbolists]. Bern: Peter Lang.
8. Brang, P. (ed.) (1998) *Landschaft und Lyrik. Die Schweiz in Gedichten der Slaven* [Landscape and Poetry. Switzerland in poems of the Slavs]. Translated by Ch. Ferber. Basel: Schwabe & Co.
9. Peltz, J. (ed.) (2002) *Poetischer Sankt-Petersburg* [The poetic St. Petersburg]. Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
10. Putin, V. V. (2003) *Vystuplenie na tseremonii otkrytiya festivalya “Rossiysko-germanskije kul’turnye vstrechi 2003–2004 gg.”* [Speech at the opening ceremony of the festival “Russian-German Cultural Meetings 2003–2004”. *Diplomaticheskij vestnik*. [Online] Available from: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf. (Accessed 15th January 2015).
11. Schmid, U. (ed.) (2003) *Sternensalz. Russische Lyrik* [The star salt. Russian poetry]. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
12. Nitzberg, A. (ed.) (2003) *Selbstmörder-Zirkus. Russische Gedichte der Moderne* [Suicide Circus. Modern Russian poetry]. Leipzig: Reclam Verlag Leipzig.
14. Nitzberg, A. (ed.) *Spreekende Stimmen: russische Dichter lesen; Originalaufnahmen* [Speaking Voices: Reading Russian poets. Original recordings]. Köln: DuMont.
15. Wüstner, A. (ed.) (2005) *Das Meer. Gedichte* [The Sea. Poems]. Reclam, Philipp, jun. GmbH, Verlag.
16. Wüstner, A. (ed.) (2006) *Die Sonnegedichte* [The sun poems]. Reclam, Philipp, jun. GmbH, Verlag.
17. Wüstner, A. (ed.) (2011) *Das schönste, was es gibt auf der Welt. Gedichte über Freundschaft* [The most beautiful thing there is in the world. Poems about friendship]. Reclam, Philipp, jun. GmbH, Verlag.
18. Wüstner, A. (ed.) (2012) *So jung wie die Hoffnung. Gedichte und Geschichte vom Älterwerden* [As young as the hope. Poetry and stories of the aging.]. Reclam, Philipp, jun. GmbH, Verlag.

19. Cecik, F. & Julius, A. (eds) (2002) *“Nur Sterne des Alls”*. *Zeitgenössische russische Lyrik* [Only stars of the universe. Contemporary Russian poetry.]. Köln, Frankfurt: Kirsten Gutke Verlag.

20. Borowsky, K. (ed.) (2001) *Fünfzig russische Gedichte* [Fifty Russian poems]. Stuttgart: Reclam.

21. Dedecius, K. (2003) *Mein Rußland in Gedichten* [My Russia in poems]. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.

22. Zelinsky, B. & Herlth, J. (eds) *Die russische Lyrik* [Russian lyric]. Köln, Weimar, Wien: Böhlau.

23. Ingold, F. (ed.) (2012) *“Als Gruß zu lesen”*. *Russische Lyrik von 2000 bis 1800* [“To read as greeting”. Russian poetry from 2000 to 1800]. Zürich: Dörlemann Verlag.

24. Hielscher, K. (2012) *Anregendes Handbuch zur Poesie Russlands* [Inspiring Guide of Russian poetry]. [Online] Available from: http://www.deutschlandfunk.de/anregendes-handbuch-zur-poesie-russlands.700.de.html?dram:article_id=218675. (Accessed: 30th January 2016).

25. Döring, J.R. (2013) *Von Puschkin bis Sorokin: Zwanzig russische Autoren im Porträt* [From Pushkin to Sorokin: Twenty Russian authors in portraits]. Böhlau-Verlag GmbH.

26. Lentjes, J. (2014) *Der russische Autorenkosmos in einem Buch 12. April 2014*. [Online] Available from: http://de.rbth.com/lifestyle/2014/04/12/der_russische_autorenkosmos_in_einem_buch_28869. (Accessed: 30th January 2016).

27. Hogel, R. (ed.) (2015) *Vor dem Fenster unten sind Volk und Macht*. *Russische Poesie der Generation 1940-1960* [Outside the window below are people and power Russian poetry of 1940–1960]. Leipziger Literaturverlag.

28. Pakhomova, E., Biryukov, S., Jackson, H. & Zames, B. & kedrov, K. (eds) (2005) *Diapazon. Antologiya sovremennoy nemetskoy i russkoy poezii* [Diapason. An Anthologie of German and Russian modern poetry]. Moscow: Universitet Natalii Nesterovoy.

29. Kovaleva, I. (2006) *Strofy s kompleksnym poznavatel'nym efektom* [Stanzas with the complex cognitive effect]. *Inostrannaya literatura*. 5. pp. 267-271.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЙЗИКОВА Ирина Александровна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

БАРАНОВА Анастасия Викторовна – аспирант Томского государственного университета, ст. преподаватель кафедры иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета (Институт природных ресурсов).

E-mail: baranskikh@yandex.ru

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета.

БУДАНОВА Ирина Борисовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: irinabudanova@hotmail.com

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

ЖИЛЯКОВА Эмма Михайловна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: emmaluk@yandex.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: kv-uliss@mail.ru

ЛИТВИНОВ Александр Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: litvinov1977@tambo.ru

МИРОНОВА Вероника Евгеньевна – преподаватель кафедры ИЯПР Национального исследовательского Томского политехнического университета (Институт природных ресурсов).

E-mail: veronicka84@yandex.ru

НИКОНОВА Наталья Егоровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой романо-германской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

СТЕКЛЯННИКОВА Светлана Юрьевна – ст. преподаватель кафедры немецкого языка факультета иностранных языков, соискатель каф. романо-германской филологии филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: stekljannik@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) её краткая аннотация (500 знаков), аннотация выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");
- автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

- перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (название и номер по классификации ВАК);
- телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке;
- 2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков; включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;
- 3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне⁸⁵.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала:

<http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

⁸⁵ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING

2016. № 1 (10)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Капуст*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Подписано в печать 26.04.2016 г. Формат 60х84 ¹/₁₆.
Печ. л. 9,75; усл. печ. л. 9,01; уч.-изд. л. 8,99.
Тираж 500 экз. Заказ 1802.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru